

10.335
1960

1

10335

107

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

64796

С О Д Е Р Ж А Н И Е

САНДРО ШАНШАШВИЛИ. Моя песня Родине. Стихи.	3
БЕНИК СЕЙРАНЯН. Татух. Рассказ.	4
КАРЛО КАЛАДЗЕ. Дети у развалин храма. Стихи.	9
КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Рассказы из цикла «Калотубанцы».	11
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Из лирической тетради. Стихи.	27
АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ. Женщина в зеркале. Научно-фантастический роман.	29

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

И. В. ТЮЛЕНЕВ. Битва за Кавказ. Из книги «Че- рез три войны»	50
---	----

ОЧЕРКИ

ИЛЬЯ МУХАДЗЕ. Перед второй жизнью...	70
--	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

ГЕОРГИЙ ОСИПОВ. Богатыри моря	77
---	----

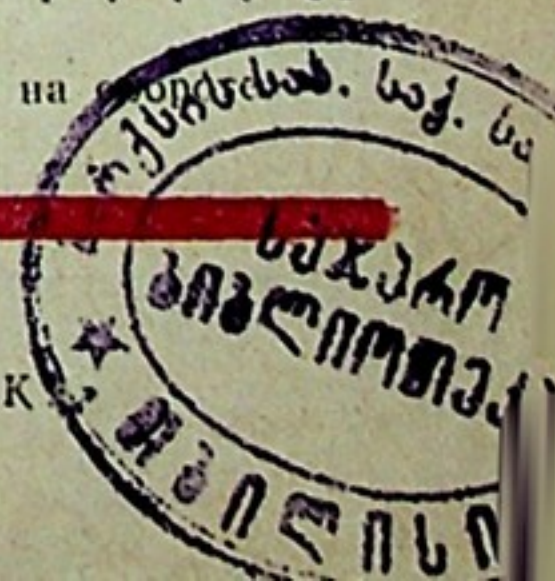
К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова.

ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Великий художник	82
П. ГУДУШАУРИ. Чехов в Грузии	84

См. на

ЯНВАРЬ

1960

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

СОФЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ. Роман и его истоки . . . 87
ЛИНА ХИХАДЗЕ. Переводчик или автор? Письмо
 в редакцию . . . . . 91 ✓
ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. На встрече поэтов 96

САТИРА И ЮМОР

Э. ЭДЕЛИ. С Новым годом, товарищи!
А. ГЕРШТЕНБЛИТ. Литературные пародии.
 Месяц на Луне . . . . . 100 — 103

24302

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
 В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Ответственный секретарь **М. ЗАВЕРИН.**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Сандро Шаншиашвила

МОЯ ПЕСНЯ РОДИНЕ

Перевод с грузинского М. Георгадзе

Где бы я ни был, в каком краю,
Я песню песен свою пою:
Твое величье — в улыбке чистой,
В улыбке ясной, в глазах лучистых,
В глазах сыновьих, в глазах дочерних,
В рассветах росных, в звездах вечерних.
Твой путь был трудным, твой путь был мглистым.
Но мглу развеяли коммунисты.
Они открыли и указали
Тебе дорогу в большие дали,
Тебе, Отчизна, навеки дали
Литые мышцы дамасской стали.
И где б я ни был, в каком краю,
Я песню песен свою пою!
С тобой бок о бок в боях сражался
И злого рабства разбил вериги,
С тобой сдружился и побратался
Народ российский, народ великий.
Стоят на страже своей державы,
Стоят на страже побед и славы,
Стоят на страже счастливой жизни
Народы братские моей Отчизны.
И где б я ни был, в каком краю,
Я песню песен свою пою.

Беник Сейранян

Т а т у х

РАССКАЗ

Перевод с армянского Г. Мулкиджаняна

Рис. И. Гурро

«Газик» мошакарца Санасара остановился на краю глубокого ущелья. Выйдя из кабины, Санасар, что было мочи, крикнул:

— Татух, эй!

«Тату...ух...» — загрохотало в ущелье.

В низине клубились белые облака и, постепенно вздуваясь, как пена овечьего молока, медленно плыли вверх.

Ответный голос Татуха донесся из этих клубящихся облаков:

— Иду, э...эй!..

Санасар облегченно вздохнул и, бросив улыбающийся взгляд на нас, сидящих в кузове, снова влез в кабину.

Мы молчали, утомленные долгой дорогой, тряской и толчками машины. Никому не хотелось говорить — не было ни настроения, ни желания вести беседу.

Наконец, показался Татух. С перекинутым через плечо дорожным мешком он степенно поднимался из ущелья. И хоть я впервые встретился с ним, этим знаменитым свинарем из Мошакара, но, казалось мне, знаю его уже давно — так много пришлось услышать о нем по дороге. О нем рассказывали охотно и заметно гордились тем, что Татух является участником Выставки и ныне едет в село, а затем отправится в Москву.

Сейчас я внимательно рассматривал этого прославившегося человека и... не находил в нем ничего необыкновенного. Это был атлетически сложенный, пышущий здоровьем, но все же самый обыкновенный горец. Невольно вспомнился искусный плотник, который начерно обтесал в лесу огромный обрубок ствола и отставил в сторону, чтобы затем, в подходящий момент, вернуться, отшлифовать его и придать желаемую форму. Но потом не то забыл о нем, не то вовсе передумал — и забросил.

Односельчане с восхищением рассказывали о своем свинаре удивительные вещи. Да и не только о нем, но и о всех мошакарцах. Если верить их словам, то получалось так, что все блага и таланты были собраны богом со всей вселенной и сброшены на Мошакар и мошакарцев. Ясно, что изрядная доля этого добра досталась и Татуху.

О Татухе говорили, например, что он, якобы, с голыми руками вышел на дикого кабана. И когда разъяренный зверь бросился на него, пытаясь саблевидными клыками распороть живот смельчаку, Татух обеими руками крепко схватился за клыки, наклонил и так прижал голову кабана, что морда ушла глубоко в землю, и зверь, задыхаясь, обессилел.

Пока пассажиры рассказывали о Татухе, он подошел, сбросил заплечный мешок в машину, толстой волосатой рукой ухватился за борт ее и, кряхтя и отдуваясь, кое-как перекинул свое грузное тело в кузов.

И, вероятно по тому, как сильно трянуло машину, шофер Санасар догадался, что могучее тело Татуха уже в кузове. Сразу заревел мотор, и «газик» сорвался с места. На каменистой дороге машину снова стало бросать из стороны в сторону и трясти, а вместе с ней трясло и бросало от борта к борту бедного Татуха, который не успел еще как следует усесться. Его огромное тело, как ячменное зерно в решете, непрерывно подпрыгивало, задевая то одного, то другого пассажира.

Видно было, что Татух не привык к передвижению подобным образом, и останови кто-нибудь машину и скажи, что остальную часть пути Татух может пройти пешком, он был бы бесконечно благодарен. Кое-кто из пассажиров из сочувствия пытался было уступить ему место, но Татух каждый раз отказывался наотрез — не желал никому причинять беспокойства.

Изрытая рытвинами и ухабами горная дорога петляла между скал, то круто поднимаясь, то опускаясь, и на всем протяжении шла по краю ущелья. А ущелье, находившееся справа от машины, устремлялось все вперед и вперед.

Это была сумрачная бездонная

теснина — красивая и страшная. Дно ее местами закрывали деревья, густо сросшиеся своими кронами, или клубы тумана. Только по долетающему откуда-то снизу приглушенному рокоту реки можно было представить, какие огромные расщелины и пропасти таит она в себе.

Слева прямо в небо упирались горные вершины. Горы, расцвеченные всеми красками природы, и дикие нагромождения скал, напоминающие

либо разоренные храмы с полуразвалившимися колоннами, либо за-
стывших в прыжке волшебных скакунов, либо сказочных великанов,
накинутыми на плечи зелеными шкурами, танцующих в веселом хоро-
воде, чередуясь, неслись навстречу нашей машине.

Временами дорога становилась настолько опасной, что дух захва-
тывало, и глаза закрывались от ужаса. Правые колеса машины места-
ми катились по самому краю пропасти, и было такое ощущение, будто ты
повис в воздухе над тесниной.

Наконец, расставшись с горным ландшафтом, мы оказываемся в
лесу и продолжаем путь по зеленому тоннелю. Приятная прохлада ове-
вает нас. Воздух влажный, полный аромата лесных цветов и запаха
прелых листьев. Густые ветви повисли над дорогой. Солнце и небо
плотно скрыты от глаз зеленым лесным шатром.

Вдруг воздух посвежел, и лес наполнился необычным шумом —
почувствовалось дыхание дождя. Но дождевые капли еще не доходили
до нас: им нелегко было пробиться сквозь многоярусный лиственный
покров над нашими головами.

По-настоящему почувствовали мы дождь только тогда, когда до-
рога вышла из леса и снова приблизилась к краю теснины. Такие круп-
ные сверкающие капли обрушились на нас, что сперва даже показалось,
что это не дождевые капли, а градинки.

Спасаясь от дождя, мы укрылись кто чем мог, плотнее прижались к
бортам машины, составив таким образом в кузове своеобразный кру-
жок. И только Татух, которого все так же бросало из стороны в сторону,
один остался под хлещущими струями ливня. Машина стала постепенно
замедлять ход. Чувствовалось, что Санасар стал еще осторожнее. Иначе
и быть не могло: старые, стертые покрышки скользили по мокрому, рас-
ползающемуся грунту, колеса буксовали на подъемах, машина нередко
медленно сползала назад. И каждый раз наши сердца наполнялись
страхом.

Вскоре дождь стал утихать, капли сделались мельче. Но до конца,
видимо, было еще далеко. Смеркалось. А чтобы вырваться из хитро-
сплетения скал и ущелья в долину, нам предстоял еще не малый путь.

— И фары, как нарочно, не в порядке, — озабоченно сказал худо-
щавый паренек, высунув голову из ворота промасленной куртки.

Уступив женщине с ребенком свое место в кабине, он примостился
в углу кузова на брошенной сюда старой покрышке и изъявил желание
быть помощником Санасара.

Именно от этого юноши через несколько минут мы с тревогой узнали
о том, что и тормоза машины тоже не в порядке.

«Ну и беда», — подумал я, тревожно поглядывая вокруг. В машине
полно пассажиров-горцев, все они из Мошакара. У каждого в руках есть
что-то — мешочек с процеженным мацони, завернутая в газету лепешка
свежего сыра, горшочек с маслом, узелок со снедью. Но как все при-
тихли, помрачнели! Моросящий дождь словно проник им в сердце и ду-
шу. Собственно, разве только мои соседи в таком положении? А я сам?
Отяжелевшая от чрезмерной влаги природа, наступая со всех сторон,
стесняла, буквально душила меня.

— Чутик¹, — вдруг слышится из кабины голос Санасара.

Уже знакомый нам паренек свесился к окну кабины.

— Сойди... возьми камень.

Впереди чернеет крутой подъем. Дорога скользкая. Чутик торопит-
ся исполнить просьбу шофера, но Татух опережает его.

¹ Чутик — птенчик. (Арм.)

— Не надо... я... — говорит он под нос и тут же прыгает в дорожную грязь.

По нашим лицам пробегают легкая усмешка — «избавился, бедный от тряски», — думает каждый.

Вытирая грязные руки об одежду, Татух бросает взгляд по сторонам и вместо камня извлекает из придорожного бурьяна длинное бревно, взваливает его на плечо и продолжает путь рядом с машиной. В его тяжелой, качающейся походке есть что-то от медвежьей поступи. Глядя на него, нельзя не улыбнуться. Шагал он, с трудом отрывая от земли ноги и оставляя глубокие следы, сразу же наполнявшиеся водой. Следуя один за другим, они создавали впечатление цепочки небольших озерков.

Дождевая вода струилась по щекам Татуха.

Иногда Татух брался одной рукой за борт кузова и шел вровень с машиной, потом снова отрывался от нее и с трудом плелся позади. Каждый раз, когда «газик», встретив препятствие, казалось, вот-вот должен был остановиться, Татух сбрасывал с плеча бревно, нагибался и подкладывал его под колеса. И при этом так стонал и пыхтел, будто под машиной оказывался он сам.

Буксующие колеса упирались в бревно, останавливались, затем, словно набравшись сил, отрывались и опять катились дальше. А Татух вытаскивал бревно из грязи, снова взваливал на плечо и продолжал путь. Его руки, лицо, грудь и колени были измазаны так, словно Татух выкупался в грязи.

Но вот однажды на подъеме колеса опять забуксовали, и машина заскользила назад. Татух кинул под колесо бревно, но оно неожиданно погрузилось в грязь, машина легко переехала его и, набирая скорость, покатила к пропасти. Бревно невозможно было извлечь из грязи. Ухватившись руками за борт кузова, Татух скользил вместе с машиной назад.

Мы растерялись, и никто не мог двинуться с места.

Послышался треск открывшейся двери кабины. Кто-то выпрыгнул оттуда. «Неужели Санасар? Неужели, спасая себя, он бросил нас на произвол судьбы?» — молнией пронесли у каждого тревожные мысли. Теперь все следили за Татухом. Желая предотвратить смертельную опасность, он тяжестью своего огромного тела силился остановить машину. Но разве это было возможно?

Вдруг и Татух исчез из поля зрения. Тревога возросла. «Куда делся Татух? Что произошло?»

В это время машина, проскользив еще немного, совершенно неожиданно остановилась в четырех — пяти шагах от края пропасти. Один за другим, еще не оправившись от страха, мы соскочили из кузова. В дверях кабины показался Санасар с побелевшим, как полотно, лицом. До последнего мгновения он не выпускал из рук баранки и так стиснул зубы, что долго не мог открыть рта.

Только теперь стало известно, что из кабины выпрыгнула женщина. Озабоченные судьбой матери и ребенка, в возникшей суматохе мы на миг забыли про Татуха. Но вдруг все услышали ее истошный крик:

— Эй, люди... Татух...

Мы обернулись, и что же?.. Татух лежал под колесом машины. Все кинулись к нему, сдвинули «газик» с места, высвободили Татуха. К счастью, он был жив, хотя и сильно пострадал.

Не раздумывая, в минуту опасности Татух подставил под колесо ногу.

Этот удивительный человек не издал ни звука, даже не застонал.

Забыв про боль, он смотрел на нас счастливыми глазами. **Казалось,** он проверял, все ли мы тут, все ли невредимы...

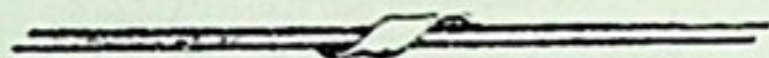

* * *

Через несколько месяцев после этого случая я встретил Татуха в его родном селе. Он выписался из больницы, но продолжал лечиться. Нога еще была забинтована. Он хромал и ходил, опираясь на палку. И по-прежнему оставался Татухом — скромным, молчаливым, замкнутым. Встречные приветствовали его, заботливо спрашивали о здоровье.

Я остановил его и разговорился с ним. В Москву на Выставку он не поехал; вернее, не мог поехать.

— Ничего... в будущем году, — сказал он с доброй улыбкой. И в словах его слышалась глубокая уверенность.

Карло Каладзе

ДЕТИ У РАЗВАЛИН ХРАМА

Перевод с грузинского Л. Магистровой

Мятежного сердца Баграта осколок,
Как чудо, над городом я возвышаюсь.
Ведь дерзкие руки

из камня простого

Меня воздвигали,
Меня украшали.
Меня опоясал чудесный орнамент,
Как стража, застыли вокруг кипарисы.
И плыли сверкающими облаками
Мои купола в ослепительной выси.

...А ныне —

Развалин замшелые глыбы,
Осевшие стены — живые преданья.
О, если б столетья разглядить могли бы
На каменных лицах печати страданья.
Но глыба сдаваться столетьям не хочет,
И страстную в сердце надежду лелеет,
Что очи,

красивые женские очи,

Ее бесприютную старость согреют.

Красивая

девушка на рассвете

Приходит с детишками к стенам-гроздам,
И кажутся меньше поющие дети,
Чем на орнаменте

гроздь винограда.

Они говорливой ликующей стаей
Резвятся, как голуби озорные,
Как птицы, что часто сюда залетают,
Все ждут, чтоб ожили цветы вековые.

Я старые раны открою,

открою —

Пусть

тень их кудрей шелковистых коснется.

Я ясные взоры ловлю!

Надо мною

Пускай жизнерадостный смех раздается.
Оттают под солнцем гранитные души,
И в мертвых камнях затеплится надежда.
Грузинскую речь мне бы слушать и слушать,
Из уст ребятишек,

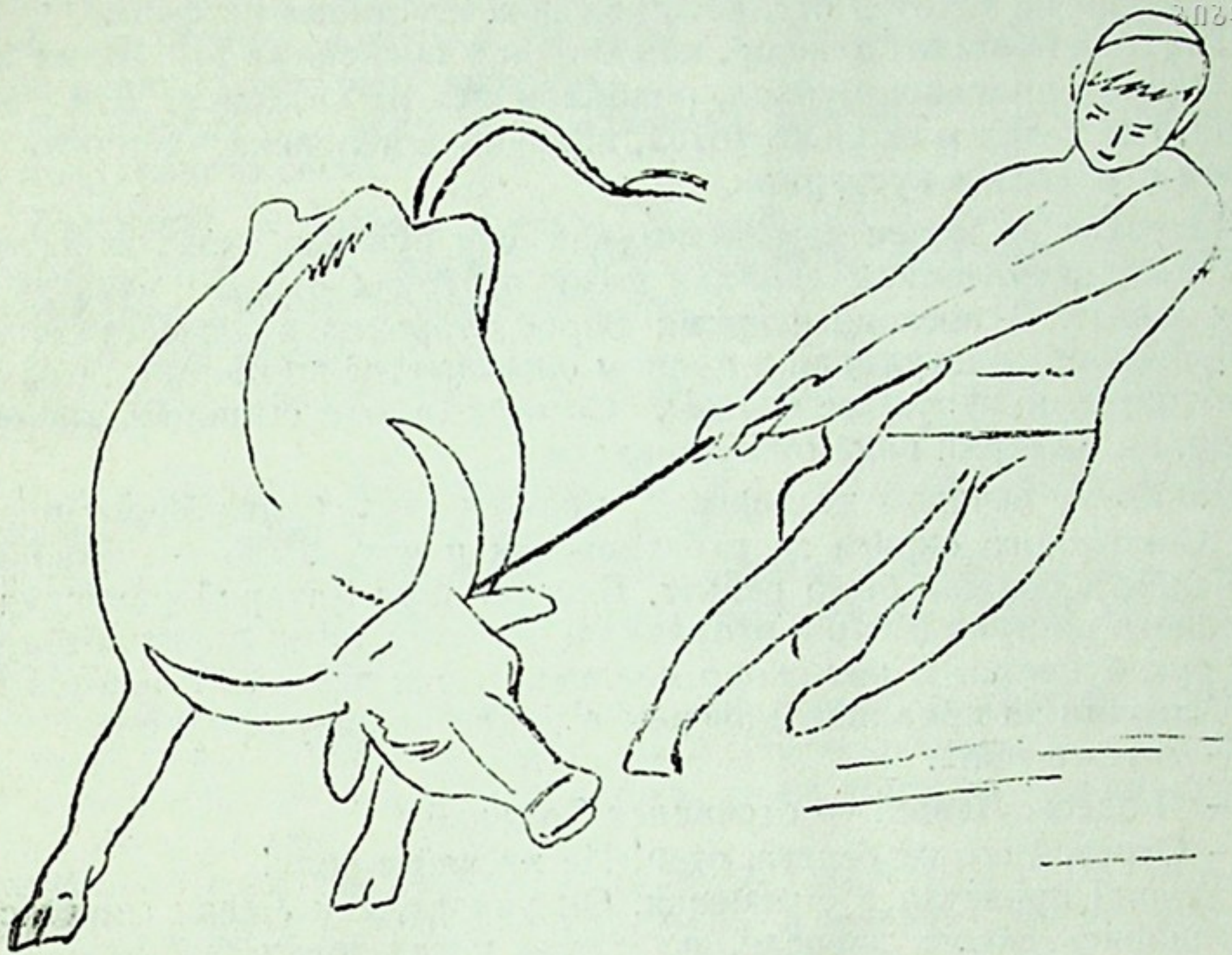
смеющихся, нежных!

И гриф мой взмахнет в нетерпенье крылами,
И каменный лев у ворот встрепенется,
И гроздь винограда, влитая в орнамент,
Горячим

живительным соком нальется.

Константин Лордкипанидзе

О лемех моего плуга, ты зеркало весны...

Перевод с грузинского Э. Ананишвили и Эм. Фейгина

— Поделом мне! — с досадой проговорил Захарий Надибаидзе, когда огромный черный буйвол, убегая от него, скрылся в густом мелколесье.

Опять он промазал, опять увернулся от аркана хитрющий дьявол...

Концом башлыка Захарий вытер вспотевшее лицо и повернул жеребца в сторону Алазани. Впереди все еще слышался хруст валежника, раскачивались пригибаемые к земле молодые деревца, трещал ольшаник. Захарий достал кисет, пальцы у него дрожали, табак сыпался на седло. Он кое-как свернул сигарку и жадно затянулся. Горьковатый дым самосада приятно обжег горло, расслабились напряженные мышцы, и старик впервые за всю эту бешеную скачку расправил занывшую спину.

— Поделом.

В позапрошлом году, когда в Шираки начала работать четвертая по счету МТС, калотубанцы сдали заготовителям все излишнее поголовье

Из цикла «Калотубанцы».

рабочего скота. Но этого красивого, белолобого буйвола по кличке Ворон Захарий не захотел отдавать под нож и оставил на ферме.

Два года прошло с тех пор, как Ворон в последний раз ходил под ярмом. Одичал красавец-буйвол, разбаловался от безделья, день и ночь бродил, где хотел и сколько хотел, а, завидев человека, сердито мотал головой и убежал в кустарник.

Натертая до крови ярмом могучая шея буйвола снова заросла шерстью, бока округлились, складка кожи на груди отвисла чуть ли не до самых копыт. В последнее время Ворон сторонился даже стада молочных буйволиц—разгуливал в полном одиночестве по прибрежным зарослям и топтал кукурузные посевы. Со всех сторон сыпались жалобы на Ворона, но Захарий пока отмалчивался.

Накануне вечером по деревне прошел слух, будто Ворон погнался возле Соколиного оврага за ребятишками и чуть было не натворил беды. Медлить больше было нельзя. Еще до зари Захарий разбудил сына и молодого пастуха Мито и отправился вместе с ними ловить отбившегося от рук буйвола. И вот скоро полдень, а они все еще гоняются по долине Алазани за проклятым зверем и никак не заарканят его.

— Э-ге-ге-гей!...

— Я здесь, Леван! — отозвался Захарий.

— Отрезай его от берега, отец! Не пускай в воду!

Захарий привстал в стремях. Он увидел, как Леван сошел с коня и, пробираясь сквозь заросли, по пятам преследовал буйвола, пока не выгнал его в чистое поле.

«Теперь уже не уйдешь!», — подумал старик и пришпорил жеребца. Но Ворон вдруг круто повернул назад и понесся навстречу Левану. Шерсть на боках у буйвола взмокла и сбилась в комья. Из раздутых ноздрей со свистом и храпом вырывался пар. Захарий испугался, он знал, как опасна ярость затравленного животного.

Осадив коня, он крикнул сыну:

— Осторожно! Уйди с дороги!

Но Леван не сдвинулся с места. Может, не слышал отца? Он только быстро огляделся и намотал на руку конец аркана.

— Уйди! Затопчет! — снова закричал Захарий.

Низко опустив голову, почти касаясь рогами земли, по луговине мчался разъяренный буйвол. Из-под копыт его градом разлетались камешки и подсеченная под корень трава.

«Вот, и не верь дурным снам!» — подумал Захарий. Черт знает, что привиделось ему сегодня ночью: будто ел он сырое мясо и будто...

«А Ворону уже осталось до Левана пять скачков... Три. Два...», — с замирающим сердцем считал старик, но в то самое мгновение, когда Захарий в страхе зажмурил глаза, Леван отскочил в сторону и метнул аркан. Веревка тотчас же натянулась, как стальная струна, и юноша сорвался с места, словно подхваченный вихрем...

Позднее Леван сам не мог вспомнить, как он тогда удержался на ногах. Ему удалось на бегу размотать и ослабить веревку, и не успел буйвол снова натянуть ее, как Леван откинулся назад и что было силы дернул аркан. Ворона чуть подбросило вверх и он, как подкошенный, рухнул на землю.

— Ну и смелый парень! — послышался за спиной Захария звонкий девичий голос.

Старик оглянулся. По ту сторону заросшей дренажной канавы он увидел Гоголу Иремашвили — младшего зоотехника буйволиной фермы.

Правой рукой она сдерживала разгоряченного коня, а левой торопливо застегивала пуговицу распахнувшейся клетчатой блузки.

— А, здравствуй, доченька. Видела? — спросил старик, еще не придя в себя после пережитого волнения.

— Да, видела, — задумчиво ответила девушка, слегка щурясь от яркого полуденного света.

— То-то же! — покачал головой старик, очень довольный, что самая красивая девушка в деревне была свидетельницей того, как его Леван свалил, точно чурку, огромного зверя.

— А кто он? Новый пастух?

— Это мой старший сын, Леван. Вернулся из армии. Бедовый парень.

— Вот и пришел конец нашему Ворону, — вдруг вздохнула Гогола и на мгновенье улыбка сбежала с ее лица.

Многим парням в Ширакской степи мешали спокойно спать это лицо чудесного цвета белой магнолии и эти обвивавшие голову туго заплетенные иссиня-черные косы.

Хороша была Гогола! Даже то, что она, как и все горские девушки, сидела по-мужски в седле и была одета как мальчишка — в пеструю блузку и вылинявшие спортивные брюки, — не портило ее удивительно нежной женственности.

Беспощадное солнце Шираки не тронуло загаром ее лица — только на щеках слегка розовела чистая кожа, словно к молоку примешали две капли красного вина.

Захарий подъехал к девушке и, как всегда, за руку поздоровался с ней. Не многим сверстникам Гоголы оказывал старик такое уважение. Заместитель председателя колхоза высоко ценил молодого зоотехника.

Тем временем Ворона уже привязали к кизиловому дереву, и Леван ушел в заросли искать своего коня. Пленного буйвола все еще бил мелкая дрожь, и пастух, что-то ласково приговаривая, пытался его успокоить.

— Здравствуй, Мито! — приветствовала его Гогола. — Как жизнь?

— Какая у нас жизнь, красавица? На горе нам тебя мать родила! — воскликнул парень, стараясь придать своему лицу скорбное выражение.

— Чего ты бранишь меня, Мито? Что я тебе сделала?! — рассмеялась девушка.

— Ты еще спрашиваешь! За целый год в деревне ни одной свадьбы не сыграли... все из-за тебя! Женихи по тебе сохнут, а бедные невесты в девках старятся. Правильно я говорю, дядя Захарий?

— Да ты скажешь! — отмахнулся старик.

А девушку, видимо, смешил и радовал этот разговор. Яркие, чуть припухлые губы ее улыбались дружелюбно и безмятежно, и Мито, самодовольно ухмыляясь, соображал, чем бы еще позабавить Гоголу. Но вдруг она нахмурила брови и густо покраснела. Мито удивленно оглянулся. Позади него стоял Леван и с таким жадным восхищением смотрел на девушку, что она опустила голову и в смущении стала выбирать колючки репейника из спутанной гривы коня. Никто из знакомых парней не смотрел еще так на Гоголу. Она растерялась. Рассердиться?! Сказать: не смейте так смотреть!..

Выручил девушку Ворон. Он с такой силой дернул головой, что веревка затрещала, красные ягоды кизила посыпались на землю.

— Дай, отец, твою веревку! — крикнул Леван.

Мужчины принялись усмирять буйвола.

— Ну, я поехала. Прощайте,— негромко сказала Гогола и повернула коня.

Девушка медленно ехала по проселку, щеки у нее все еще горели, ей было душно, и она снова расстегнула ворот блузки.

* * *

Отец Гоголы, имеретинский крестьянин Манучар Иремашвили, в послевоенные годы покинул свою деревню в горах Молити и переселился в Ширакскую степь. Родичей его тянуло к Черноморскому побережью, они строились поближе к морю, в Колхидской долине. Что и говорить — по душе были Манучару приморские селения, зеленеющие летом и зимой чайные плантации и апельсиновые рощи, цветущие на склонах невысоких холмов, придающие земле неувядаемую, вечную молодость. Здесь и люди, казалось, не так быстро старели — столько радости и красоты вносили в их жизнь эти чудо-сады с никогда не опадающими листьями.

Полвека прожил Манучар среди угрюмых молитских скал, и сейчас, осмотрев отведенные переселенцам места, он так был очарован природой Черноморья, что, вернувшись домой, поспешно стал готовиться к переезду. И как раз в эти дни навестил Молити свояк Манучара Адуа Гецадзе, работавший каменщиком в Ширакской степи.

Когда гость и хозяин сели за стол и выпили немного, Адуа вытащил из кармана целую пачку фотоснимков и похвалился:

— Вот, гляди, какие дома я понастроил!

Богатая сторона этот Шираки, говорил он. Скачи хоть весь день на коне, не встретишь ни межи, ни изгороди. Простор! Земли — непочатый край; засевай, сколько сумеешь засеять, — тебе только спасибо скажут.

В этот вечер и решилась судьба Манучара. Он распрощался с родичами, державшими путь к морю, и отправился вместе со свояком в Шираки.

Впервые увидел Манучар бескрайние просторы Ширакской степи в конце лета, после уборки урожая, и сердце у него упало.

«Куда ты меня завез!» — упрекнул он свояка и целый день ходил мрачнее тучи, угрюмо оглядывая бурые, выжженные зноем поля.

Год выдался тяжелый, засушливый, во всей степи нельзя было найти травинки длиной в два пальца, чтобы прочистить забитую табаком трубку. Голая степь нагоняла на Манучара тоску — нигде ни леса, ни реки, даже кустика не встретишь, чтобы укрыть голову от палящего солнца. Только пыль и зной. Зной и пыль.

«Через шелковое сито просеяли, что ли, эту землю — ну и тонко же ее перемололо!» — ворчал подавленный горец и со страхом глядел, как даже в безветрие сама собой поднималась в воздух распавшаяся на мельчайшие частицы почва. Был полдень, а казалось, что уже наступили сумерки — так мало солнечного света пробивалось сквозь серую завесу пыли.

Ни Алазанская долина, ни поля Ташискарри, ни заливные луга в нижнем течении Риони — словом, ни один из уголков Грузии, когда-либо виденных Манучаром, не был похож на Шираки. Это была почти пустыня — безлесная, безводная, сливавшаяся где-то в туманной дали с бледно-голубым небом.

* * *

Однажды Манучар и Николай Дубов перевозили жилой вагон трактористов в Зиличи. Поля Зиличи — самое жаркое и сухое место во всей Грузии.

Манучара мучила жажда. Ему все мерещились роднички, бьющие в скалах Молити. Какая там студеная вода! Наполнишь стакан, и стекло будто инеем покрывается...

В полдень они добрались до бочки с водой. Дубов наполнил котелок и протянул его Манучару. Вода была теплая, солоноватая, с крепким привкусом гнилого дерева. Хуже лекарства! Манучар страдальчески поморщился.

— Эх, попить бы теперь из нашего молитского источника!—вздыхнул он, возвращая котелок.

— А из источника бессмертия не хочешь? — рассмеялся Дубов. — Пей, нечего привередничать!

— Умру от жажды, а эту воду пить не буду. Не могу.

Дубов напился из котелка, вытер мокрые усы и прилег в тени вагона.

— Давно ты в Шираки? — спросил он.

— Два месяца.

— Поживи еще два, и, верь мне, наша вода покажется тебе вкуснее ключевой.

— Не то что два месяца — две жизни проживу, а все равно и к воде этой не привыкну, и к вашей пустыне!

— Не спеши, друг! Ты еще увидишь, какой она бывает, наша красавица-степь... Привораживает она человека! Я ее и на райские сады не променяю. Только обжить ее нужно.

Тракторист Николай Дубов родился и вырос в Шираки. Человек, который положил здесь начало его роду, служил в русских войсках, защищавших Грузию в начале девятнадцатого века от лезгинских набегов. Многие из ветеранов кавказских войн, отслужив свой долгий солдатский срок, навсегда остались в Грузии. Одни выписали жен и детей из России, другие обзавелись семьями здесь. Так появились на восточных окраинах Грузии поселения отставных русских солдат: Свеченовка, Михайловка, Дубовка и другие. Сынам Дона и Волги Шираки пришелся по душе, он чем-то напоминал им родные просторы.

Дубов хорошо говорил по-грузински, чуть заметный русский выговор придавал его речи какую-то своеобразную мягкость и певучесть. Манучару сразу понравился этот немолодой, рассудительный человек. И говорит он неторопливо и походка у него степенная — идет по деревне таким медленным шагом, словно вспахал уже все поля на свете и больше некуда ему спешить.

Дубов хорошо понимал состояние Манучара. Нелегко горцу привыкнуть к степной жизни. Но он знал и другое: слова тут не помогут. Земля сама сделает свое дело. Он не раз бывал в горах и видел, как, с трудом удерживаясь на крутых склонах, крестьянин возделывал крохотное поле шириной в две бурки.

— Подожди немного, Манучар, — говорил он. — Прирастет твоя крестьянская душа к нашей степи...

Так оно и случилось.

Манучар глазам своим не поверил, когда весной с полей сошел снег, и миру открылось ярко-зеленое море хлебов. Широко и привольно раскинулось оно, ничем не стесненное в своем разливе — ни горами, ни ущельями, ни межевыми канавами. Эти необозримые возделанные поля радовали сердце Манучара, рождая в нем ощущение великого порядка, пронизывающего всю природу. Огромное поприще открывалось здесь труду человека.

Первое время Манучар работал прицепщиком. С утра до вечера

ходил он за агрегатом Дубова. Смотрел на отполированный землей лемех и пел:

«О лемех моего плуга, ты зеркало весны»...

— Что, горец, душа на место стала! — сказал ему как-то за обедом Николай Дубов.

Манучар ничего не ответил, только скупой улыбнулся в свои густые прокуренные усы.

Прошло два года. Теперь и вспоминать не хотелось Манучару, как жили они там, в горах, в старой деревянной лачуге. Зимой в ней было холодно — и девочки перед сном кидали жребий, кому лечь первой, чтобы согреть постель.

У Манучара было три дочери. Две старшие вышли замуж вскоре после переезда в Шираки, а младшая — Гогола — неожиданно для отца стала зоотехником. Не этого желал Манучар для своей любимой дочери. Но разве поймешь сейчас детей! Они выбирают такие пути, что просто диву даешься. Золотая медаль открыла Гоголе двери Тбилисского университета, а она, эта хрупкая, красивая девочка, — пошла работать на далекую приазанскую буйволиную ферму.

«Белый ангел среди черных дьяволов», — говорили про нее в деревне.

* * *

Разбудило Гоголу громкое щелканье соловья. Девушка удивленно открыла глаза и посмотрела на клетку. Много месяцев упорно молчал маленький певец, и вот неожиданно запел с такой чарующей силой, что Гогола счастливо улыбнулась.

— Хорошая примета, — подумала она.

Девушка умылась, надела свою пеструю блузку и стала укладывать косы. Обычно она тратила на утренний туалет не много времени, но сегодня она долго не могла расстаться с зеркалом, задумчиво улыбаясь своему отражению. Потом достала из шкафа свое праздничное, винного цвета платье и в одно мгновение переоделась.

— Лошадь я уже вывела, — сказала Магдана, заглядывая в комнату дочери. — Ты что так вырядилась?

— Гостей на ферму ждем из Тбилиси! — ответила Гогола. — Ты расседлай коня, я поеду на попутной машине.

— Нино не подождешь? Она тоже хотела на ферму.

— Я спешу, мама. Надо еще кое-что приготовить для гостей. — Гогола отвернулась, чтобы скрыть свои не умеющие лгать глаза. Никаких гостей сегодня на ферме не ждали. Но пусть мама простит ей эту маленькую неправду. Зато всю дорогу она будет одна, и одна, без спутницы, пройдет мимо двора Надибаидзе.

Обидно, ей-богу, как иногда не владеешь собой. А ведь уже не школьница, двадцатый год пошел. Как будто ничего особенного и не произошло тогда на берегу Алазани, — а вот никуда не денешься от тех горячих, смелых глаз. Они неотступно следуют за тобой, и просто стыдно, как неодолимо тянут к себе.

Настроение Гоголы изменилось, как только она вышла на улицу. Нелепо, что она идет на работу, разряженная, точно на гулянье. Девушка наклонила голову и быстро зашагала вдоль запыленных изгородей.

У дома Надибаидзе стоял грузовой автомобиль, но во дворе никого не было. Только возле правления сидели на скамье какие-то люди и смотрели на дорогу. «Что с тобой, глупая», — сказала она са-

мой себе и немного постояла за тутовым деревом, чтобы переждать, пока краска сбежит с пылающих щек. Потом она почти пробежала мимо правления, но Левана не было и здесь, и девушка облегченно вздохнула, словно избавилась от какой-то опасности.

Обогнув озеро, она вышла на старую аробную дорогу. Из-под ее ног, словно искры от горящего полена, брызнул целый рой каких-то пестрых жучков и букашек. Вдали показалась силосная башня буйволиной фермы. До нее не больше двух километров. А если пойти напрямик, стерней, — то еще ближе. Но Гогола боялась порвать чулки и некоторое время шла по дороге. Вдруг она огляделась по сторонам, присела на траву, бережно сняла чулки и, снова надев туфли, быстро зашагала по жнивью.

Жесткие, сухие стебли царапали ей ноги.

* * *

Ночная пахота — дело нелегкое, к тому же не ладилось с освещением: на рассвете обнаружились огрехи, и до прихода сменщика Левану пришлось немало повозиться.

Вернулся он домой усталый, и только сел завтракать, как прибежали соседские ребята и рассказали, что видели у Соколиного оврага выводок фазанов. Ребята захлебывались от волнения, и Леван не утерпел, снял со стены ружье, сунул в карман десяток патронов и вышел из дому.

Время близилось к полудню, было жарко, на улице ни души, лишь кое-где старухи под тенью деревьев вязали пестрые шерстяные носки. У водоразборной колонки Леван наполнил флягу и двинулся дальше. Проходя мимо узкого переулка, обсаженного гранатовыми деревьями, он услышал женский голос:

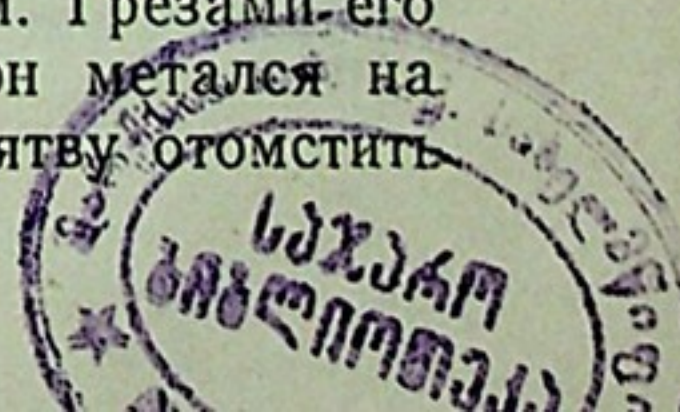
Барс, убитый в стычке барсом,
Над волнами Бусни-чала...
Белую твою рубаху
Кровью кто окрасил алой?
Чья безжалостная пуля
В сердце чабана попала?
Я б оплакала героя —
Да замужней не пристало!

Видно, певица была одна, потому что пела она свободно, смело, как поют лишь в лесу или в безлюдном поле, изливая в песне свои сокровенные думы. Песня доносилась из-за высокой изгороди, и Леван никак не мог вспомнить, чей это двор.

«Хорошо поет», — подумал он и прислушался.

Подроспели побратимы,
Без тебя им скучно стало,
Поснимайте-ка оружие,
В дом входите без кинжала!

Давно не слышал Леван эту старинную горскую песню. В детстве, когда ему случалось заболеть, его не радовали ни леденцы, ни барашек с накрашенным лбом, — одного только просил он у матери — спеть эту песню. Она была для него самым лучшим лекарством. Грезами его детства владел храбрый витязь — сраженный врагом, он метался на берегу Бусни-чала, просил напиться и брал с Левана клятву отомстить

за него. Затаив дыхание, вслушиваясь, Леван в печальный напев своей матери:

Поснимайте-ка оружие,
В дом входите без кинжала!

То ли от волнения, то ли от жара лицо его пылало, и он шепотом спрашивал у матери, почему побратимы должны снять оружие...

— Таково предание, сынок. Однажды, говорят, кистины убили нашего чабана, а он был единственным сыном у матери. И вот пришел в дом побратим убитого, чтобы посочувствовать горю. Несчастливая женщина выхватила у него кинжал из ножен и пронзила себе сердце. С тех пор и повелось, сынок: входя в дом, где горе, мужчины снимают оружие и оставляют его за дверью.

Поснимайте-ка оружие,
В дом входите без кинжала!

пела женщина за изгородью, и, как когда-то в детстве, сердце Левана тревожно забилося. Ему захотелось увидеть ту, что пела его любимую песню, и он пошел на голос, таясь за деревьями, чтобы не вспугнуть певицу.

Над изгородью показалась Гогола. По-видимому, она еще раньше заметила идущего по переулку молодого Надибаидзе.

— Чего ты там прячешься, укротитель буйволов? — спросила девушка, и в ее голубых глазах вспыхнул насмешливый огонек.

— Тебя слушал, Гогола, — сразу признался Леван.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Птичка сказала...

— А больше она тебе ничего не сообщила?

— Нет... Остальное, говорит, Гогола сама тебе скажет.

— Вот как! Умная птичка, — одобрила Гогола и смело ответила Левану улыбкой на его улыбку.

Рис. И. Размадзе

Первая борозда

Перевод с грузинского Э. Ананишвили

1

Двух сыновей имел Захарий Надибаидзе. Непохожи были братья друг на друга — с первого взгляда никто не признал бы в них детей одного отца и одной матери.

Черноволосый и темноглазый Леван, одинаково сдержанный в горе и в радости, был точным слепком со своего отца.

Нелегко было найти ключ к его сердцу, но уж если он назвал тебя братом, то, как говорится, будь ты соринкой у него в глазу, он даже не моргнул бы глазом.

Человек большой души, он отличался постоянством и терпимостью в дружбе. Зато, когда он обнажал меч — ничто, ни хлеб-соль, ни оглядка на кого-нибудь, не могли заставить его вложить клинок обратно в ножны.

Белокурый и голубоглазый Георгий походил скорее на мать — только нрав у него был более горячий и терпения материнского не хватало.

Раз десять на дню менялось у него настроение. Любая безделица могла его обидеть, и такого же пустяка бывало достаточно, чтобы он вдруг разошелся вовсю — и не было тогда удержу его молодому веселью.

Быстро он находил друзей и так же быстро терял их.

В одном лишь братья Надибаидзе походили друг на друга: оба горячо любили мать и вечно засматривали ей в глаза — как бы чем-нибудь не огорчить.

С отцом они были на товарищеской ноге. Бывало, набедокурят где-нибудь — тотчас же бегут к Захарию, рассказывают обо всем и подсылают к матери, чтобы выпросил для них прощение — в самый последний раз...

С отцом они могли и шуткой перекинуться, и поспорить, но посмели бы они матери сказать слово наперекор! Стоило Ануке повести бровью, как саженные молодцы вытягивались перед ней в струнку.

Иногда отец и сыновья втроем удирали из дому, чтобы выпить в духане у парома, и, вернувшись домой, долго шептались перед дверью, споря, кому первому войти.

Старший брат работал трактористом в Калотубани. Он был еще в третьем классе, когда дядя его, Ниния Надибаидзе привел в деревню первый трактор.

Увидев эту машину, маленький Леван забыл все на свете. Сверстники его после школы играли в мяч во дворе старой церкви, или гурьбой шли на Алазани купаться, а Леван, захватив кусок хлеба с сыром, убежал в степь, чтобы разыскать трактор своего дяди, или простаивал до сумерек на пригорке Милари, глядя вдаль, на пыльную дорогу...

Мальчишка этот напомнил мне одну историю времен моего детства.

Когда мне было лет десять — двенадцать, я не знал большей радости, чем приезд моего дяди.

Едва его каурая лошадь появлялась в конце нашего тенистого проулка, как у меня замирало сердце. Время, которое нужно было дяде, чтобы подъехать к нашему дому, сойти с лошади и расцеловать меня, казалось мне вечностью. Но вот дядя подхватывал меня и сажал в седло.

— Поезжай потихоньку, пусть лошадь остынет, — говорил он, укорачивая стремя по моим ногам.

А если дядя был немного навеселе, то давал мне и плетку.

— Не ездь далеко, сорванец! — наказывала мне мать.

— Можно до парикмахерской, дядя Нико?

— Можно.

Медленно, едва сдерживая себя, я поворачивал лошадь, и шагом доезжал до конца нашего проулка. Зато потом, когда дом наш скрывался за деревьями, я нахлестывал дядину кобылу что было силы и мчался как бешеный по селу, размахивая плеткой.

На полном скаку проносился я перед самыми дверьми парикмахерской, где работал Гиго — так звали ученика парикмахера, моего удачливого соперника во всех наших играх и затеях.

Мы с ним были погодками. В карманах у этого мальчишки водилось все, что душе угодно. Рано утром он появлялся возле нашего двора, вытаскивал из кармана то перочинный нож, то футляр от часов, то рогатку, давал мне полюбоваться издали своими сокровищами и уходил не иначе, как убедившись, что я готов лопнуть от зависти.

Зато у Гиго не было дяди с верховой лошадей.

Когда, вздымая тучи пыли, я пускал своего коня галопом перед парикмахерской, мой соперник глядел на меня с разинутым ртом. Эти минуты были самыми лучшими в моей жизни, и если даже мать потом запирала меня на весь день дома — я не печалился: на сегодня счета мои с Гиго были сведены.

Как похоже и в то же время как непохоже было мое детство на детство Левана!

...Перед балконом дома Надибаидзе простирался двор Ширакской МТС с приземистыми, белеными известкой строениями мастерских и потемневшими от дождей палатками, разбросанными по просторному лугу.

Возвращаясь с полей, тракторы проходили вереницей мимо дома Надибаидзе.

Сначала издали доносился глухой гул, и стекла балкона отвечали на него тонким дребезжанием. Гул постепенно усиливался. Теперь уже дрожал и сотрясался весь дом. Лишь после того, как тракторы въезжали во двор МТС, снова можно было расслышать жужжание пилы на соседней лесопилке и рокот движка маленькой электростанции.

Леван встречал трактор своего дяди у ворот, и, пока Ниния обедал, — возился с машиной: обтирал ее ветошью, соскребывал присохшую к крыльям грязь... Потом усаживался в кабине, брался за рулевое колесо, переставлял рычаги...

Соседские мальчишки глазели на Левана с разинутыми ртами — точно так же, как глазел на меня когда-то парикмахерский ученик.

Как-то случилось, что Ниния уехал на все лето работать в Цнорис-Цкали. Мальчик огорчился, но в его возрасте, как известно, огорчения не вечны. Вскоре он подружился с трактористами колхоза «Гамарджвеба» и все свое свободное время вертелся около них.

Сначала Леван был на побегушках: его то и дело посылали в столовую за пивом и папиросами. Мальчишка безотказно выполнял любое поручение — лишь бы завоевать расположение трактористов.

Вано Чохели первым заметил страстную любовь мальчишка к машинам. Время от времени он подзывал Левана и поручал ему какое-нибудь несложное дело. И как же сияли глаза у паренька, когда он заливал воду в радиатор или набивал смазкой какую-нибудь пресс-масленку.

Постепенно, шутя и играя, Леван научился водить трактор. После этого он стал ходить по пятам за своей матерью, упрашивая ее поговорить с Дубовым, чтобы тот принял его в свою бригаду.

Очень уж хотелось сынишке Захария Надибаидзе работать в бригаде калотубанского тракториста! Ранним утром, в тот час, когда рослый кряжистый Дубов показывался возле развалин старой башни, Леван уже поджидал его у калитки.

Затаив дыхание, глядел он во все глаза на прославленного бригадира.

Слышал Леван, что Николай Дубов двенадцать лет проработал в Ширакской степи на одном и том же тракторе, и покрыл такое расстояние, как если бы дважды объехал вокруг Земли.

Леван знал, что Николай Дубов — человек горячий и строгий. Родители предупреждали его, что с Дубовым шутки плохи: не сумеешь управиться с машиной — жизнь тебе станет не мила. Но Леван и слушать ничего не хотел. Он упорно настаивал на своем. Пареньку было всего пятнадцать лет, но это бы еще куда ни шло, — ему и столько нельзя было дать из-за маленького роста.

— Куда мальчишке на трактор! Лучше пошли его в поле колосья подбирать! — шутили соседки, когда Анука рассказывала о своем сыне.

2

В тот день мать с сыном встали ни свет ни заря, запрягли Корису в двуколку и отправились в Милари, чтобы переговорить с Дубовым:

По Шираки я шагаю,
В грудь меня толкает ветер...

Радостно распевал в рассветных сумерках Леван и изо всех сил погонял лошадь — у Ануки сердце замирало от страха, что они вот-вот перевернутся.

Когда взошло солнце, они уже были у Соколиного оврага. Туман на горах Кавказского хребта постепенно рассеялся — сначала показались снежные вершины, а потом и леса на склонах сорвали с себя темное покрывало и сбросили его в Алазанскую долину.

— Благодатная наша страна! Вон, на горах еще снег, а здесь, внизу цветут персики, и ребята бегают в одних рубашках, — проговорила Анука.

Леван окинул взглядом деревья, бегущие по обочинам дороги. Персики были в цвету, — они стояли, словно окутанные розовым дымом.

— Отчего же Шираки наш так обделен — ни одного деревца, хоть шаром покати!

— Наш ширакский крестьянин, сынок, в поле дерева не оставит. Думает, стану в тени полеживать и обленюсь, — пошутила Анука.

Когда до Милари оставалось уже немного, Леван вдруг приуныл: «Что скажет Дубов? Доверит мне трактор, или усмехнется в усы и...»

Анука тотчас же заметила перемену в настроении своего сына.

— Что ты приумолк, дружок? Может, вернемся назад? — спросила она с улыбкой.

— Нет, мама! — покачал головой Леван, но через несколько минут остановил лошадь и растерянно посмотрел на мать.

— Эх, ты, трусишка! Нет, не сравниться тебе с Георгием! — пристыдила сына Анука и хлестнула лошадь концами вожжей.

Дубова они нашли на берегу Алазани. У одного из трактористов машина остановилась посреди поля.

— Знамя из-за тебя потеряем! — кричал разъяренный Дубов, стаскивая с себя рубаху.

Тракторист, черномазый, худощавый парень, крякая и пыхтя, крутил заводную ручку. Шея у него взмокла, волосы блестели от пота. По видимому, он уже давно возился с машиной.

— Коля! — позвала Дубова Анука.

Бригадир оглянулся. Увидев жену Надибаидзе, он снова надел рубаху и встретил ее у края запаханного поля.

— Здравствуй, Коля!

— Доброго здоровья, Анука!

— Вот, привела моего парня... Помнишь, говорила с тобой о нем?

— А-а... Так вот он каков!

Дубов оглядел Левана с головы до ног. Под его строгим взглядом паренек весь сжался, стал еще меньше ростом.

— Мальчишка толковый, и машины очень любит.

— У меня не детский сад, Анука, а тракторная бригада.

— Что ж ты сердишься, Николай? Отказать хочешь — откажи, только говори спокойно!

— Да нет, Анука, милая, — сразу пошел на попятную Дубов, — разве я на тебя досажую? Начальники наши меня раздражают. Не понимаю я этих умников, право! Отобрали у меня самого лучшего тракториста, Луку Берекашвили, и прислали взамен вот этого желторотого птенца.

Дубов искоса глянул на чернявого тракториста и продолжал с досадой:

— Целый час мучается и ничего не может поделывать! Даже опытным людям, моя Анука, трудно управляться с этими старыми тракторами да содержать их в исправности — куда уж ребятишкам! Нет, Анука, не проси понапрасну — чего не могу, того не могу.

Дубов хотел еще что-то сказать, но тут с пашни донеслось гудение работающего двигателя. Оба обернулись. Леван стоял с сияющим лицом около трактора и вытирал руки соломой.

Пока Дубов делился с Анукой своими горестями, Леван улучил время и залез в двигатель с головой. Счастье у парня было такое, или он взял умением, но только ему недолго пришлось возиться.

Дубов и Анука подошли к трактору.

— Что, утерли тебе нос? — сказал бригадир чернявому парню.

— Утерли! — неохотно согласился тот.

Дубов прислушался к двигателю, потом снова окинул Левана внимательным взглядом.

— В чем было дело?

— Обгорели контакты магнето, — громко, скороговоркой, словно на уроке в школе, ответил Леван.

— В каком случае еще может отказать магнето?

— Если оно смазано чересчур густо и загрязнилось.

— Да ты, я вижу, настоящий профессор! — усмехнулся Дубов. — А ну-ка, садись на трактор, покажи свою борозду!..

Не успел он договорить, как Леван птицей взлетел на сиденье, и машина плавно тронулась. Дубов и Анука пошли следом.

У Ануки душа была не на месте — вдруг Леван заторопится, поведет борозду вкось? Но у мальчика оказалась твердая рука — даже Дубов не мог найти хотя бы маленького огреха.

Бригадир повел рукой по своим соломенно-желтым усам.

— Поди теперь, откажи этакому чертенку! Пришли его завтра утром пораньше. Прикреплю обоих к этому самому трактору. Только одень

мальчишку потеплей и дай ему шерстяное одеяло — ночи пока **стоят холо-**
додные.

И вот Леван начал работать в бригаде Дубова. Он проявил такие способности, такую сноровку, что вскоре Дубов полностью доверил ему машину.

Этой весной, вернувшись из армии, Леван заставил весь Шираки заговорить о себе. Он приладил к комбайну похожее на грабли приспособление для уборки полегших хлебов и во время испытания так чисто убрал три гектара пшеницы, что нигде не осталось ни одного колоска.

Частые гости Шираки — западные и восточные ветры, порой так пригибают хлеба к земле, так сплетают и свивают колосья, что после уборки комбайном половина урожая остается на поле. Поэтому изобретение Левана привлекло к себе внимание министерства.

3

Палящий зной стоял над Ширакской степью.

У Соленого озера Захарий Надибаидзе жал хлеб по краям поля, подготавливая полосу для комбайна. Жара настолько высушила хлеба, что колосья звенели под серпом.

— Здравствуй, Закро.

Надибаидзе сразу узнал этот спокойный, с густой хрипотцой, голос, и радостно отозвался, подрезая охапку колосьев:

— Доброго здоровья, Климентий!

Потом положил сжатый сноп на землю и разогнул спину.

Он увидел зеленый вездеход, остановившийся поодаль, и секретаря райкома, шагавшего по краю поля своей обычной размашистой походкой.

Ширакское солнце дочерна обожгло лицо и руки Климентия Гогуга. Он походил на крестьянина в горячую пору молотбы.

— Приходили учетчики?

— На что мне, Климентий, их подсчеты и оценки? Как войду в ниву и коснутся колосья моих колен, — я уже знаю, сколько они дадут зерна!

— Вижу, рассердили тебя, Закро!

— Еще бы! С самой весны стоит засуха, изголодалось зерно, так и не смогло налиться. — Захарий сорвал колос, растер его на ладони. — Видишь, иные зерна так легки, что улетят вместе с мякиной, когда будем веять. Дай бог снять по четыре центнера с гектара. А учетчик, будь он неладен, написал нам семь!

Гогуга вошел в гущу колоссящегося хлеба.

— Погляди-ка, Закро, — кое-где и тут попадаются камни! Скажи женщинам, чтобы расчистили поле перед комбайном, а то у нас ни одной целой деки не останется!

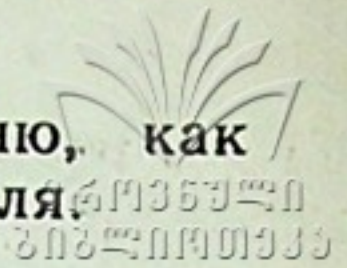
— Ладно, скажу, Климентий.

Они поднялись на пригорок у Соленого озера. Оглушительный стрекот кузнечиков стоял вокруг. Порой слышалось клохтанье перепелок. Из-за долгой засухи в Шираки в этом году было мало перепелов, и мальчишки-пожарники ходили за комбайном с разочарованным видом.

— Это ведь здесь Габидаури бросил серп, когда ты одолел его, Закро? — спросил Гогуга.

— Ты-то как можешь помнить об этом? Небось, пешком под стол ходил в ту пору! — быстро ответил Надибаидзе.

— Верно, мальчишкой я был, а все же очень хорошо помню, как Габидаури зацепился за куст ежевики и растянулся посреди поля.

Надибаидзе тепло улыбнулся.

«Хороший человек наш Климентий! — подумал он. — Всегда то припомнит, кто чем в молодости отличился!»

Гогуа уехал. Захарий присел в тени, и воспоминания — полусон, полужавь — окутали его.

До сих пор помнили в деревне состязание Надибаидзе с знаменитым жнецом земо-мачхаанцем Ваном Габидаури. Да и как не помнить?

Прославил себя Захарий молодецкой работой — что в сравнении с этим любое удалство на охоте, в джигитовке, на пиру?

В старину в Шираки лучшие жнецы славились наравне с непобежденными борцами. Только слава жнецов была долговечнее, потому что дело их считалось более трудным.

Ваном Габидаури мог сжать в день шестнадцать копен и после такой работы у него еще оставалось достаточно силы, чтобы навалить снопы на арбу и отвезти на гумно.

В тот год немало искусных жнецов вызывали на состязание Габидаури, но все они были посрамлены мачхаанцем.

Габидаури сообщили, что молодой Надибаидзе петушится и равняет себя с ним. Мачхаанец в ответ улыбнулся: «Что ж, и муха жужжит, а меду от нее не дождешься!»

И тот и другой были рослыми, крепкими молодцами, только у более молодого Надибаидзе опыта в работе было меньше.

В то утро Захарий взял с собой из дому только вымоченный в крепком уксусе чеснок, чтобы на весь день приглушить жажду.

Габидаури дождался его у края поля.

— Начнем? — спросил Надибаидзе.

— Начнем, — ответил Габидаури, снял с плеча маленький пестрый хурджин, с силой размахнулся и швырнул его в поле.

На том месте, где упал хурджин, жнецу разрешалось сделать первую передышку. Расчет Габидаури был прост: закинуть хурджин подале, чтобы с первого же захода утомить соперника и оставить его позади. После этого Захарию уже не оставалось бы ни минуты времени для отдыха. Это был испытанный прием Габидаури.

Но вот размахнулся Надибаидзе. Пестрой птицей взлетел хурджин и упал на десять—двенадцать взмахов серпа дальше отметки Габидаури.

Понял тогда мачхаанец, что борьба предстоит нешуточная.

Он искоса глянул на соперника и скинул чоху.

Сначала, пока не разошлись руки, оба шли вровень, плечо к плечу, — словно каждый пробовал силу соперника.

Солнце поднялось уже высоко. Жнецы все еще не отставали друг от друга, но вот Габидаури как-то по особенному повел плечами и напустился на ниву, как огонь во время полевого пожара. В мгновение ока срезал он пучок, обвивал его свяслом, отбрасывал — и серп его снова сверкал среди колосьев.

Любо было поглядеть, как легко, без всякой натуги, валит густую ниву этот жнец-богатырь.

Через полчаса он уже настолько опередил соперника, что крестьяне, пришедшие, чтобы поглядеть на состязание, разошлись по своим делам. Разве теперь кто-нибудь в состоянии побить Габидаури?

Только они ошиблись...

Когда все уже считали мачхаанца победителем, Захарий Надибаидзе пошел своим главным козырем. Прежде чем захватить колосья

левой рукой, он широко подгребал их левой ногой и каждым взмахом серпа срезал вдвое больше хлеба, чем его соперник.

Крестьяне удивились — не думали они, что молодому Надибаидзе известен этот давний секрет ширакских жнецов.

Габидаури заработал еще яростнее. Он повязал лоб ватным потничком и рванулся вперед — да как рванулся? Точно молния, сверкал среди нивы и немолчно звенел его серп.

Зато Надибаидзе забирал при каждом взмахе столько, сколько могли взять два жнеца. Он приседал, подтягивал левой ногой к своему серпу такую охапку колосьев, что иной вязальщик затруднился бы скрепить её свяслем.

Габидаури шел пока еще впереди, но видно было, что при всей своей удивительной быстроте он ничего не сможет поделывать против хитрого приема Надибаидзе. И в самом деле, к полудню мачхаанец настолько устал, что временами уже не жал, а стоял и попусту размахивал серпом — ошалелый, ослепший от пота, заливавшего ему глаза...

Под конец бедняга зацепился за ежевичный куст и упал. Затем с трудом поднялся он на ноги, глянул на соперника, уже дошедшего до конца поля, отбросил серп и принялся вязать снопы — такой у них был уговор...

«Эх, то было давно... А теперь по всей бескрайней Ширакской степи серп пускают в дело, если нужно обкосить поле по краю...» — подумал Захарий, достал из кармана продолговатый камень и стал точить лезвие своего серпа.

Мцнобари

Перевод с грузинского Эм. Фейгина

Над тихими иорскими заводами поднимался легкий туман, и в прибрежных зарослях уже кричали фазаны, когда отара Георгия Надибаидзе подошла к новой, еще не обжитой кошаре.

Пастушок, помощник Георгия, открыл овчарню, и навстречу маткам белым пенистым потоком хлынули голодные ягнята. Вот круглый, пушистый, как цветок одуванчика, двухнедельный сосунок ткнулся мордочкой в разбухшее вымя, но овца резко оттолкнула его...

Чужой.

Не подпустила его и вторая овца, и третья.

Матки нетерпеливо и тревожно блеют. Ищут и никак не могут найти своих детей, потому что две тысячи маток и ягнят закружились сейчас в тесном загоне, словно в бешеном иорском водовороте... А после дождей и вовсе трудно найти матке своего ягненка — умытый дождевой водой сосунок теряет родной запах, и матери почти невозможно его узнать. А чужого ягненка она к своим сосцам не подпустит.

И не будь среди пастухов мцнобари, то есть узнавателя, — надежного защитника и покровителя сосунков — немало бы их погибло от голода, да и само стадо в этой круговерти может насмерть затоптать ослабшего ягненка.

Засучив рукава, Георгий, не мешкая, принимался за свое дело, и еще до наступления сумерек он полностью успокаивал отару — каждому ягненку находил родную мать.

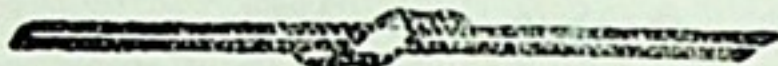
Пей на здоровье, малыш! Расти большой!

Какой же удивительно верный глаз, какая память должны быть у мцнобари, чтобы так легко и безошибочно найти тысячу матерей тысяче ягнят.

Недаром говорят в Шираки, что узнавателем нужно родиться. И правда! Так же, как певец должен иметь врожденный слух, так и мцнобари должен обладать таким особенным даром, таким чутьем, чтобы какое-то незаметное родимое пятнышко на мордочке ягненка или едва уловимый оттенок его глаз, или какая-нибудь непохожая шерстинка, или призывок в голосе — все помогало узнавателю разгадывать тайну кровного родства.

— Молодец, Георгий, в меня пошел! — хвастливо говорил Захарий Надибаидзе, хотя калотубанцы все до одного могли поклясться, что отец Георгия никогда не держал в руках гирлигу и ни разу не ходил за отарой.

Но, видимо, у старого Надибаидзе, когда он расхваливал сына, совсем другое было на уме.

Евгений Евтушенко

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Не понимать друг друга страшно —
не понимать и обнимать,
и все же — как это ни странно, —
но так же страшно, так же страшно
во всем друг друга понимать.

Тем и другим себя мы раним,
и, наделен познанием ранним,
я душу нежную твою
не оскорблю непониманием
и пониманием не убью.

* * *

Из воды выходила женщина,
удивленно глазами кося.
Выходила свободно, торжественно,
молодая и сильная вся.

Я глядел на летящие линии...
Рядом громко играли в «козла»,
но тяжелая белая лилия
из волос ее черных росла.

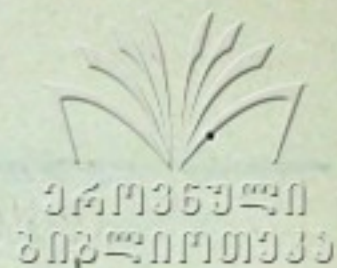
Шум и смех пораженной компании:
«Ишь ты, — лилия — чудеса!»,
а на синем ее купальнике
бились алые паруса.

Шла она белозубая, смуглая,
желтым берегом наискосок,
только слышались капли смутные
с загорелого тела — в песок...

Будет в жизни хорошее, скверное,
будут годы дробиться, мельчась,

но и нынче я знаю наверное,
что увижу я в смертный час.

Будет много святого и вещего,
много радости и беды,
но увижу я эту женщину,
выходящую из воды.

* * *

Грешно раздумывать о славе,
устав пилить, ломать, строгать,
как бы о выстраданном праве
не голодать и не страдать.

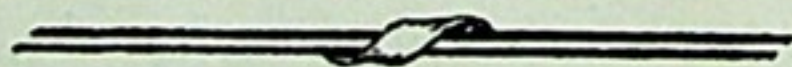
Неужто и в начале юном
бледно-зеленою весной
нужна была нам плата шумом
или уютной тишиной?

И так ли это безотрадно,
поверив сердцу и уму,
жить, как природа, безнаградно
и награжденно потому?

А отчего же в перелесках
режут, задрав рога, самцы,
и тяжко виснут с крыш апрельских
капели темные сосцы?

И отчего все без пальто,
а в небе — радуги ворота?
И все — за так, а не за что-то,
верней, за то, что ни за что.

Мы рождены, чтобы рождать.
Мир добр и щедр — нам столько дал он.
Мы получили это даром,
чтоб это даром все раздать.

Александр Абашели

Женщина в зеркале

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с грузинского Б. Гасса, М. Заридзе, К. Коринтели

Рис. А. Бандзеладзе

Роман известного грузинского поэта Александра Абашели «Женщина в зеркале» является первой попыткой создать в грузинской литературе крупное произведение научно-фантастического жанра.

Роман публиковался в начале тридцатых годов в журнале «Мнатоби», однако его печатание тогда не было завершено. В некоторые теоретические положения и технические расчеты, лежащие в основу романа А. Абашели, написанного более четверти века назад, наука сегодня, естественно, внесла необходимые коррективы. Многие предвидения писателя — в наши годы, в эпоху использования атомной энергии и межпланетных полетов — уже перестали быть фантастикой. Они претворены в жизнь и стали практикой нашей науки.

Но роман А. Абашели попрежнему звучит очень современно, он будит мысль, еще раз напоминает о неограниченных возможностях человеческого разума.

Перед вами — огромное, во всю стену, зеркало. Изумленный, вы всматриваетесь в него. Ваше имя — Гурген, фамилия — Камарели.

Инженер Гурген Камарели.

Вы молоды.

Вы хороший знаток своего дела. Любите физику, и с успехом прокладываете новые пути в науке. Вы чуточку поэт (ибо вы — грузин) и безмерно увлечены изучением космоса.

Вы поглощены разработкой электронной теории. В сердце вашем

горит светоч философии, и он ярко освещает даже самые узкие тропы, которые ведут ко все более глубокому познанию мира. К тому же вы умеете точно различать крохотные одноцветные, почти одинаковые кирпичики, из которых-то и сложен этот многокрасочный необъятный мир.

И вот стоите вы перед огромным зеркалом и с изумлением глядите в него.

И, наверно, вы немало удивлены, увидев в зеркале вместо столь хорошо знакомого вам носа с горбинкой прекрасное лицо совершенно незнакомой женщины.

Я, к сожалению, пока не могу сказать вам, кто она, — вы сами должны будете раскрыть эту тайну.

Есть в нашем повествовании еще и другое действующее лицо: инженер Густав Вайсман.

Кажется, он немец. Но почему же тогда он говорит по-английски?... Глаза свои он прикрывает, словно маской, большими черными очками.

Откровенно говоря, я не люблю черные очки: человек в черных очках заглядывает вам в глаза, а его глаз вы не видите, не знаете, улыбаются ли они вам или угрожают. Быть может, он даже заберется ночью в ваш дом, ограбит и уйдет. А во дворе снимет очки, выбросит их в мусорный ящик и исчезнет во мраке ночи. И у него будет уже совсем другое лицо...

А может быть, напротив, обладатель черных очков окажется очень полезным для вас человеком.

Посмотрим.

А пока вы, Гурген Камарели, должны благодарить меня за то, что я отвел вам почетное место в романе. Ведь мог же я забросить вас в какой-нибудь закоулок сюжета? Но я поставил вас перед волшебным зеркалом, я зажег ваши глаза, как рассветным лучом, огнем творчества. Я наделил вас такой силой, что побледневшая луна в страхе взирает на вас из-за клочковатых туч и не знает, куда ей спрятаться.

Впрочем, вся эта история, конечно, — фантазия от начала до конца.

И все же это — чистая правда.

Потому что повествует она о событиях завтрашнего дня. А это — большая реальность, нежели события, уже прошедшие.

Потому что вчерашнее было и исчезло. А завтрашнее грядет...

Мне очень приятна беседа с вами, но... я слышу за окном уверенные шаги инженера Густава Вайсмана.

Сейчас же отправляйтесь в свой кабинет, Гурген Камарели, и ждите: он идет к вам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Инженер Вайсман

— До десяти не пускайте ко мне никого.

— Слушаюсь.

Инженер Гурген Камарели входит в свой рабочий кабинет и, распахнув окно, садится за письменный стол. Вынимает из портфеля бумаги.

Вместе с шелестом едва распустившейся изумрудной листвы в комнату из небольшого дворика врывается солнечное тбилиское утро.

Найдя нужную бумагу, Камарели откладывает портфель в сторону, разворачивает вчетверо сложенный блестящий листок и кладет его перед собой.

Английский текст, отпечатанный на пишущей машинке, гласит:

«Заведующему электростанциями Грузинской ССР инженеру Камарели.

В журнале "Electricity" я читал о Вашем труде. Так как я тоже работаю в этой области и интересуюсь затронутой Вами проблемой, прошу Вас ознакомиться с моими наблюдениями и теми скромными выводами, к которым я пришел.

Инженер Густав ВАЙСМАН,
член Чикагской Ассоциации электроинженеров. 12 апреля 1931 года, Тбилиси».

Затем — приписка:

«Уже неделя, как я в Тбилиси, приехал в составе делегации американских инженеров. Рассчитываю на встречу у Вас в доме 14 апреля в 10 часов утра».

Камарели смотрит на перекидной календарь.

14 апреля, вторник.

Смотрит на ручные часы: без двадцати девять.

В половине десятого он должен был осмотреть Дидубийский трансформатор, но теперь поездку придется отложить: он не успеет вовремя вернуться.

— Интересно, кто он, этот Вайсман? — размышляет Камарели, растирая пальцами лоб, — голова болит от бессонной ночи — до 6 часов утра он работал в лаборатории. Камарели слегка откидывается на мягкую покатую спинку кресла и, закрыв глаза, задумывается.

Вайсман!.. Безусловно, он молод. Это имя Камарели ни разу не встречал в научной литературе. Что ж, он с удовольствием выслушает то, чем Вайсман найдет нужным поделиться..

Но, как знать, может быть... „Timeo Danaos et alona ferentes.“¹ Да, необходима осторожность!

Теплый весенний воздух наполняет комнату, со двора доносится отдаленное жужжание золотистых шмелей, словно чьи-то невидимые пальцы перебирают струны чонгури... Камарели подают визитную карточку:

Gustav Weismann, M.E.E.A. Engineer, Chicago

— Просите.

В кабинет входит невысокий худощавый человек. Серый френч плотно облегает его маленькую фигуру. Почти половину лица закрывают черные очки.

— Вайсман. Очень рад знакомству с вами, — низким голосом со странным акцентом произносит он по-английски.

¹ Бойтесь данайцев, дары приносящих.

«Какое неприятное лицо», — думает Камарели, любезно приветствуя гостя.

Оба садятся.

— Я — ваш неизвестный ученик, — продолжает по-английски иностранец. — Ваше исследование о материальности эфира произвело на меня колоссальное впечатление. Ведь оно указывает путь к новым открытиям в области изучения электромагнитных волн. Мне известна также ваша смелая гипотеза о движении комет. Но, должен признаться, что совершенно изумила меня ваша теория беспроводного освещения.

— Мне чрезвычайно приятно познакомиться с вами, — произносит Камарели.

— Вы не должны удивляться моему приезду. Я, конечно, мог бы работать и в Америке, но предпочитаю сотрудничать с вами.

После непродолжительной паузы иностранец продолжает:

— Конечно, все, что мы делаем, будет направлено на благо человечества, а потому мы не должны и не будем оглядываться на золотое мерило, которым ныне измеряется все — и научное, и поэтическое вдохновение. В нашей лаборатории не должно быть места золотому божку.

Иностранец умолк.

Камарели ощущает необъяснимую тяжесть, в глубине сердца чувствуя, что этими словами иностранец прикрывает самое главное, сокровенное. К чему все эти экивоки? Пусть говорит прямо: товарищ, я социалист, сочувствую стране социализма, хочу работать в Грузинской Социалистической Республике...

— В Грузинской Социалистической Республике, — неожиданно пререзает тишину голос Вайсмана, словно подслушивавшего мысли Камарели, — положение совершенно иное. Кроме того, вы — мой учитель, и мне хочется внести и свою лепту в наш общий труд. Надеюсь, что смогу оказать некоторую помощь в достижении ваших больших целей.

— Мне будет крайне приятно работать с вами, — словно про себя говорит Камарели. — Наша страна стоит на пороге великих свершений. Сделать предстоит многое, но и препятствия придется преодолеть немалые. Что и говорить, двери для верных друзей и хороших работников всегда, а в такое время в особенности, открыты широко...

Иностранец, неподвижно сидя в кресле и не отрывая взгляда от плиток паркета, внимательно слушает Камарели.

— Я читал вашу диссертацию «Об изменяемости электрической энергии», опубликованную в Бельгии, — внезапно поднимает он голову, обратив на Камарели два большие черные блюда своих очков. — Французский я знаю слабо, поэтому я читал вашу работу в английском переводе, который тогда же вышел в Нью-Йорке. — Вайсман добавляет с улыбкой: — Правда, по-английски я говорю тоже не блестяще, но в этом уж повинно мое немецкое происхождение... Меня заинтересовала ваша теория, и с тех пор — это было год назад — я работаю в намеченном вами направлении. Я должен вас поблагодарить — ва-

ша книга навела меня на верный путь, ей я обязан своими скромными достижениями. И я просто считаю себя обязанным поделиться прежде всего с вами всеми моими выводами и заключениями.

Упоминание о диссертации явно смягчило Камарели, и он уже более любезно, почти дружески обращается к гостю:

— С моей стороны было бы неблагодарностью не оценить ваш благородный шаг. Вы найдете во мне радушного хозяина и признательного сотрудника. Мы не избалованы бескорыстным отношением иностранных специалистов, а потому ваше предложение особенно ценно.

— Я хотел бы поселиться у вас и работать под вашим руководством, — говорит Вайсман. — В настоящее время я проживаю в «Орианте», но для работы мне необходима лаборатория. Выдвинутая вами проблема беспроводного освещения, мне кажется, достаточно разработана теоретически. У меня есть лишь незначительные коррективы, которые нуждаются в проверке лабораторными опытами.

Когда беседа, обретя конкретные рамки, коснулась последнего открытия Камарели, в нем проснулся ученый-энтузиаст, безмерно увлеченный своей новой идеей, такой близкой, что, кажется, ее можно коснуться рукой, а она все не дается, ускользает.

Камарели резко поднялся с кресла и принялся расхаживать по комнате.

— Теоретически обосновав свой метод, я пока не смог претворить его на практике. Для применения беспроводного освещения необходим приемочный аппарат столь сложного устройства, что это практически обесценивает значение моего открытия. Принцип радио здесь неприменим: чтобы достичь каких-то незначительных результатов; нужно было бы потратить колоссальное количество энергии. Сейчас я ставлю задачей передачу энергии не волнообразно, а прерывистым пучком.

— Вот-вот, именно сюда я вношу коррективы, — оживился иностранец. — Именно для практического применения необходимо передавать энергию, подобно радиоволнам — волнообразно, чтобы иметь возможность сконцентрировать ее в определенной зоне.

— Это было бы бесполезным опытом обогривания неопределенного пространства, — возразил Камарели.

— Вам хорошо известно, — спокойно развивает гость свою мысль, — что теория распространения электромагнитных волн господствовала в науке давно. Но после Максвелла и Фарадея она была видоизменена. Оба ученых установили, что свойства электромагнитной волны определяются той средой, в которой распространяются волны. От плотности распределения силовых линий электромагнитного поля зависит и энергия этого поля, которая в конечном счете и обуславливает притяжение и отталкивание тел.

— Совершенно верно, — подтверждает Камарели.

— Прибавьте к этому, — продолжает гость, — открытый Лоренцом закон деления линий спектра, который связан с величиной напряженности магнитного поля, и аномальную дисперсию электромагнитных волн. Согласно природе электромагнитных волн, источником света являются заключенные в атоме свободные электроны. Как вам известно, электронные и магнитные поля находятся в определенной взаимосвязи. Но здесь совершенно неожиданно обнаружился новый закон, который был открыт опять-таки благодаря вашей теории: нет кажущейся деградациии движения электронных волн.

Камарели, слегка побледнев, с безграничным удивлением слуша-

ет гостя. Ему кажется, что иностранец невидимым скальпелем вскрывает каждый атом его мозга и с поразительной четкостью освещает таящиеся в подсознании идеи.

— Согласно этому закону,—звучит голос Вайсмана, — электрическая волна проявляет в магнитном поле удивительное свойство: она переходит в невидимую энергию. Я долго работал в этом направлении и получил формулу, которая дает возможность концентрировать электромагнитную энергию в пространстве светопроводного эфира определенного радиуса. Эти волны пребывают в эфире в нейтральном состоянии и не склонны распространяться вне того пространства, куда они направлены. В пассивном состоянии эта энергия совершенно незаметна. Запас ее всегда инертен — до тех пор, пока специальный аппарат не приведет ее в направленное движение.

— А как вы получаете эту энергию? — прервал его Камарели.

— Энергию дают обыкновенная электростанция и присоединенная к ней машина магнитного бассейна. Эта машина собирает распыленные в атмосфере запасы энергии и концентрирует их в бассейне, где создается, так сказать, консервированная молния. Электростанция может прекратить работу, а эта, собранная в эфире, энергия будет действовать, пока полностью не истощится ее запас. Это — радикальное решение выдвинутой вами проблемы беспроводного освещения. Центральная электростанция снабжает энергией определенное пространство. Специальным электрометром измеряется интенсивность и радиус насыщения эфира энергией. Всякие непредвиденные повреждения, которые являются бичом всех современных электростанций, здесь не представляют никакой опасности. Станция может работать и не работать, главное, чтобы в эфире был потенциальный запас энергии. Совершенно безвредная и незаметная, так сказать, «спящая» электроэнергия может быть переведена в кинетическую форму только при помощи специального аппарата. Этот аппарат очень прост и сконструировать его легко.

— То, что мне неопределенно и расплывчато рисовалось лишь в мечтах, вы сделали совершенной явью! — восклицает потрясенный Камарели.

— Дело в том, что в силу одного оригинального свойства магнитной ассимиляции, о котором я вам расскажу позднее, «спящая» энергия теряет направленность движения. В таком состоянии она абсолютно нейтральна. Но едва лишь энергия соприкоснется с электрическим сигналом, вызывающим направленность движения, вся она устремляется в заданном направлении. Аппарат может иметь различные размеры и формы — все зависит от рода работы, которую он должен производить: освещение ли, отопление или движение. В частности, для освещения достаточно каждую осветительную точку снабдить маленьким аппаратом, величиной с ручные часы. Можно поступить и иначе: для освещения всего дома или даже целого города изготовить один большой аппарат. Но в таком случае аппарат должен быть соединен проводкой со всеми осветительными точками.

Камарели, искренне восхищенный, стоит перед иностранцем. Ведь то, о чем так просто рассказывает этот человек, — потрясающее открытие, возвещающее величайшую революцию не только в технике, но и во взаимоотношениях людей всего мира. Это было лишь предметом мечтаний Камарели, казалось делом грядущих поколений. Да, его собственная работа над проблемой беспроводного освещения — роб-

кие, неуверенные шаги ребенка, по сравнению с тем гигантским скачком, который сулит науке Вайсман.

— Вы понимаете, сколько возможностей таит в себе ваше открытие? — спрашивает Камарели. Его возбужденное лицо бледно, глаза ярко горят.

— Все, о чем я говорю, уже есть в вашей книге, — невозмутимо отвечает Вайсман и добавляет:

— Если можно без проводки передавать энергию в безвоздушном пространстве для освещения, то почему нельзя использовать ту же энергию для движения?

— Если ваша формула оправдывает себя... это потрясет мир...

Камарели восторженными глазами смотрит на иностранца и вдруг замечает, что кожа на лице его гостя удивительно гладкая, без следа волос, хотя по виду ему нельзя дать меньше двадцати пяти лет.

— Я не сомневаюсь в правильности формулы, — уверенно говорит Вайсман. — Правда, опыты еще не проводились, но надеюсь, что под вашим руководством они увенчаются успехом.

Камарели удивлен и озадачен необычайной вежливостью гостя, его неслыханным пренебрежением к собственным заслугам. Во имя чего так щедро дарит он советскому инженеру приоритет счастливой догадки? Не скрывается ли за всем этим какой-нибудь тщательно продуманный коварный план?

Но Камарели не неопытный юнец, обманчивым блеском ложного честолюбия его не ослепишь. Стрела его научного мышления весьма остра и надежна. Да и охватить мысленным взором невидимые силы природы трудно лишь в первый раз, лишь в первый раз трудно приподнять темный полог над неизвестными закоулками мироздания, но если счастливый случай поможет разглядеть тайный шов этого полога, то его легко сорвать...

Иностранец не лжет. «Спящая» энергия — это то же, что и дремлющая в камне потенциальная энергия, что заключенный в атоме ураган... Нужно лишь пробудить, оживить ее. Взаимозависимость между массой тела и содержащейся в нем полной энергией подчеркнул и Эйнштейн...

— Гениальная идея Эйнштейна, — вновь подхватил его мысль иностранец, — о взаимозависимости массы и движения...

«Да он читает мои мысли!» — мелькает в сознании Камарели.

— ...полностью совпадает с моей формулой. Магнитный бассейн, через который должна пройти на своем пути в эфир электроэнергия, наделяет ее способностью «дремать», а это ведь и необходимо для ее сохранения. Вы, безусловно, знаете, что «уснувшая» энергия пребывает, говоря условно, в состоянии летаргии до тех пор, пока та же магнитная молния не выведет ее из подобного состояния.

Камарели садится к столу.

— Это сулит тысячи возможностей, — мечтает он вслух. — Одна большая электростанция... Или комбинация нескольких электростанций, наполняющих все просторы республики «спящей» энергией...

Во всем мире курсируют самолеты, пароходы, мчатся экспрессы, автомобили, работают фабрики, заводы, гудят тракторы на полях... Не нужно никакого топлива... Самолет, если это понадобится, может годами находиться в воздухе... Преобразится вся жизнь человечества...

— Я рад, — говорит иностранец, — что это открытие будет принадлежать стране социализма.

— И в том будет ваша личная заслуга перед человечеством, заключает Камарели, протягивая гостю руку.

— В награду за заслугу, — вкрадчиво продолжает иностранец, не выпуская руки Камарели, — я попрошу, если вы не будете возражать, об одном небольшом одолжении.

— Слушаю вас!

— Все, что будет сделано нами, вы должны взять на себя, мое имя не должно фигурировать нигде.

Камарели молчит. Он не знает, что думать и что отвечать.

— Нет, я не могу принять ваше условие, — произносит он, наконец, и шутливо добавляет: — я не привык к плагиату.

— Плагиат был бы в том случае, если бы вы без моего ведома и согласия просто присвоили бы мои труды. А здесь положение иное: во-первых, вся моя работа теоретически вытекает из вашего открытия, и, по существу, вы являетесь автором всех опирающихся на него изобретений; во-вторых, — если и есть в этой работе что-то мое собственное, какие-то мои идеи, то я по собственной воле передаю их вам. Где же здесь плагиат? К тому же, должен вам сказать, что просить вас об этой услуге меня вынуждают вполне определенные обстоятельства. Придет время, и они станут вам понятны. Только, поверьте, здесь нет ничего недостойного.

Камарели все больше кажется, что иностранец является какой-то загадкой во плоти, что его окутанный тайной визит — лишь вступление к необыкновенной истории, которую невозможно предугадать. Он уступает гостю, соглашается исполнить его просьбу.

— Но при одном условии, — добавляет он, в свою очередь, — когда отпадут эти «особые» обстоятельства, то должна быть исправлена несправедливость, которую вы вынудили меня совершить.

— Если мы сочтем это необходимым, — иностранец, кажется, улыбается, но глаза его скрыты от собеседника за черными стеклами, и поэтому улыбка какая-то странная: змеей скользнув по губам, она застывает где-то у крыльев небольшого прямого носа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Летаргин»

Инженер Вайсман переселился к Камарели, в тихую квартиру на Трибунальной улице, где ему была отведена под лабораторию просторная светлая комната.

Перенеся сюда весь свой багаж, он в течение двух недель работал с тремя инженерами, рекомендованными Камарели. В лабораторию от центральной магистрали Загэса провели электролинию. По чертежам Вайсмана Камарели заказал множество различных инструментов и машин. Во дворе вырыли глубокий колодец, в который Вайсман опустил какую-то медную трубку, наполненную темной вязкой жидкостью. Из лаборатории к трубке протянули покрытую свинцом серебряную проволоку. На крыше дома поставили семиметровую мачту, увенчанную объективом телескопа.

Спустя две недели Вайсман отпустил инженеров и принялся за оборудование лаборатории.

15 мая все было готово. В 11 часов утра Вайсман пригласил Камарели.

Войдя в лабораторию, Камарели сначала ничего не мог разглядеть: в комнате было темно, как в рентгеновском кабинете. Но постепенно он освоился с темнотой и увидел в углу комнаты Вайсмана, перед которым стояла лампа, прикрытая абажуром и отбрасывавшая маленький кружок фиолетового света.

— Пожалуйста! — пригласил его Вайсман, и комната вдруг озарилась неизвестно откуда хлынувшим дневным сиянием.

Камарели обратил внимание на то, что в комнате не было окон: там, где прежде выходили в сад два окна, теперь была глухая стена, а на ней — громадная черная, хорошо отполированная доска.

Камарели осмотрелся, пытаясь найти источник света, но так и не смог понять, откуда он лился.

— Для лаборатории непригоден ни солнечный свет, ни обыкновенное электрическое освещение, — любезно начал объяснять Вайсман. — Пожалуйста, присаживайтесь, приступим к работе. Прежде всего, мы должны остановиться на одном, до сих пор незамеченном, свойстве дисперсии электромагнитных волн...

В два часа дня лаборатория была полностью подготовлена. Камарели уже детально ознакомился с формулой Вайсмана и теперь с нескрываемым нетерпением ждал результатов опыта.

Впрочем, несмотря на то, что Камарели был всецело поглощен предстоящим исследованием, он не мог не заметить странного поведения Вайсмана: объясняя каждую часть формулы, он все время стремился к тому, чтобы последнее заключение, окончательный вывод был бы сделан Камарели. Получалось, что не Вайсман раскрывал формулу, а он, Камарели. Подлинный же автор формулы лишь задавал вопросы, но так, что Камарели тотчас же находил нужный ответ, — словно это была его собственная формула.

Заработал маленький мотор, который должен был заполнить «спящей» энергией—летаргином пространство радиусом в 10 метров. На столе в углу лаборатории стояла маленькая лампа без проводов, с необходимым аппаратом.

В три часа электрометр показал достаточное насыщение эфира.

Мотор остановился.

Камарели подсел к лампе. Вайсман погасил в комнате свет. Лаборатория погрузилась в полный мрак.

Камарели нажал на выключатель, и лампа загорелась белым светом...

Затем он передвинул рычаг стоящего там же маленького двигателя, и тотчас же бесшумно заработал мотор, завертелось колесо. Опыт завершился полным успехом. Камарели вскочил со стула, крепко обнял Вайсмана.

На следующий день Камарели выступил с докладом в Академии наук Грузинской ССР. Академия поручила ему без промедления провести все необходимые для подготовки опытов работы.

Грузинское телеграфное агентство известило весь мир о новом научном открытии.

• • •

Для опытов Камарели был выделен один из генераторов Загэса. Неподалеку от генератора вскоре появилось каменное здание в виде башни и магнитный бассейн. Башня соединялась с магистралью генератора. Между башней и генератором поставили трансформатор, где элек-

трический ток подвергался необходимым изменениям. Выходящий из магнитной башни ток посылался в особый аппарат, где и происходила реализация формулы Вайсмана. Этот аппарат находился рядом с главным зданием Загэса, в особом тоннеле, совершенно неприметном для непосвященного глаза. Отсюда к главному зданию протянули медный провод, который шел на крышу и соединялся там с высокой мачтой. Мачта посылала в пространство летаргин.

Камарели заказал семь двигателей для самолетов и десять — для автомобилей. Для проведения показательных опытов беспроводного освещения решили соорудить от Загэса до Тбилиси, да и в самом городе вплоть до Навтлуги,¹ 1500 лампионов, каждый мощностью в 10000 ватт.

К пятому июня были готовы один самолет, один автомобиль и три лампона. Назначили демонстрацию опыта для узкого круга специалистов. Были приглашены три английских инженера, которые только накануне прибыли в Тбилиси в составе делегации манчестерских текстильщиков.

В 12 часов дня специалисты осмотрели двигатели машин и лампы. Объяснения давал инженер Камарели.

В половине первого в кабину самолета поднялся Вайсман. Он взял с собой трех пассажиров, в том числе одного англичанина. В автомобиле, вмещавшем пять человек, уселись два других англичанина. Камарели подал знак — самолет плавно и бесшумно поднялся в воздух, а автомобиль покати по шоссе. Ярким заревом зажглись лампы. Их сияние спорило с солнечным светом. Удивлению и восторгу присутствующих не было конца.

Грянул оркестр, раздались крики «ура!», рукоплескания.

Самолет, покружив над окрестностями Тбилиси, вернулся к Загэсу и начал медленно приземляться.

Вскоре на шоссе показался и автомобиль.

Вечером в Академии наук состоялось совещание, на котором было принято решение — в день празднования четырехлетия со дня пуска Загэса провести публичную демонстрацию летаргина.

Камарели и Вайсман работали без устали. Дел было по горло.

На правом берегу Куры, рядом с Загэсом расчищали просторную посадочную площадку. Вдоль Дидубийской долины от Загэса до самого Тбилиси протянули навесы от солнца, поставили скамьи для многочисленных зрителей, палатки с прохладительными напитками и всевозможными закусками.

Во всех тбилисских гостиницах были заблаговременно подготовлены лучшие номера для приглашенных на торжество гостей.

Сообщение Грузтага о результатах опыта произвело в Европе и Америке подлинную сенсацию. Правда, некоторые ученые капиталистических стран, скептически настроенные, сомневались в достоверности этого сообщения, но их неверие разбивали телеграммы и письма трех англичан, присутствовавших на демонстрации опыта и подробнейшим образом описывавших замечательную победу ученых.

В Тбилиси прибыли гости — представители различных научных ассоциаций, делегаты от рабочих организаций. На следующий день съехались представители всех научных и промышленных центров Союза.

---

¹ Навтлуги — один из окраинных районов в юго-восточной части города.

Тбилиси был полон гостей.

В день праздника уже с утра к Загэсу стал стекаться народ. Все дороги были запружены.

На новом аэродроме Загэса выстроились семь черных самолетов и десять красных автомобилей.

По распоряжению Камарели, в присутствии иностранных специалистов были тщательно проверены моторы самолетов, автомобилей и электромотор.

В 12 часов дня пушечный залп возвестил о начале торжества.

На высокой мачте над Загэсом взвилось алое знамя, зазвучала мелодия «Интернационала». С первыми же звуками музыки в синеву неба черным орлом взвился самолет, за ним второй, третий — и через несколько минут к Тбилиси журавлиной стаей устремились семь металлических птиц. Не слышно было привычного шума моторов, самолеты парили неудержимо и бесшумно. Через несколько минут по серому асфальту шоссе пронеслись красные автомобили. Крики восхищения, удивления, восторга многотысячной толпы, звуки музыки, мощный пушечный залп содрогали воздух.

Когда самолеты описали круг над Тбилиси, в небо поднялся громадный белый аэростат с развевающимся алым знаменем. Казалось, в синеву вместе со знаменем взмыла вершина Мкинвари.¹

Когда аэростат поднялся на достаточную высоту, с ним поравнялся один из самолетов. Внезапно он накренился, и летчик заранее подготовленным специальным арканом притянул к себе аэростат. Громадный шар, опадая белым пятном, лег на черное тело самолета.

Тридцатиметровое красное бархатное знамя развевалось над ним. За знаменосцем в два ряда следовали остальные шесть самолетов.

Наконец, они плавно опустились на загэсовском аэродроме.

Председатель правительства Грузинской Социалистической Республики открыл митинг. В своем выступлении он подчеркнул, что нынешний день знаменует новую эру в развитии мировой науки.

Затем выступил инженер Камарели. Его встретили громом аплодисментов.

Камарели был очень смущен и взволнован. Он поблагодарил присутствующих и добавил, что своим открытием он во многом обязан помощнику, которого он может назвать пока только счастливым случаем.

Публика, тронутая скромностью инженера, устроила ему овацию. Вслед за Камарели, на трибуну один за другим поднимались делегаты разных стран. Небольшую, но взволнованную речь произнес представитель журнала „Electric power“

Митинг закончился в три часа дня. Но и вечером в Тбилиси, залитом огнями иллюминации, продолжалось торжество. Ровно в 10 часов на несколько мгновений в городе погас электрический свет, и оживленные улицы Тбилиси объял полный мрак. Но еще мгновенье... — и, казалось, на ночном небе вошло солнце — высоко на столбах одновременно загорелись ослепительным огнем бесчисленные фонари. Ровный и яркий дневной свет разлился по городу и его окрестностям.

• • •

Весть об удивительном техническом открытии, продемонстрированном советским инженером в Тбилиси, быстро облетела весь мир. В физических лабораториях Европы и Америки началась напряженная рабо-

¹ М к и н в а р и — грузинское название горы Казбек.

та: ученые стремились приподнять завесу над тайной советского инже-
нера. Но все усилия были тщетны.

Забила тревогу зарубежная пресса. Либерально настроенные газе-
ты требовали от своих правительств срочно начать переговоры с Совет-
ским Союзом. Сторонники «жесткой» политики требовали отказа со сто-
роны Советского Союза от этого «опасного» открытия.

«Где гарантия того, что Москва, — писала парижская газета
«Matin», — не использует это открытие в целях усиления своей воен-
ной мощи? Никто не знает, каким сюрпризом обернется оно в военной
технике».

Некий американский инженер опубликовал статью «Чего мы
должны ждать?», в которой пугал, что Москва может производить
обстрел чужой территории летаргиновыми бомбами и снарядами на
большом расстоянии. «Ужас в том, что против таких бомб ничего нельзя
будет предпринять. Это будут искусственные метеориты, во сто крат
более опасные, нежели падающие с неба камни».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Неожиданное открытие

Весь август Камарели провел в Москве. Официальная сторона дела,
то есть утверждение и принятие его изобретения рядом вышестоящих
органов, потребовала многих хлопот.

Первого сентября, за день до отъезда, он получил из Тбилиси теле-
грамму:

*«Второго сентября выезжаю в Ростов заказывать
трансформаторы. Вернусь десятого. Если приедете
раньше, в лаборатории найдете пять регуляторов.
Двенадцать заказано тбилисским заводам.*

ВАЙСМАН».

Пять месяцев, прошедшие со дня знакомства с Вайсманом, промча-
лись для Камарели необыкновенно быстро. Все это, заполненное удиви-
тельными событиями, время он был так занят, что не мог даже выкроить
несколько минут, чтобы поразмыслить над многими странностями своего
сотрудника. Вайсман по-прежнему был для него трудной загадкой, но
водоворот событий кружил его, не давая возможности разобраться в
собственных чувствах.

Телеграмма вновь вызвала в его воображении образ Вайсмана, и
всю дорогу от Москвы до Тбилиси его томило какое-то неясное, глухое
беспокойство.

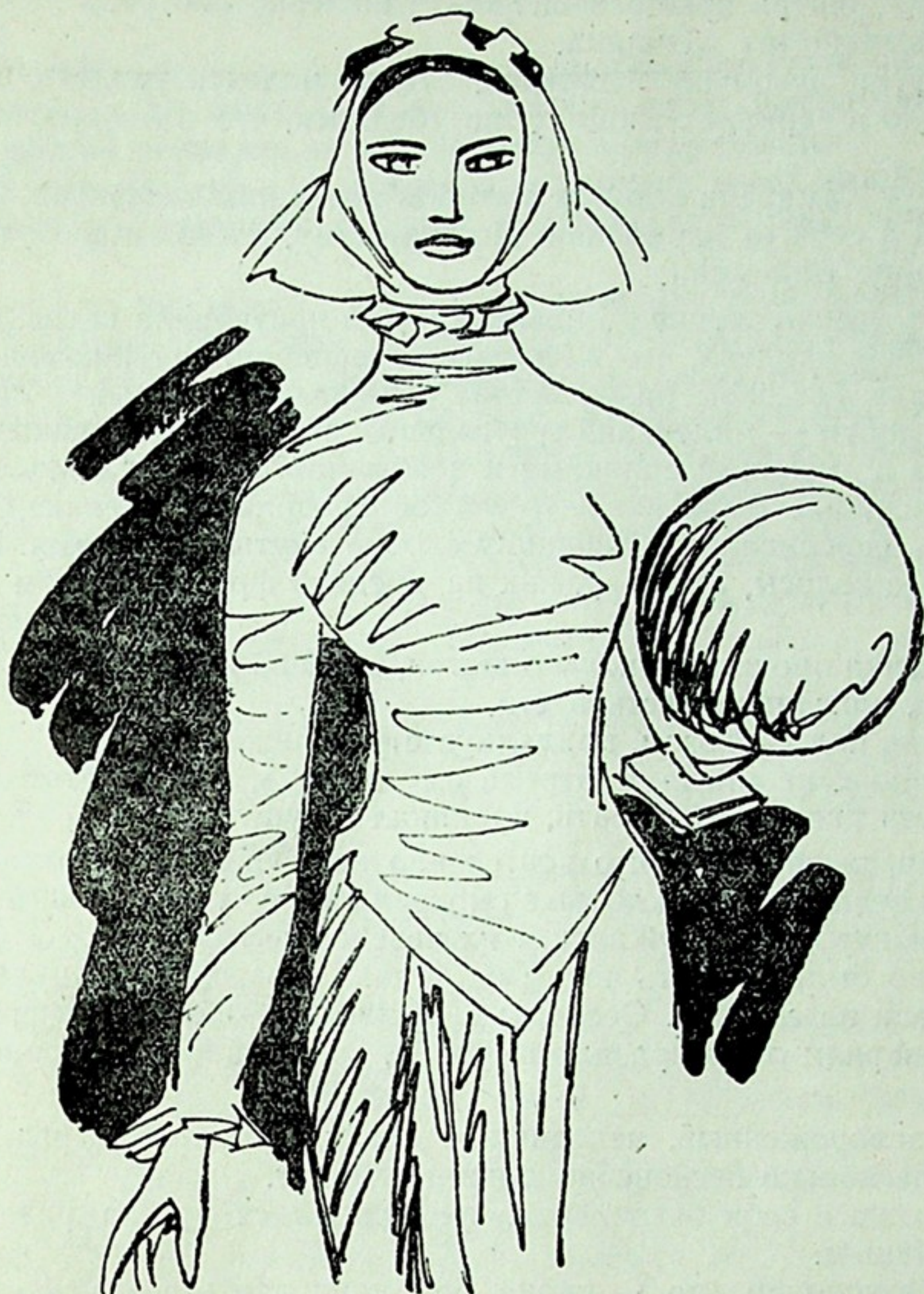
Пятого сентября Камарели был дома. Первым делом он направил-
ся в лабораторию. Охваченный смутной тревогой, взволнованный, пере-
ступил он порог комнаты, где, впрочем, он и прежде всегда испытывал
необъяснимое волнение. Теперь же, когда Вайсмана здесь не было, к
обычному волнению добавилось чувство подавленности и томительного
ожидания.

Он осветил комнату.

На столе в углу поблескивали пять регуляторов.

Блестящая доска на стене была занавешена черным бархатом.

Камарели подошел к ней и дернул за шнур. Занавес начал медленно раздвигаться.

Показалась черная, отполированная, как зеркало, доска, которую Камарели видел уже не один раз.

В углу, на высоте человеческого роста, темнел маленький ящичек. Это было что-то новое.

Камарели открыл крышку ящика. Внутри лежал какой-то аппарат, похожий на барометр, с колесиком, звонком и короткой, не более пяти сантиметров, металлической ручкой. Он осторожно потянул за ручку. Колесико завертелось, и в тот же миг зазвонил звонок. От ящика вверх была протянута проволока, она шла вдоль экрана, переходила на противоположную стену и там подсоединялась к маленькому четырехугольному аппарату, напоминающему электросчетчик.

Минуты две Камарели рассматривал все это сооружение, стараясь достигнуть его смысл и назначение.

Внезапно за его спиной вновь раздался звонок.

Камарели обернулся и замер от изумления.

С доски, теперь ярко освещенной, удивленно смотрела на Камарели молодая незнакомая женщина.

Камарели невольно оглянулся, словно надеясь увидеть в комнате отраженную в зеркале женщину, но убедился, что в лаборатории никого нет.

И вдруг Камарели осенила догадка: перед ним телеэкран. Он немного пришел в себя от изумления. По-видимому, здесь и следует искать ключ к тайне Вайсмана.

В этот момент женщина повернулась и притворила дверь. Камарели только сейчас заметил, что на экране совершенно не знакомая комната: глухие стены без окон разрисованы странными цветами и листьями; в центре комнаты — маленький треугольный столик, три изящных деревянных стула с высокими спинками и необычной формы длинный диван.

На женщине было какое-то легкое прозрачное одеяние, оно все струилось, переливалось. Женщину словно окутывало пламя. Пламенем горели и ее волосы, а голову, как на древней фреске, венцом окружало сияние.

Женщина прошла несколько шагов, присела на диван и подала знак Камарели, приглашая сесть и его.

Он, как под гипнозом, придвинул стул ближе к экрану.

Женщина, не мигая, смотрела ему в глаза. Взгляд этот лишал его способности двигаться, думать, проникал в душу.

Камарели казалось, что постепенно все существо его наполняется странным сиянием, и чем дольше смотрел он в ее удивительные лучистые глаза, тем глубже погружался в их неведомые глубины.

Трудно было уловить черты ее лица. Глаза, как два чудесных свечоточа, горели на ее лице. Осененные длинными, влажными ресницами, они то говорили о невыразимой скорби, то светились безграничной радостью.

Как замороженный, неподвижно сидел Камарели перед экраном. Прошло несколько бесконечно длинных минут.

Страхнув с себя оцепенение, он попытался трезво разобраться в происходившем.

Да, безусловно, это — тайна Вайсмана. Но кто эта женщина? Из какой она страны? Где нашел ее экран инженера-чародея?

Вдруг его осенило: он вскочил, подбежал к столу, написал на листке бумаги по-английски, по-французски и по-немецки: «Откуда вы? На каком языке говорите?» и протянул его женщине.

Она улыбнулась. Затем встала, взяла со стола маленький черный кубик, напоминавший игральные кости, положила его в широкую черную коробку — камеру и протянула Камарели.

На черной стенке коробки возникла белая надпись. Но сколько ни старался Камарели, ему не удалось разобрать ни одной буквы.

Тогда он, жестикулируя, постарался дать ей понять, что не разобрал написанного. Женщина положила камеру на стол и, в свою очередь, принялась что-то объяснять Камарели: сначала сложила два пальца крестом, потом подняла правую руку к потолку, а другой указала на заднюю стену комнаты. Наконец, подойдя к стене, прислонилась к ней спиной. Неожиданно стена раздвинулась, как занавес на сцене, и показался сад. Оранжевым пламенем горела в лучах солнца листва.

Камарели взглянул на часы: было 11 часов утра. Он стал напряженно прикидывать, в какой стране сейчас ярко светит солнце. Восход — в Африке и на западе Советского Союза... Закат — на Тихом океане... Но

осенний пожар в садах ранней весной?.. Вероятнее всего, что это в Африке.

Женщина повернулась и, сделав Камарели какой-то знак, улыбнулась, подняла руки, взмахнула ими, как крыльями. Стена опять сомкнулась. Женщина потянула за черную ручку в углу экрана.

Вдруг все исчезло — и женщина, и комната, и сад за стеной. Перед Камарели лишь холодным блеском отсвечивала черная полированная доска.

Он постоял несколько секунд перед экраном, потом опустил крышку ящичка и, задвинув занавес, нервно зашагал по лаборатории.

Да, он прикоснулся к тайне Вайсмана, но от этого она стала только еще более непостижимой, необъяснимой. Какие отношения между Вайсманом и этой женщиной? Где она теперь находится и кто она?! Уж не пленил ли этот современный маг прелестную незнакомку, чтобы получить сказочный выкуп от ее прежнего владельца? Что за глупости! Или, может быть, неразделенная любовь настолько ожесточила сердце могущественного ученого, что он заточил эту необыкновенную красавицу, отвергшую его, на каком-нибудь затерянном в океане необитаемом острове и оставил ей этот экран — единственное окно в мир, чтобы никто, кроме разгневанного возлюбленного, не мог ее видеть...

Долго размышлял Камарели, находил и отвергал всевозможные объяснения увиденному, но так и не сумел проникнуть в тайну Вайсмана.

«Необходимо хоть немного успокоиться, чтобы разобраться во всем происходящем», — решил он, наконец. Погасив свет и заперев лабораторию, он вернулся к себе. Но не стал ни читать, ни работать — переоделся и вышел из дому.

Свежий воздух, приветствия знакомых, привычный гомон тбилисских улиц постепенно помогли ему обрести спокойствие.

Он спустился по улице Чавчавадзе и, не торопясь, пошел по проспекту Руставели.

Смятение улеглось, но лицо женщины, столь неожиданно возникшей в зеркале, все еще стояло перед его глазами.

Постепенно в сознании начало созревать решение удивительной загадки.

«Вайсман—выдающийся ученый. Что же удивительного, если он так блестяще разрешил проблему передачи изображения на дальние расстояния? А разве его летаргин — меньшее чудо, менее гениальное изобретение? Да, все это так».

И все же где-то в самых дальних тайниках сердца у Камарели что-то дрогнуло. Изобретением Вайсмана или прекрасным лицом незнакомки вызвано это волнение?

Камарели усмехнулся в коротко стриженные усы: не доставало только влюбиться в видение.

Приближаясь ко Дворцу правительства, он уже окончательно справился со своим волнением. Впечатлительный от природы, он умел контролировать свои чувства.

Легко и весело взбежал Камарели по ступеням широкой лестницы Дворца правительства.

* * *

Камарели вернулся домой глубокой ночью. Весь день он работал много и плодотворно, и сейчас был доволен собой. Как здоровому ре-

бенку присуща потребность двигаться, играть, шалить, так и Камарели необходимо было работать, трудиться, созидать, находить все новое применение своей бурной, кипучей энергии, — это была его стихия, воздух, которым он дышал.

И сегодня он с обычным увлечением занимался любимым делом. Но к привычному чувству радости прибавилось что-то новое: в тайниках сердца продолжал жить чарующий образ незнакомой женщины.

В самый разгар работы, в момент ожесточенного спора или спокойной беседы с друзьями перед внутренним взором Камарели возникали полыхающие огнем глаза, волосы, и незримые крылья надежды переносили его в таинственный, неведомый мир. Ему удавалось иногда совершенно отрешиться от видения, и тогда ясные глаза его по-прежнему горели уверенностью и энергией.

Камарели разделся. Выключил свет. Лег. С удовольствием потянулся на широкой постели. Усталое тело жаждало тишины и спокойствия.

И вдруг в темноте ярко вспыхнул экран и заискрились удивительные глаза на лице незнакомой женщины.

Резко приподнявшись, Камарели нащупал на стене выключатель.

Видение исчезло, но душу Камарели охватило смятение: значит, обретенное сегодня спокойствие было лишь внешней видимостью, обманом. Внезапная вспышка только обнажила истину, которую он пытался от себя скрыть. Им опять овладело чувство смутной тревоги и волнующего ожидания; по жилам, казалось, побежал огонь.

Он встал, накинул халат, отворил окно.

Высоко горели звезды. Над Тбилиси стояла умиротворяющая ночная тишина. Только где-то вдали слышалось позвякивание одинокого трамвая. С Мтацминды потянуло легким ветерком.

Камарели облокотился на подоконник и, уже не сопротивляясь, отдался стремительному потоку неизведанных дотоле чувств:

Сверкнуло зеркало —
Неведомая женщина в саду.
Ее глаза — две яркие свечи.
Ей сладок неразгаданный огонь
Минувших человеческих дерзаний,
Ее влечет далекой жизни сон,
Таинственная быль веков угасших.
В ее руке — неведомая книга,
Мерцает на развернутой странице
Заглавие прочитанных стихов:
«Виденье в заркале».¹

* * *

Камарели минуло тридцать лет. После окончания школы и физико-математического факультета университета он два года успешно работал в одном из научно-исследовательских институтов Москвы. В Грузию, где в то время развернулась напряженная работа по электрификации республики, он вернулся уже опытным специалистом.

Камарели был холост. Женитьба как-то не занимала его мыслей. Всякий раз, когда знакомство с женщиной могло перейти границы

¹ Перевод А. Кочеткова.

простой дружеской близости и способно было увлечь его в область более серьезных отношений, возникали совершенно непредвиденные обстоятельства, избавлявшие его от принятия серьезных решений. Камарели был уверен, что этот вопрос никогда не вызовет осложнений в его жизни и не станет предметом его серьезных раздумий. Всем существом своим он отдался науке, творчеству и ему казалось, что семья только помешает его плодотворной, всепоглощающей работе. И вот в жизнь этого человека ураганом ворвался образ женщины с таинственного экрана. Она распахнула перед ним окно в неведомый доселе мир, завоорожила прекрасным видением.

Восход солнца невольно напомнил Камарели увиденную вчера на экране картину: разлив солнечных лучей, необычное одеяние женщины, странное убранство ее комнаты... Кто она? Уроженка какой страны?! Он должен успеть до возвращения Вайсмана выяснить все это, чтобы встретиться с ним во всеоружии...

В половине десятого он вошел в лабораторию. Раздвинул занавес, открыл ящичек в углу экрана, повернул ручку аппарата. Раздался звонок, и после нескольких томительных минут ожидания, когда сердце Камарели то начинало гулко биться, то совершенно замирало, прозвучал ответ. В тот же миг на экране возникло изображение.

Женщина стояла в углу, протянув руку к аппарату. Она улыбнулась Камарели, взмахнув руками, как крыльями. Взгляд ее странно сверкающих глаз приковал его к месту. И в этот миг Камарели с необычайной ясностью осознал, что ночное видение и вся его вчерашняя борьба с самим собой были не просто какой-то малозначительной случайностью, но что отныне его судьба навеки переплетена с судьбой этой женщины.

Он опустился на стул, не в силах оторвать от нее восторженного взгляда.

Женщина на экране удобно расположилась в кресле.

Безмолвно, неподвижно сидели они друг против друга, и только глаза их говорили на своем, понятном во всей вселенной, языке.

Казалось, прошла вечность. Женщина поднялась, поднесла руки к глазам, а затем простерла их к Камарели. Улыбнулась. Камарели тоже, почти машинально, протянул к ней руки и кивнул головой; странный жест ее он понял, как знак нерушимой любви. Он встал, отошел назад, указал на противоположную экрану стену лаборатории и сделал руками движение, словно раздвигает ее.

Женщина поняла и тотчас исполнила его просьбу.

Показался залитый солнцем пурпурный сад.

Камарели попытался жестами выяснить: восход это или закат.

И она ответила: солнце садится.

Камарели не мог поверить: солнце садится сейчас только на Тихом океане, но на том меридиане нет ни одного островка!

Женщина сделала шаг вперед и принялась что-то объяснять. Он догадался, о чем идет речь: она куда-то уходит, и в течение двух, трех, пяти дней он не увидит ее. Но потом она, кажется, обещает что-то радостное: приложила руки к ушам и зашевелила губами. Видимо, что-то сказала ему... А может быть, она уже догадалась, где он находится, и просто собирается придти к нему? За пять дней она преодолет неведомый путь, и далекое видение воплотится в живое существо.

Пока он раздумывал, женщина сделала ему прощальный знак, и экран погас.

До приезда Вайсмана Камарели провел пять длинных, томительных дней.

Каждое утро он приходил в лабораторию, раздвигал черный бархатный занавес, звонил, ждал часами — но ответа не было. Это убедило его в том, что он верно понял знаки женщины. Он лишь опасался, как бы она не приехала вместе с Вайсманом.

Десятого сентября из Ростова вернулся инженер Густав Вайсман.

Вопросы, которые Камарели обдумал тысячу раз и собирался задать иностранцу, почему-то не шли с языка. Весь день он так и не решился заговорить об экране. Неизвестно, как воспримет Вайсман его вопросы, кто знает, какие отношения связывают его с той женщиной? Быть может, что-то вынуждает его скрывать от всего мира любимую, и бесцеремонное вмешательство в его тайну повлечет за собой страшные для Камарели последствия: иностранец просто снимет экран и перенесет его в другое, никому не известное место. Тогда Камарели лишится и последнего утешения — хоть издали видеть любимое лицо! С другой стороны, пять дней, о которых по-видимому, говорила женщина, на исходе, и, значит, каждую минуту можно ждать разгадки тайны.

Вайсман всю ночь проработал в лаборатории.

Утром, за завтраком он, как бы невзначай, спросил утомленного бессонной ночью и тревожными думами Камарели:

— Вы видели мой экран?

Выстрелом прозвучали эти слова для Камарели.

Он побледнел и лишь огромным усилием воли овладел собой, улыбнулся и произнес:

— Да, правда, я совершенно случайно обнаружил его, когда...

— Я приношу извинения, — прервал его Вайсман, — что не сообщил о своем новом изобретении. Но опыты еще не завершены, а мне хотелось сделать вам сюрприз. Знайте, — с улыбкой продолжал он, — что и это изобретение — очередное подтверждение вашей смелой гипотезы о переменности электромагнитных волн.

— Действительно, я связывал проблему телевидения с моей гипотезой, — как бы оправдываясь, отвечал Камарели, — хоть и не занимался специально этим вопросом, и ваша новая победа — величайшая радость для меня.

— С экраном соединена женщина, — по своему обыкновению, Вайсман словно ответил на его самые сокровенные мысли, — но я еще не знаю, кто она и где она находится.

Камарели бросило в жар от этих слов.

— Я попрошу вас только об одном, — доверительным тоном продолжал Вайсман, вперив в собеседника непроницаемо-черные стекла своих очков, — несколько дней, пока я не закончу опыты, ничего не спрашивайте меня об экране!

Камарели был поражен — Вайсман не знает, кто эта женщина и откуда она! Так кто же построил ей такой же экран, как и в лаборатории? Нет, иностранец лжет, он хочет выиграть время, чтобы избавиться от не в меру любопытного сотрудника и сохранить свою тайну. Иностранец начинает борьбу с Камарели, и ему не остается ничего другого, как принять его вызов.

— Хорошо, ваша лаборатория по-прежнему в вашем распоряжении, — с подчеркнутой вежливостью ответил он Вайсману. Но Вайсман даже не обратил внимания на его учтиво-холодный тон и не придавал значения обиде Камарели; он, кивнув головой, непринужденно сказал:

— Наш союз, друг мой, сулит много новых побед. Ну, а теперь идемте, нас ждут дела!

— Вам, кажется, нужно быть на заводе? — спросил его Камарели.

— Совершенно верно.

Камарели взглянул на часы.

— Без двадцати час. Меня ждут в правлении. — И, взяв портфель, он последовал за Вайсманом.

Идти с Вайсманом Камарели не хотелось. Но и оставаться дома после неприятного разговора было как-то неловко, поэтому он просто выдумал несуществующее дело в правлении.

Дойдя до угла, они разошлись в разные стороны. Камарели, пройдя один квартал, тут же свернул в переулок и через десять минут был дома.

Он стремительно вбежал в кабинет, бросил на стол портфель, шляпу и заспешил в лабораторию.

В мгновение он обдумал все: между Вайсманом и неизвестной женщиной не может быть согласия. Она любит его, Камарели, только его. Ничем иным он не может сейчас объяснить ее поведение. Во всяком случае, в борьбе с Вайсманом женщина будет его союзницей. Необходимо только как можно скорее увидеть ее, постараться объяснить ей, в чем дело.

Камарели позвонил. Красные кругиплыли перед его глазами. Неужели и сегодня она не откликнется на его зов?

Но раздался звонок оттуда — экран засветился, появилась незнакомка. Сегодня она была одета еще ослепительнее. Чудесная радуга окутывала ее, переливаясь и сверкая при каждом движении.

Она смеялась и плавно, словно в танце, взмахивала руками, — видимо, приветствовала Камарели. Затем сняла со стены какой-то аппарат, похожий на радионаушники, и одела его. Камарели посмотрел в ту сторону, куда она протянула руку, и увидел на рамке экрана такой же аппарат, как и в комнате женщины. Он торопливо приложил его к ушам и тотчас услышал мелодичный голос: женщина говорила. Но речь ее была непонятна: „Sanor den Obra. Wen, gaga, obran sanoreu largo“. Лицо ее сияло, светилось искренней радостью.

Когда заговорил Камарели, женщина вся обратилась в слух. Однако он умолк, а с лица ее долго еще не сходило выражение внимания и ожидания — она ничего не поняла.

Тогда Камарели снял наушники, кинулся к шкафу, схватил стоящий на нем глобус и поднес к экрану: «Укажите место, где вы находитесь».

Камарели медленно поворачивал глобус. Но женщина, внимательно вглядываясь в него, лишь недоуменно пожимала плечами. Отойдя от экрана, она вышла в смежную комнату и тотчас же вернулась с глобусом в руках.

Черный, испещренный желтыми и белыми полосами глобус, медленно вращался перед глазами Камарели, но и он ничего не мог понять.

Он поднял взгляд на женщину, как бы ища у нее разъяснения...

А она стояла в своем радужном наряде, глядя на него большими, странно лучистыми глазами.

Глобус медленно вращался. И когда взгляд Камарели упал на Северный полярный круг, сознание пронзила догадка — Марс!

И в один миг все стало ясным и понятным: он разговаривал с марсианкой, с женщиной, отдаленной от него сотнями миллионов километров.

ров; безграничность этой черной пропасти убила в нем всякую надежду, его любовь теряла смысл, оказавшись за рамками реальности.

Лицо Камарели покрылось мертвенной бледностью. Безжизненным, потухшим взором еще раз окинул он незнакомку и, как подкошенный, упал перед экраном.

Очнулся Камарели в постели, подле него сидел врач и держал его за кисть, следя за пульсом по своим круглым карманным часам.

Потом Камарели увидел Вайсмана. Иностранец неподвижно стоял у окна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прочитанные знаки

Камарели, перенесший тяжелую болезнь, в середине октября, по настоянию врачей, поехал в санаторий на Черноморское побережье.

В конце ноября его навестил Вайсман.

Мучимый угрызениями совести, Камарели чувствовал себя при встрече неловко: как мог он заподозрить этого человека в каких-то недостойных помыслах. Теперь Вайсман представлялся ему самоотверженным ученым и замечательным другом. Надо было во что бы то ни стало искупить свою вину перед ним и заслужить его дружбу и доверие.

Встреча с Вайсманом была первой после долгого перерыва — врачи очень неохотно разрешали навещать больного. Теперь, правда, Камарели окончательно поправился, и только бледное осунувшееся лицо говорило о перенесенной болезни.

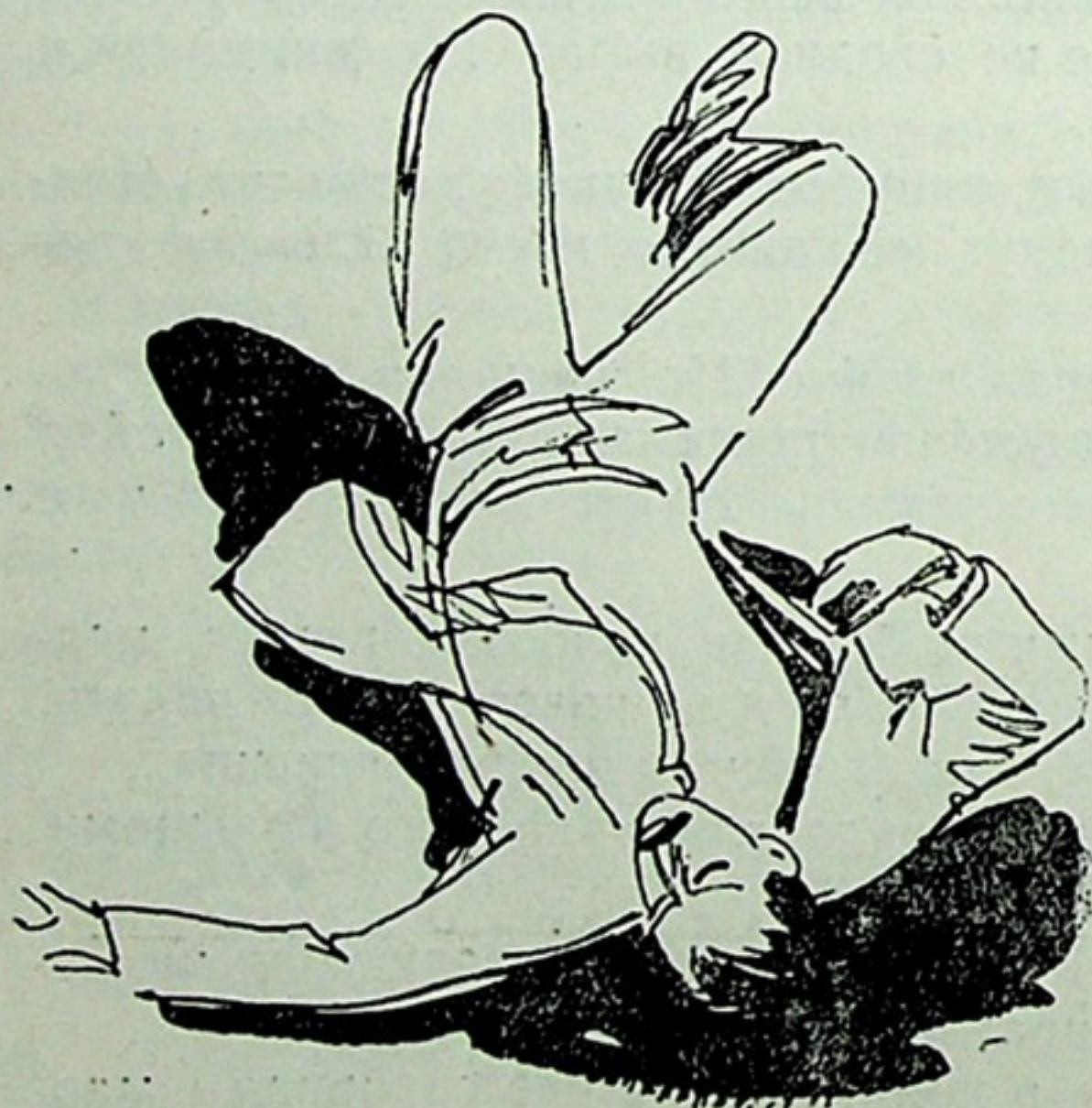
— Вы, конечно, сердитесь на меня, — усаживаясь в кресло, обратился к Камарели Вайсман. — Я не до конца был откровенен с вами, но, надеюсь, вы поймете, что причиной этому была лишь наша профессиональная осторожность. Мне хотелось подытожить все опыты, чтобы самому исправить возможные ошибки.

— Напротив, — смущенно потупив голову, отвечал Камарели, — это я должен извиниться перед вами за свое ребяческое поведение. Я поддался внезапному порыву, помешал вам, и готов теперь принять любое наказание.

— Я очень рад, что вы уже здоровы и, вероятно, скоро сможете приступить к работе, — не обращая внимания на его покаянный тон, ответил Вайсман.

— Через две недели надеюсь быть в Тбилиси. Я и здесь уже понемногу начинаю работать, — Камарели указал на тетради, лежащие на столе.

— Поэтому-то, наверно, меня и пропустили сюда, что вам уже разрешено заниматься. Экран почти готов, и я ожидал лишь вас, чтобы вынести ему окончательный приговор.

— Знаете, меня больше всего занимает вопрос: каким образом на Марсе оборудовали точно такой же экран, как и в нашей лаборатории? — не отвечая ему, продолжал Камарели.

Вайсман отозвался не сразу.

— На объяснения потребуется очень много времени, боюсь утомить вас, — проговорил он после паузы.

— Неужели я так уж плох?

— Значит, вы разрешаете?

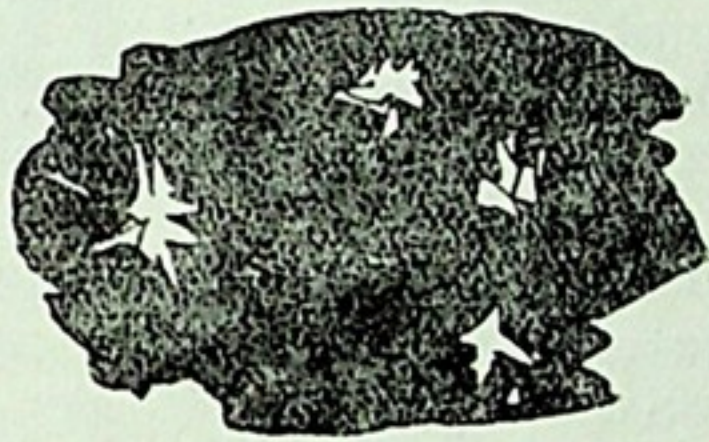
— Я весь — внимание.

Вайсман вынул из портфеля, который он принес с собой, несколько книг и тетрадей, разложил их на столе и, закинув ногу на ногу, обратился к Камарели сверкающие стекла очков.

— Ваша гипотеза о параллельном излучении электромагнитных волн навела меня на мысль, что проблема телевидения между двумя планетами может быть разрешена с большим успехом, нежели даже между двумя точками земного шара. Прямолинейное движение лучей затрудняет их использование для телевидения на земле. Поэтому я построил свою работу по иному принципу. Как известно, расстояние между Землей и Марсом сокращается часто весьма значительно. Именно в это время, не теряя своей первоначальной силы, пучок параллельных лучей с Земли легко дойдет до Марса. Но, чтобы уловить эти лучи, необходимы и передатчик и приемник.

— В этом-то все дело! — оживившись, воскликнул Камарели.

Продолжение следует

УДК 62-00
ББК 84.000.000

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

И. В. Тюленев,
генерал армии

Битва за Кавказ

Из книги «Через три войны»

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

19 января 1942 года я получил приказ о назначении на должность заместителя Главнокомандующего юго-западным направлением. Главком направления С. К. Тимошенко и член Военного совета Н. С. Хрущев не возражали против того, чтобы меня направили к ним.

Ставка Главкома юго-западного направления находилась в Воронеже, а командный пункт — в Сватово. Когда я прибыл в Ставку, там шла подготовка к наступлению.

За несколько дней до этого, несмотря на сильные метели и снежные заносы, наши войска, наступая в направлении Барвенково, прорвали оборону противника. Два конных корпуса вошли в прорыв, овладели станцией Лозовая, захватили у врага до двух тысяч автомашин, но развить тогда этот успех не удалось из-за отсутствия резервов.

Не успел я как следует ознакомиться с войсками фронтов юго-западного направления, как получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования о новом назначении. В ней коротко говорилось, что я назначаюсь командующим войсками Закавказского военного округа, части которого были расположены в закавказских республиках, в Дагестане и на территории Ирана.

Эта директива меня и обрадовала, и огорчила. Я только что вошел в кипучую жизнь юго-западного направления, собрался выехать на передовую и вот, на тебе: опять в тыл! С другой стороны новое назначение в какой-то мере пришлось мне по душе. Мне представилась возможность вновь побывать в Закавказье, в тех местах, где прошли шесть лет моей довоенной службы. Тбилиси я хорошо знал еще по двадцатым годам, когда там работал. И еще одно: меня обнадеживала маленькая деталь: директива предписывала «отправиться немедленно самолетом». «Значит, — размышлял я, — что-то готовится и в Закавказье, и, возможно, там мне предстоит срочная и не такая уж тыловая работа».

В первых числах февраля я прибыл в Тбилиси. Старые мои товарищи-тбилисцы, с которыми мне пришлось работать до войны, встретили меня радушно, ознакомили с положением в Закавказье и в войсках.

Обстановка настоятельно требовала как можно скорее по-серьезному заняться боевой и политической учебой войск и подготовкой театра военных действий на случай наступления немецко-фашистских войск с севера и со стороны Турции. Это было тем более необходимо, что на южном крыле советско-германского фронта противник готовился к дальнейшему наступлению, а на государственной границе со стороны Турции, правители которой симпатизировали Гитлеру, продолжались частые провокации. Несмотря на нейтралитет, провозглашенный 25 июня 1941 года, турецкое правительство, лелеявшее планы отторжения от Советского Союза обширной территории, выжидало благоприятный момент, чтобы дать своим войскам приказ перейти советскую границу. Об этом свидетельствовал попавший мне тогда в руки июльский номер турецкого журнала «Бозкурт», где была опубликована карта «Великой Турции» с включенными в нее Закавказьем и среднеазиатскими Советскими республиками.

После вступления советских войск в Иран участились и случаи нарушения турками иранской границы в районах расположения наших войск.

Проверка войск округа показала, что общее их состояние вполне удовлетворительно, но обеспечение вооружением во многом оставляет желать лучшего. В частях недоставало автоматов, минометов, винтовок. Такое положение было нетерпимым. Требовалось немедленно организовать на местной промышленной базе производство автоматов, минометов и другого вооружения. За это взялись партийные, советские и профсоюзные организации.

Вопрос вооружения войск округа за счет централизованного снабжения и местных ресурсов был решен более или менее быстро. Но наряду с этим перед нами стоял другой, не менее важный вопрос — пополнение частей подготовленными людскими резервами. Нельзя сказать, что в них ощущалась нехватка. Но многие бойцы из призывного контингента плохо владели русским языком, а это усложнило процесс ускоренного военного обучения. В связи с этим возник вопрос о формировании национальных частей и дивизий. Командные кадры для этого в республиках Закавказья имелись.

Командование против этого не возражало, и вскоре в округе было создано девять национальных стрелковых дивизий: три армянские, две азербайджанские и четыре грузинские. Это мероприятие несомненно ускорило боевую подготовку и увеличило численность войск округа.

45-я армия, входившая в состав войск округа и обеспечившая охрану государственной границы с Турцией на территории Армении, стала более полнокровной. Точно так же и 46-я армия, расположенная на территории Грузии, увеличила свой численный состав и надежней укрепила границу. Государственная граница с Ираном обеспечивалась отдельным кавалерийским корпусом.

Таким образом, наша южная граница была в достаточной степени укреплена и в то же время на случай угрозы с севера мы имели возможность выделить войска для отражения врага на этом направлении.

По данным советской разведки, немецко-фашистские войска готовились к летнему наступлению, нацеливаясь на юг — на богатейшие нефтеносные районы нашей страны. На совещании, состоявшемся 1 июня 1942 года в Полтаве, в штабе группы армии «Юг», Гитлер с присущим ему апломбом заявил: «Моя основная мысль — занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен прекратить войну».

Выполнение задачи по захвату Кавказа Гитлер возложил на 1-ю и 4-ю танковые, а также 17-ю армию группы армий «А».

В начале лета 1942 года немецкие оккупанты перешли в наступление в общем направлении на восток, затем резко повернули одну группу армий на юг. Угроза Кавказу стала реальной...

Военный Совет округа поставил перед Ставкой Верховного Главного Командования вопрос о реорганизации штаба округа в штаб фронта и образовании Закавказского фронта со всеми его органами и правами. Ставка утвердила это наше предложение.

С мая 1942 года Военный Совет Закавказского фронта сосредоточил все свои усилия на подготовке оборонительного рубежа в предгорьях Кавказа. Старое командование округом в 1941 году, когда немецко-фашистские полчища подходили к Ростову, занималось этим вопросом. Но, по моему мнению, оно в своем решении исходило тогда из ошибочной оценки противника. Считалось, что Закавказье нужно оборонять на перевалах Главного Кавказского хребта и на Махачкалинском рубеже. В свете этого и подготавливался основной оборонительный рубеж в так называемых «Махачкалинских воротах». Если бы мы стали обороняться именно на этой линии, то мы потеряли бы грозненскую нефть, а войска Закавказского фронта были бы заперты противником за Кавказским хребтом и лишены свободы маневра и перегруппировки.

Это ошибочное решение было отвергнуто, и мы начали вести подготовку оборонительного рубежа на линии Терек—Урух. Однако некоторые командиры продолжали настойчиво убеждать меня в том, что пределы округа ограничены Дагестаном, и нам, мол, не разрешат организовать оборону так, как мы хотим. Тогда я обратился в Ставку с просьбой подчинить Закавказскому фронту Грозненский район — и это было почти немедленно санкционировано.

При большой повседневной помощи партийных и советских организаций Грузии, Армении и Азербайджана войска Закавказского фронта с каждым днем укрепляли свою боеготовность, стремясь сделать свои рубежи неприступными для немецко-фашистских захватчиков. Не оставалось сомнения в том, что если в предгорьях Кавказа развернутся боевые действия, то враг будет остановлен и разбит. И когда мне приходилось выступать перед трудящимися Закавказских республик, информировать их о состоянии и обороноспособности войск фронта, то я без колебания, со всей убежденностью говорил, что Военным Советом приняты достаточные меры, которые должны обеспечить нам успех.

В ПРЕДГОРЬЯХ КАВКАЗА

Летом 1942 года события развивались молниеносно. Положение на всех фронтах Великой Отечественной войны было все еще тяжелым, и всякое изменение обстановки, как в зеркале, отражалось на наших ближневосточных государственных границах. Как только, например, фашистские войска добивались успеха на Восточном фронте, сразу же учащались провокации и на границе с Турцией.

В августе 1942 года Закавказский фронт становится действующим. Ставка Верховного Главного Командования поставила перед фронтом задачи организовать прочную оборону Кавказа и Закавказья. Этот вопрос, как я уже говорил, стоял довольно остро еще осенью 1941 года, когда фашистские полчища на несколько дней захватили Ростов. Тогда прежнее командование Закавказского округа выдвигало предложение — удержать противника на берегу реки Сулак, в дефиле у узких Махачкалинских ворот. Это возможно было сделать даже при небольшом количестве войск.

Однако надо сразу же сказать, что подобный план обороны был продиктован неверием в собственные силы и переоценкой возможностей противника, так как лишал наши войска плацдарма для необходимого маневра и обрекал их на пассивность.

Перед нами в 1942 году снова встал вопрос: каким же должен быть план обороны Кавказа? Теперь выбор рубежа обороны Кавказа был уже не просто предметом военно-теоретических изысканий — от этого зависели жизни миллионов советских людей, судьба огромной и богатой территории. Уход на берег реки Сулак означал потерю грозненских промыслов, большей части Северной Осетии и, наконец, изрядной части Дагестана.

«Берег Сулака! — по привычке твердили штабные старожилы. — Географически это вполне отвечает требованиям о выборе позиций на дальних подступах к Баку, гарантирующих его от всяких превратностей войны. Там и укрепления почти готовы, а пределы фронта ограничены Дагестаном».

Отстаивая свой план, эти «теоретики» рассуждали так: «А что, если враг создаст численное превосходство, и под напором танков, под ударами пикирующих бомбардировщиков мы не сумеем удержать плацдарм на Тереке? Не распахнутся ли тогда Махачкалинские ворота? Не прорвется ли противник через них к Баку?».

В весенние дни над берегами Сулака и Терека подолгу кружил самолет. Он то шел низко над землей, то высоко взмывал в небо, то снова переходил на бреющий полет. Позиции, осмотренные на земле, я проверял теперь с воздуха, с самолета, и эта проверка укрепила мое решение, вопреки предложениям старых штабистов, строить оборону на реке Терек.

И когда в августе 1942 года генерал-полковник Василевский из Ставки Верховного Главного Командования вызвал меня к прямому проводу и запросил мое мнение об обороне Кавказа, я сообщил ему план, принятый Военным Советом Закавказья. Ставка Верховного Главнокомандования утвердила его. Этот план предусматривал построение главного оборонительного рубежа на реке Терек, с сильными, укрепленными узлами в районах Кизляр, Старошедринское, Старочервленое, Моздок, Мелкинский, Пришибская.

Военный Совет Закавказья хорошо представлял себе, что этот вариант обороны является наиболее трудным для войск, но именно он сулил нам огромные преимущества. Занимая позиции за водной преградой — на южном берегу реки — наши войска стали бы держать противника на открытой степной местности, легко наблюдая и неизменно контролируя его действия. За нами сохранялся плацдарм с хорошо развитой сетью железных, шоссейных и грунтовых дорог, необходимый для маневра и постепенного накапливания сил для контрнаступления. Этот план обороны был выгодным и политически и экономически: сохранялись республики Северного Кавказа, нефтяные промыслы и заводы Грозного.

Наш сосед — Северо-Кавказский фронт — был значительно ослаблен. Его дивизии после неудачных керченских боев оказались малочисленны, плохо оснащены и сильно растянуты. После сдачи противнику Краснодара и Армавира части этого фронта двинулись по горам к Черноморскому побережью. На пространстве от рек Урух и Терек до Кубани по сути дела некому было вести бои, если не считать небольшой группы генерал-лейтенанта Малиновского. Немцы получили возможность беспрепятственно наступать в направлениях: Черкесск — Буденновск — Моздок; Буденновск — Георгиевск — Прохладный; Ставрополь — Минеральные Воды — Пятигорск — Нальчик. В руки врага, в случае его успеха, попадали богатейшие районы Северного Кавказа. Необходимо было принять все меры для того, чтобы сдержать натиск немцев и обеспечить планомерную эвакуацию материальных ценностей и населения. С этой целью на ходу формировались подвижные отряды, уходившие к Минеральным Водам на помощь войскам группы генерала Малиновского, под прикрытием которой строилась оборона Кавказа.

Обстановка на Кавказе осложнялась еще и тем, что вся железнодорожная линия Баку — Ростов была забита эшелонами с заводским оборудованием. Дорога, работая с предельным напряжением, была не в состоянии пропустить все эшелоны, и они стояли на запасных путях, дожидаясь

своей очереди. На дороге, которая служила основным и единственным путем подвоза к линии фронта, образовалась огромная пробка. Это лишало наше командование возможности маневрировать войсками и своевременно подвозить боеприпасы.

Такое положение требовало немедленного принятия чрезвычайных мер, выполнение которых почти целиком легло на бакинскую и махачкалинскую партийные организации. На протяжении двух с лишним месяцев коммунисты этих организаций занимались почти исключительно транспортными делами.

Железнодорожники Закавказья и каспийские водники работали, не покладая рук, один за другим гнали на восток эшелоны и суда, до отказа нагруженные эвакуированным имуществом. В то же время под вражескими бомбами железнодороджники и водники за короткий срок привезли на Кавказ, к фронту свыше ста тысяч солдат, сотни орудий и танков, лошадей, повозок и грузовиков, тысячи тонн боеприпасов, продовольствия и фуража.

Вся эта несметная масса людей и грузов растекалась по дорогам, сосредотачивалась в определенных местах и по ночам скрытно двигалась на северо-запад, к терскому рубежу обороны. В эти же дни из Грузии и Армении шли тысячи грузовиков и телег в направлении на Туапсе и Сухуми — к центральному и западному оборонительным рубежам.

Внимание нашего народа, народов всего мира в то время было обращено к Северному Кавказу. «Правда» писала в те дни: «...Грозовые тучи нависли над его снеговыми горами и предгорьями, над ущельями и долинами, над бескрайними степями. Кровью окрашены воды быстрой Кубани. Дым пожарниц вздымается над станицами и аулами. Гитлеровские разбойники ворвались на просторы Северного Кавказа. Они рвутся к горам. Немецко-фашистские бандиты опьянены видом золотой кубанской пшеницы, запахом грозненской нефти. Как коричневая саранча, они опустошают нивы. Смерть, разрушения и голод идут по их следам».¹

Военное положение нашей страны становилось все более серьезным. Собрав в кулак огромные силы, враг рвался к Волге и в глубь Кавказа. В сражениях принимали участие огромные людские массы, множество танков, самолетов, артиллерии. Войска Советской Армии самоотверженно сдерживали натиск врага. Но ценой больших усилий врагу удавалось продвигаться вперед, к предгорьям Главного Кавказского хребта и к Сталинграду.

На стороне немецко-фашистских войск в то время было все еще много преимуществ: они обладали значительным превосходством в силах и, прежде всего, в танках. Как на сталинградском, так и на кавказском направлениях фашистское командование бросало в бой большие силы. Так, например, на Кавказе оперировало свыше 30 отборных дивизий. В этом районе наступали 1-я танковая и 17-я моторизованная армии, 49-й горно-стрелковый и африканский корпуса, шесть румынских дивизий, два корпуса воздушного флота, а также много отдельных полков и батальонов специального назначения.

Немецко-фашистские войска, наступающие на Кавказ, были объединены в группу армий «А», которой командовал генерал-полковник Эвальд фон Клейст. Профессиональный военный, потомок нескольких поколений прусских генералов, закончивший академию генерального штаба, участник первой мировой войны и похода во Францию, Клейст с точки зрения Гитлера был самой подходящей кандидатурой для операций на Кавказе. Он был твердым и последовательным поклонником «теории Канн», верным учеником Мольтке и Шлиффена, специалистом по организации таранного танкового удара. Правда, за Клейстом имелся на советском фронте грешок, но это, может быть, только подстегивало гордого генерала и подогревало его мысли о реванше.

¹ «Правда», 2 сентября 1942 г.

Дело в том, что за восемь месяцев до операции на Кавказе, в конце ноября 1941 года, генерал-полковник фон Клейст был бит войсками Южного фронта под Ростовом. По единодушным показаниям плененных немецких офицеров, неудача в ростовской операции была воспринята Клейстом очень болезненно. Поэтому он тщательно готовился восстановить свой поколебленный под Ростовом престиж.

Начало операции на Кавказе — в июле 1942 года — оказалось очень успешным для немцев: захват Цимлянкой и Константиновской, овладение Ростовом, Новочеркасском, Батайском и молниеносное продвижение на юг — все это окрыляло Клейста. Правда, основные лавры побед присваивал себе обычно фельдмаршал Манштейн, но чем дальше двигался Клейст, тем все более самостоятельным он становился.

У Клейста были основания верить в успех кавказской операции: под его командованием находились самые опытные войска, ему подчинялись десятки отборных дивизий, перед ним в то время отступали войска Северо-Кавказского фронта, которые, по его убеждению, оставалось только добить.

Больше всего Клейст надеялся на свою танковую армию. Поход на Кавказ он считал «танковым походом» и полагал, что по выходе на Ставропольское плато и в Терскую долину его танковую армию уже никто не будет в силах остановить и он мощным ударом прорвется в Баку.

1-я танковая армия Клейста состояла в это время из самых лучших, отборных кадровых дивизий (3-я генерал-майора Вестгофена, 13-я генерал-майора Герра и 23-я генерала фон Макка). Клейст сам вел эту танковую армаду до самого Кавказа, а потом передал командование лучшему своему генералу фон Макензу.

В подчинении Клейста была и 17-я моторизованная армия генерал-полковника Руофа. Эта огромная армия, состоящая из двенадцати дивизий, разделялась на корпуса и особые группы, выполнявшие специальные приказы Клейста. Превосходно оснащенная, с десятками тысяч автомашин и мотоциклов, 17-я армия была закалена в боях, прекрасно вооружена и не оставляла, с точки зрения немецкого командования, желать ничего лучшего.

Гитлер подчинил кавказской группе Клейста большую румынскую армию, состоявшую из трех кавалерийских дивизий (5-я, 6-я и 9-я), двух горно-стрелковых (2-я и 3-я) и одной пехотной (19-я).

Для ведения боевых операций на высокогорных участках Главного Кавказского хребта в группу армий «А» вошел 49-й горно-стрелковый корпус генерала пехоты Рудольфа Конрада. Правда, сам генерал Конрад, по всем данным, не отличался ни мужеством, ни военным талантом, зато в его корпус входили лучшие альпийские дивизии немцев, которыми командовали такие знатоки горной войны, как генерал-лейтенант Ланц и генерал-лейтенант Эгельзеер. 49-й горно-стрелковый корпус состоял из четырех дивизий, предназначенных для боевых действий на высотах Кавказского хребта: 1-й и 4-й горно-стрелковых дивизий, 97-й и 101-й горно-егерских дивизий.

1-я горно-стрелковая дивизия, носившая лирическое наименование «Эдельвейс»,¹ была гордостью гитлеровской верхушки, фотографии ее солдат и офицеров печатались во всех немецких журналах, и Клейст, конечно, не сомневался в том, что «эдельвейсы» прорвутся через хребет и пройдут к самому морю. Не менее известной была и 4-я горно-стрелковая дивизия. Она уже воевала во Франции и Югославии и была укомплектована из тирольцев — прирожденных альпинистов, для которых горы были родной стихией. На знаменах этих дивизий красовались белые цветы гор, обе они были снабжены самым современным горным снаряжением — от легких пушек до альпенштоков, компасов и спальных

¹ Э д е л ь в е й с — горный альпийский цветок.

мешков. Клейст предназначал эти части для прорыва в Грузию через центральную часть Главного Кавказского хребта.

Что касается 97-й и 101-й горно-егерских дивизий, то в начале войны они были обычными пехотными дивизиями. При наступлении на Кавказ, обе эти дивизии, как имевшие опыт горной войны в Югославии и во Франции, получили соответствующее снаряжение и вошли в 49-й корпус для ведения операций в предгорьях Западного Кавказа и на некоторых перевалах.

Кроме четырех названных дивизий, Клейст имел две румынские горно-пехотные дивизии, которые могли быть использованы в гористой местности.

В резерве группы Клейста под строжайшим секретом, тщательно укрываясь от наблюдений, шла часть, именуемая «Зондерштаб Г». Пока нам еще ничего не было известно об этой таинственной части. Говорили только, что она не меньше корпуса, все время движется за группой Клейста и ни в какие бои не вступает. Говорили также, что в этой части есть все рода войск — от авиации до кавалерии. Задачи «Зондерштаба Г» мы разгадали значительно позже, когда наши казаки захватили в плен солдата Курта Мауля. Выяснилось, что «Зондерштаб Г» был так называемым «африканским корпусом», предназначенным для соединения с генералом Роммелем, действовавшим в то время в Египте.

Если своим ударным кулаком Клейст считал танковую армию, то не менее серьезные надежды он возлагал и на приданную ему авиацию. Прикрытие танковой армии с воздуха, а также «расчистка пути» для нее были поручены «первому ассу» Германии генерал-фельдмаршалу Рихтгофену.

Нужно сказать, что Рихтгофен был наиболее талантливым генералом в немецкой авиации. Летом 1942 года ему присвоили звание генерал-фельдмаршала, он принял командование 4-м воздушным флотом и получил задачу: обеспечить операции Паулюса под Сталинградом и операции Клейста на Кавказе. В 4-й воздушный флот входили два авиационных корпуса: 4-й, которым командовал генерал авиации Флюйваль, и 8-й, действовавший под командованием генерала авиации Фибиха.

Обладая большой сетью аэродромов в Кропоткине, Армавире, Тихорецкой, Краснодаре, Майкопе, Элисте и в других пунктах, фельдмаршал Рихтгофен имел полную возможность осуществлять широкий маневр, бросая всю громаду 4-го воздушного флота то на Кавказ, то на Сталинград, — в зависимости от хода операций Клейста и Паулюса. Немецкие самолеты обстреливали и бомбили боевые порядки наших войск, их тылы, железнодорожные станции, города и селения. Это было время, когда вражеская авиация господствовала в воздухе и могла с очень небольшим риском совершать налеты даже в глубинные районы нашей страны.

* * *

Весь июль 1942 года типография германского генерального штаба в Лейпциге была занята изготовлением срочного заказа. На плотной бумаге со множеством иллюстраций и карт печатался для группы генерала Клейста подробнейший справочник-путеводитель по Кавказу: от Ростова до Калмыкии, от Ставрополя до турецкой границы. „Nur für den Dienstgebrauch» — «Только для служебного пользования».

На первой странице справочника — карта с жирными черными стрелами, пересекающими Кавказ с запада на восток. Ростов — Калмыкия — 600 километров. Ейск — Баку — 1100 километров. На последнем листе — план города Баку. Линейкой отчеркнуто — «конечный пункт». Отсюда ветераны возвращаются «нах фатерлянд» — домой.

План города залит двумя цветами — фиолетовым и красным — и усыпан множеством цифр. В приложенном списке аккуратно объясняется:

Действующая армия.
Разведчики с проводником-сваном в горах Кавказа.

фиолетовый цвет — это нефтяные промыслы, перегонные и машиностроительные заводы, переходящие в собственность германского государства. Красный цвет — военные учреждения. А цифры? № 1 — Дейчес Кауказишес эрд, эл Акционер Гезельшафт (Акционерное общество «Немецкая нефть на Кавказе»). № 2 — Марине казерне (Морские казармы). № 5 — КригсшULE фюр официре (Военное училище). И все — в таком же роде. И все ясно. В Баку бьют нефтяные фонтаны. В Грозном гонят едва ли не самый лучший в мире бензин. В Грузии — ценный марганец. В Кабарде — молибден. В Осетии — цинк. В Зангезуре — медь. Ну, конечно же, это немецкая земля!

Кавказ привлекал немцев и как ворота на Ближний и Средний Восток, в страны Малой Азии, а затем и в Индию. И немцы уже бывали на Кавказе. Летом 1918 года марионетки из меньшевистского «правительства» Грузии, объятые смертельным страхом перед народом, отдали солнечную землю Шота Руставели на растерзание прусским юнкерам. Немецкие промышленники получили тогда монопольное право эксплуатации природных богатств Грузии, в их руки перешли все запасы сырья, все железнодорожные пути и морские порты. Немецкие колонисты отвечали только перед своим консулом. Одним словом, все, как в африканской колонии.

Да, — немцы уже бывали на Кавказе. Их карательный отряд сжег селение Сарван за то, что его жители в трехчасовой срок не внесли контрибуцию в 150 тысяч рублей. Немецкие солдаты расстреляли каждого десятого крестьянина в селах Белоключинского района. Немецкие летчики в «целях устрашения» разбомбили и сожгли горные села Душетского уезда.

На что невзыскательны и бесстыжи были меньшевистские министры и газетчики, но и их порой охватывала жуть от немецких «порядков».

«От Германии мы ожидали украинского хлеба, открытия судоходства на Черном море, экономических льгот, что вывело бы нас из затруднения. Но надежды на это никто уже не имеет, и обещания, данные в неофициальных интервью, разочаровывают массу. Взамен этого немцы сами забирают хлеб, т. е. поглощают те продукты, которых едва ли хватает на прокормление местного населения» — так жаловался 25 сентября 1918

ЭРТОБА

года один из меньшевистских министров на страницах «правительственной» газеты «Эртоба».

Чуть позднее принужден был пожаловаться на горькую судьбу и сам редактор «Эртоба».

«Наша редакция получает бесчисленные корреспонденции из различных уголков, в особенности из тех районов, где имеются германские колонии. Во всех них единогласно жалуются на грубое обращение германских войск... Недовольство народа вызывается тем обстоятельством, что эти войска вмешиваются во взаимоотношения немцев-колонистов и соседних сел, чинят суд своей силой, громят грузинские, армянские или же татарские села, войско само производит суд и взывает штрафы».¹

Караваны немецких транспортов прибывали в Потю. С них выгружались пехотные и кавалерийские полки, они доставляли в Закавказье осадную артиллерию и самолеты. Людендорф торопил генерала фон Кресса: Германия задыхается, на одной румынской нефти не проживешь!..

Но Баку оставался советским.

Председатель Бакинского Совета С. Шаумян писал Ленину и Сталину:

«Сообщают, что в Тифлис 11-го вечером прибыл третий эшелон германских войск. 8 июня в Потю высадились на трех транспортах германские войска с артиллерией... Настроение в наших войсках бодрое, порядок образцовый, флот будет геройски отстаивать Советскую власть. Настроение у рабочих, несмотря на почти 3-месячный голод, очень повышенное, будут сражаться до последней возможности. «Живыми не сдадимся и немецким хищникам никакой нефти не оставим» — говорят рабочие».²

События развивались вполне закономерно. Вместо похода на Баку, войскам генерала фон Кресса пришлось беспорядочно отходить из Закавказья.

Появлялись немцы на Кавказе и в более позднее время.

Пользуясь русским радушием, кавказским гостеприимством, ежегодно стайки немецких альпинистов — баварцы и тирольцы — слетались в горные районы Кавказа. Они бродили по горам Кабарды и Сванетии, шатались по зеленым улицам Нальчика и фотографировались на Крестовом перевале, пересекали хребет во всех направлениях. Они составили обширные записки и подробные карты, особенно карты ледниковых областей Центрального Кавказа.

В долине Баксана таятся молибденовые руды и есть городок геологов и рудокопов — Торнаус, городок, где дороже всего пара выносливых рабочих рук. Как-то задолго до Отечественной войны туда забрел тихий и изможденный паренек. За кусок хлеба, за трешницу он таскал воду на кухню, колол дрова, чистил отхожие места. Как же можно оставить такого парня без работы?

- Хочешь на рудник?
- Всею душой, да специальности нет.
- Ничего, научишься, не боги горшки обжигают.
- И неграмотен я.
- Обучим, только старайся.

Нанялся парень чернорабочим, через какой-нибудь год стал бригадиром. Начал с азбуки, потом на вечерние технические курсы записался. Им все довольны, и он не нарадуется жизнью, семьей обзавелся. И вот этого-то «тихоню» поймали с поличным в тот момент, когда он передавал очередное донесение немецким «ученым» альпинистам, бодро шагавшим мимо рудника на Эльбрус. «Скромный» паренек оказался матерым шпионом. У себя в Германии он окончил горную академию, считался крупным инженером. На советский Кавказ желторотых юнцов не посылали. Альпинизмом «увлекались» полковники генерального штаба.

¹ «Эртоба», № 204, 1918 г.

² Красный архив, 1938 г., том IV—V, стр. 18.

Почти четверть века в Берлине мечтали о реванше.

«В апреле 1918 года генерал Кресс направился с войсками из Константинополя по Черному морю в Батум, затем из Тифлиса он послал баварские горные отряды на Военно-Грузинскую дорогу, где они держали вахту против большевизма. Когда думаешь, что сегодня в тех местах снова появились немецкие горные войска, чтобы выполнить завещание 1918 года, то следует ясно представить себе логику мировой истории. Теперь осуществляется победа Германии, отсроченная 25 лет назад» — писала «Дейче украине цейтунг» 8 сентября 1942 года.

• • •

К середине августа 1942 года фашистские полчища захватили Кубань, Дон, важнейшие города и железнодорожные узлы Северного Кавказа. Правое крыло немецких войск упиралось в Новороссийск, а левое — в калмыцкие степи. Под угрозой оказалась нефтяная промышленность Грозного и Баку.

Стратегический замысел немецкого командования был ясен: расчленив силы нашего фронта, нарушить взаимодействие армий, отрезать нашу промышленность и войска от кавказской нефти, а если удастся, то и завладеть ею.

Захват нефтепромышленных районов должен был, по планам немцев, обеспечить им дальнейшее успешное ведение войны. Кроме нефти, в Закавказье германский фашизм рассчитывал получить до зарезу нужные ему для ведения войны марганец, медь и легирующие металлы.

Наш Закавказский фронт протянулся от Каспия до Черного моря, от Новороссийска до Батуми. Оборона в предгорьях Кавказа состояла из трех районов боевых действий: восточного — от Каспийского моря до высокогорных перевалов; центрального — в наиболее высокой горной цепи Кавказского хребта и западного — в лесистых предгорьях от Майкопа до Новороссийска.

Центральный район, представлявший наиболее труднопроходимый участок фронта, доступный только хорошо натренированным альпийским войскам, оборонялся небольшими силами. Этот район был связующим звеном между правым и левым флангами фронта, на которых шли ожесточенные, упорные бои.

Войска, оборонявшиеся на правом фланге, получили наименование «Северной группы войск Закавказского фронта», а войска, действовавшие в предгорьях Западного Кавказа, от Новороссийска до Главного хребта — «Черноморской группы войск Закавказского фронта».

В августе противник захватил Минеральные Воды и Пятигорск, оттеснив наши части на рубеж реки Малка. В этом районе Донская оперативная группа генерал-лейтенанта Малиновского отражала атаки численно превосходящего противника. Однако шесть дней спустя нашим частям пришлось отойти за линию Пятигорск — Прохладный, где снова разгорелись бои, которые продолжались до 26 августа. В дальнейшем группа генерала Малиновского (впоследствии на ее базе была создана 37-я армия) вела сдерживающие бои и отражала наступление танков и мотопехоты противника, пытавшегося захватить наши оборонительные рубежи на реке Баксан.

Одновременно с наступлением на Нальчик фашистские войска продолжали наступать на Моздок и Прохладный, стремясь перерезать железную дорогу Кизляр — Астрахань. В итоге с 26 августа на линии Прохладный — Баксан завязались упорные бои, которые длились до 1 сентября 1942 года.

Остановить врага, измотать его в оборонительных боях, выиграть время для сосредоточения резервов, а затем отбросить и разгромить — таков был приказ Родины воинам — защитникам Кавказа. Но для того, чтобы выполнить эту задачу, требовалось в огне боев создать глубоко эше-

лонированную, крепкую оборону. Нужно было в предельно сжатые сроки построить десятки тысяч огневых точек, ходов сообщений и траншей, перебросить тысячи людей, орудий, машин и боеприпасов.

Надо сказать, что кавказский театр военных действий к началу боев не был и не мог быть в достаточной степени оборудован оборонительными сооружениями. Здесь имелись только устаревшие и очень немногочисленные дзоты. И вот на тысячекилометровом фронте закипела тяжелая, нечеловечески напряженная работа. По зову Коммунистической партии множество людей вышло на строительство оборонительных сооружений. Люди шли отовсюду: из городов, из колхозов; шли рабочие, свободные от очередной смены, студенты, учащиеся, домохозяйки, дворники, сторожа, актеры, инженеры, учителя, садоводы, пастухи... Работа, как говорится в народе, кипела и не прекращалась ни на одну минуту. Под вражеской бомбежкой люди возводили укрепления севернее Туапсе; строили каменные барьеры на дорогах и тропах высокогорных перевалов; корчевали и подпиливали вековые деревья, готовя завалы в лесистых предгорьях; буравили гранитные скалы и закладывали тол на Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогах; по колено в воде рыли окопы на берегах Уруха и Терека; мерзли по ночам на ледниках Чипер-Азау, долбя пулеметные гнезда, и изнывали от жары, копая противотанковые рвы и траншеи в широких Дербентских воротах. Огромную армию рабочих нужно было снабдить инструментами, а их не хватало, не было и транспорта для переброски этой массы людей с одного участка на другой, зачастую не было ни взрывчатки для подрыва скал, ни колючей проволоки, ни ежей для противотанковых заграждений. Но слова «нет», «не хватает» положения не спасали, — все это надо было достать, добыть хотя бы из-под земли. И добыли! Лопаты собрали у населения; на заводах, машинно-тракторных станциях и в колхозных кузницах днем и ночью выковывали кирки, ломы, кайла; из старых рельс сваривали противотанковые ежи.

Всю эту гигантскую работу организовала и вдохновила Коммунистическая партия. Республики Закавказья, Дагестан и Осетия были объединены в дружный, по-фронтовому дисциплинированный, боевой лагерь. Коммунисты мобилизовали все ресурсы для организации обороны. Они недосыпали ночей, разъезжали по самым опасным и трудным оборонительным участкам Кавказа, поднимали людей на работы, вникали во все мелочи, помогали, советовали, являясь подлинной душой обороны Кавказа. В эти трудные, тревожные дни Коммунистическая партия подготовила Кавказ к стойкой обороне, к суровой и тяжелой битве.

Инженерное оборудование кавказского театра военных действий было закончено в течение нескольких недель. Люди работали до изнеможения, тряпками обматывали кровавые мозоли на руках, оставались без пищи и сна по нескольку суток, выдерживали массированные бомбежки врага, по ночам работали при луне.

Назову несколько цифр, показывающих поистине титанический труд, массовый героизм, доблесть и благородный патриотизм всего населения Кавказа. Ранней осенью на Кавказе было построено около ста тысяч оборонительных сооружений, из них — свыше семидесяти тысяч огневых точек. Противотанковых рвов было вырыто шестьсот шестьдесят километров, противопехотных препятствий — триста шестнадцать, а ходов сообщений и траншей — тысяча шестьсот тридцать девять километров. Для выполнения всей этой работы потребовалось девять миллионов сто пятьдесят тысяч человеко-дней, около пятисот тысяч кубометров леса, девятнадцать тысяч тонн цемента, четырнадцать тысяч тонн железа, восемьсот тридцать тонн колючей проволоки.

Итак, перед войсками Закавказского фронта в августе 1942 года стояла трудная и в высшей степени ответственная задача: во что бы то ни стало остановить тридцать отборных дивизий Клейста, его огромную танковую армию, его альпийские войска. Задача эта была трудной потому, что войска наши были сравнительно малочисленны, а территория, которую они прикрывали, — огромна. Но каждый из нас понимал в те гроз-

ные дни, что от решения этой задачи зависит не только судьба Кавказа, но и во многом судьба всей нашей Отчизны.

В августе 1942 года группа генерала Малиновского и передовые отряды Закавказского фронта вели в районе Минеральных Вод ожесточенные бои с численно превосходящим противником. Неся большие потери, враг неудержимо рвался к Грозному и, бросая в бой все больше и больше танков и мотопехоты, продолжал продвигаться вперед.

16 августа наши части под давлением превосходящих сил отошли на Пятигорск, но 18 числа здесь снова разгорелись бои, продолжавшиеся целую неделю. Наши войска, отбивая ожесточенные атаки противника, нанесли ему тяжелые потери. В это же время фашистские войска усилили нажим и на Прохладный, а отряд генерала Тимофеева при поддержке бронепоездов отбивал атаки немцев в районе Моздока.

Первого сентября бронетанковые и пехотные части противника начали продвигаться в направлении на Кизляр с целью перехвата железной дороги Кизляр—Астрахань. Готовился враг и к форсированию Терека. На линии станица Ищерская—Моздок—Прохладный и далее по реке Баксан образовался фронт. Ожесточенные бои развернулись на высокогорных перевалах Главного Кавказского хребта.

Защитники Кавказа преградили путь врагу.

Четыре месяца Совинформбюро сообщало стране и всему миру об ожесточенных боях под Моздоком, Нальчиком, а затем юго-восточнее Новороссийска и севернее Туапсе.

В штабе Закавказского фронта в эти дни шла напряженная работа. Раздавались телефонные звонки. Бесперебойно работали радиостанции и телеграф. Ежечасно сообщались сводки о сосредоточении и формировании войск, о прибытии эшелонов с оружием и боеприпасами, о готовности обороны второй и третьей очереди. Радио, телеграф и самолеты непрерывно доставляли донесения о боевых действиях передовых отрядов, которые прикрывали основные силы фронта и от стойкости которых зависела готовность обороны, сосредоточение и формирование войск. Эти отряды своими боевыми действиями сделали большое дело. Они приостановили стремительное наступление противника и нанесли ему значительные потери.

Основной рубеж обороны Кавказа, план которой был разработан в штабе Закавказского фронта, проходил по линии реки Терек.

Район Кизляра, начиная от Бирюч Косы—Каспийского моря, вплоть до станции Червленая, мы заболотили на сто километров по фронту и до 10 километров в глубину и сделали его непроходимым для врага с северной стороны. Одновременно с основным рубежом готовились особые оборонительные районы: Махачкала, Орджоникидзе, Грозный, а также ряд промежуточных оборонительных рубежей, что должно было обеспечить нам прочную и глубокую противотанковую оборону на правом крыле фронта. Крестовый перевал был занят курсантами стрелковых курсов; Мамисонский, лежащий на Военно-Осетинской дороге, оборонялся стрелковым батальоном. Все остальные перевалы Главного Кавказского хребта, до меридиана Туапсе, оборонялись малочисленными, ослабленными частями 46-й армии. Этими же войсками обеспечивалась и оборона Черноморского побережья.

Большое внимание было обращено на оборону перевалов (Клухорского, Марухского и других), так как через Главный Кавказский хребет пролегало наикратчайшее операционное направление, которое выводило врага в Закавказье.

Для укрепления обороны перевалов спешно организовывались горные отряды. Отбирались и подготавливались люди. Партийные и советские организации республик мобилизовали горный транспорт и организовали пошивку специального обмундирования.

Встречая повсюду упорное сопротивление наших войск, враг метался из стороны в сторону. Он бросал свои главные силы то на грозненское, то на орджоникидзевское, то на туапсинское направления. Одновременно

но он пытался через Главный Кавказский хребет проникнуть в Грузию. Однако все его попытки разбивались о стойкость и мужество оборонявшихся Кавказ советских войск.

В одном из разгромленных немецких штабов был найден альбом с фотоснимками наших укреплений обороны Кавказа. Он доказывал, что разведка у немцев работала неплохо. Но это был, пожалуй, единственный случай, когда хорошая работа разведки сослужила плохую службу тем, на кого она работала. Узнав правду о советских укреплениях в системе обороны Кавказа, немцы долго не решались на свое генеральное наступление, а когда решились ударить в обход на Нальчик и на Орджоникидзе, было уже поздно. 7 сентября в районе Моздока наши войска внезапным ударом разгромили штаб немецкой части, уничтожили артиллерийскую батарею и 23 танка. А на следующий день, когда противник, под прикрытием артиллерии и авиации, предпринял переправу через Терек и начал наступать на Малгобек, наши гвардейцы вновь нанесли ему большой урон. За пять дней боев на этом участке было уничтожено 90 танков, 20 орудий и более двух тысяч немецких солдат и офицеров.

Захваченные в плен солдаты и офицеры 370-й немецкой пехотной дивизии сообщали, что их дивизия разгромлена в боях на Тереке. Многие ее батальоны уничтожены полностью. В уцелевших ротах осталось по 10—12 человек. А берлинское радио, пытаясь оправдать эти многочисленные потери, передавало: «Германия значительно улучшила свое экономическое положение, главным образом, за счет Кавказа. Мы получаем теперь тридцать процентов нефти с Кавказа».

В районе Моздока немцы продолжали нести огромные потери. Только снайперы одной нашей дивизии в сентябре 1942 года истребили свыше 1000 гитлеровцев. А сколько уничтожили в Моздоке наши ночные самолеты-бомбардировщики! Пленные немцы давали такие показания о действиях наших ПО-2: «Каждую ночь мы ожидаем появления советских бомбардировщиков. Зенитная артиллерия бороться с ними не в состоянии. Они бесшумно прилетают то с одного, то с другого направления и начинают бомбить. Вот уже целый месяц мы по ночам не спим. Потери от бомбежки несем очень большие».

Уже 9 сентября главная ставка Гитлера вынуждена была сообщить о заминке на Тереке: «У Терека советские войска пытаются остановить продвижение немецкой армии в направлении Грозного. Река Терек в районе боевых действий имеет 500 метров ширины и 2 метра глубины. Быстрота течения этой реки и заболоченные берега делают ее весьма серьезным препятствием, для преодоления которого требуется некоторый промежуток времени».

Но никакой «промежуток времени» не мог помочь немцам на Тереке. Их танковое наступление, встретив ожесточенный отпор советских войск, захлебнулось и, постепенно теряя силу и темп, стало распадаться на изолированные очаги.

Боевые действия в районе Черноморской группы войск проходили не менее ожесточенно, чем на реке Терек. В первой половине августа немцы захватили Краснодар, Майкоп, а после многодневных боев враг в сентябре захватил и Новороссийск. Таким образом Черноморская группа войск оказалась прижатой к морю и заняла оборону в лесистых предгорьях.

Демонстрируя большое наступление на левом фланге, немецко-фашистские войска начали активные боевые действия в районе станицы Абинской, в то же время готовя основной удар на Туапсе. Это была хитро задуманная операция. Немцы мечтали захватить Туапсе и, отрезав войска Черноморской группы на суше, сбросить их в море. Одновременно они лелеяли мечту — парализовать действия Черноморского флота.

В конце сентября советские войска наголову разгромили немецко-румынскую группировку в районе Абинской и начали упорные оборонительные бои по всему фронту, особенно стойко защищая подступы к Туапсе.

Вот что говорят об этих боях сами фашисты — участники «кавказского похода»:

«Мы находимся в дремучих лесах Кавказа, — писал в письме до мой обер-фельдфебель Шустер, — селений здесь очень мало. У города Туапсе идут тяжелые бои, драться приходится за каждый метр. Солдаты, которые были в России в прошлом году, говорят, что тогда было намного легче, чем теперь на Кавказе. Почти постоянно мы находимся в ближнем бою с противником. Вокруг ужасный грохот, со всех концов леса летят камни, свистят пули. Русские стрелки невидимы. А у нас потери и снова потери, ибо в горах мы лишены танков и тяжелого вооружения и вынуждены действовать винтовкой и пулеметом. Наши летчики хоть и помогают нам, но они ничего не видят в лесистых горах. Нас изнуряет жажда на этой отверженной богом высоте. Внизу, в долине, воды сколько угодно, но — увы! — там сидят русские, озлобленные и упрямые».

На центральном участке Закавказского фронта положение было не легким. Прекрасно вооруженные альпийские отряды немцев заняли перевалы — Клухорский, Санчаро, Марухский и кое-где прорвались на их южные скаты. В районе Эльбруса части немецкой дивизии «Эдельвейс» захватили Приют Одиннадцати, Чипер-Азау, Хотью-Тау. Создалась угроза прорыва противника к морю через высокогорные перевалы, так как центральный участок был прикрыт очень небольшими силами.

Захват врагом перевалов Главного Кавказского хребта осложнил положение на нашем фронте.

Следует сказать, что в этом была немалая доля и нашей вины — штаба Закавказского фронта, ошибочно решившего, что перевалы недоступны для войск противника. Вдобавок к этому некоторые командиры считали главной задачей войск фронта оборону Черноморского побережья, где были развернуты основные силы 46-й армии. К моему указанию укрепить оборону Главного Кавказского хребта они отнеслись формально, направив на перевалы небольшие, недостаточно обеспеченные и не имеющие опыта горной войны отряды.

По указанию Ставки мы разработали новый план обороны перевалов Главного Кавказского хребта: оборона разбивалась на направления, во главе которых стали ответственные командиры и штабы.

В течение нескольких недель был создан решительный перелом. Этому способствовали перегруппировка войск, усиление прикрытий важнейших направлений, формирование специальных высокогорных отрядов; была налажена временно прерванная связь между изолированными районами боевых действий, нормальное снабжение войск боеприпасами, продовольствием и высокогорным обмундированием. Благодаря этим мерам, наши отряды вскоре отбросили немцев на север.

Горные перевалы центрального хребта стали недоступными для врага. Здесь шли бои за отдельные тропы, высоты, ущелья! Эти, казалось бы малозначительные, бои изобиловали множеством эпизодов, раскрывающих мужество и героизм наших солдат и офицеров.

БИТВА НА ТЕРЕКЕ И БАКСАНЕ

Захватив Ростов и подойдя к Сталинграду, гитлеровцы отрезали Кавказ от центральной части страны. Сухопутное сообщение по правому берегу Волги было прервано. Море от Астрахани до Махачкалы находилось под ударами вражеской авиации. Однако Кавказ жил одной жизнью со всей Советской страной и повседневно ощущал ее помощь. На Кавказский берег Каспия высаживалось пополнение — овеянные славой гвардейские бригады, выгружались боевая техника, боеприпасы и другое военное имущество.

План обороны Кавказа, естественно, не был рассчитан только на использование резервов с других фронтов. Ставка Верховного Главного Командования учитывала расчеты Гитлера на то, что в результате пере-

броски резервов на Кавказ советские войска будут ослаблены на центральном — Московском направлении. Поэтому перед нашим фронтом была поставлена задача малыми силами сковать немецкие полчища у предгорий Кавказа, а затем во взаимодействии с другими фронтами разгромить врага.

На войне вновь прибывших не спрашивают: сколько вас? Первым задают вопрос: в каких боях были, чем знамениты?

Прибывшие из-за Каспия солдаты могли гордо отвечать, что свое боевое крещение они приняли под Москвой, Смоленском и Тулой. Победа под Москвой принесла им звание гвардейцев.

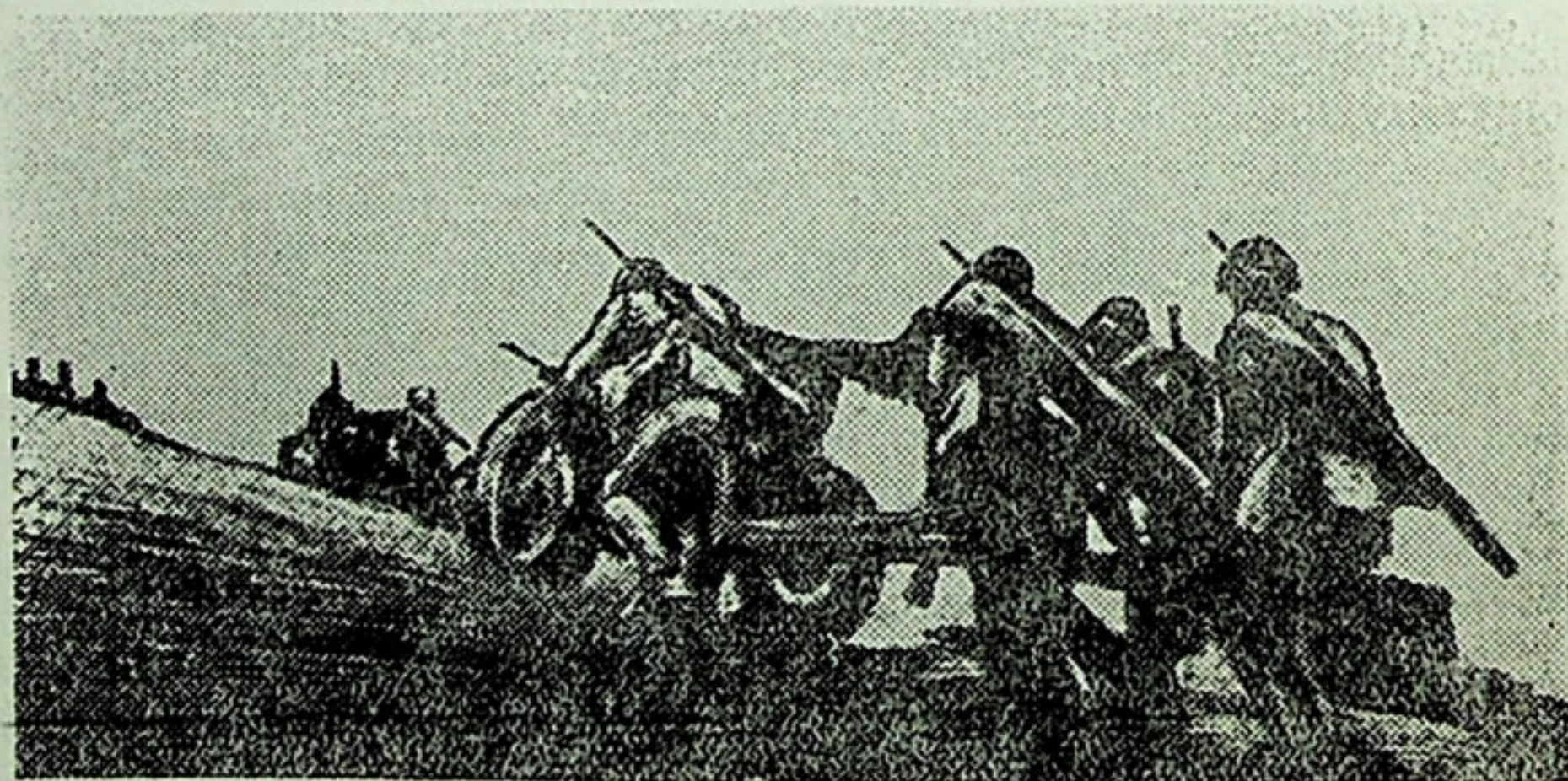
Гвардейские соединения стали школой боевого мастерства, цементом, скреплявшим войска Закавказского фронта. Эти испытанные в боях части своей стойкостью и опытом показывали пример молодым, только что сформированным соединениям и делали оборону прочной и устойчивой.

А между тем генерал Клейст назначил на 20 августа 1942 года парад своим танковым дивизиям в городе Грозном. Многие из нас давно знали слабость Клейста — авансом назначать парады в городах, хотя и в прифронтовых, но отнюдь им не занятых. Еще в первые дни войны войска Южного фронта не раз срывали подобные планы этого генерала даже при численном превосходстве его войск.

Что же ждет Клейста на берегах Терека сейчас, когда оснащение Советской Армии не уступает немецкому, когда боевое мастерство советских солдат и офицеров неизмеримо возросло?

В сердцах советских воинов все более и более крепла уверенность в неизбежности разгрома немецко-фашистских войск на Кавказе в самое ближайшее время. Стрелковые дивизии, кромсавшие войска Клейста еще на Украине, и молодые кавказские дивизии, пока только мечтавшие о ратных подвигах, стойко и мужественно встретили немецкие танки. Основной удар наших частей пришелся на 23-ю танковую дивизию фон Макка. Этот генерал трижды подавал рапорт своему фюреру, доказывая, что никто лучше него, фон Макка, не справится с захватом Баку и походом на Иран, чтобы впоследствии соединиться с войсками генерала Роммеля, наступавшими через Египет на Суэц. И вот новоявленный Мальбрук с 250 танками прибыл из окрестностей Парижа на Кавказ. Однако его «поход» закончился неожиданным конфузом.

Шесть дней танки, бронеавтомобили и пехота фон Макка метались по берегу Баксана, тщетно пытаясь найти слабое место в обороне войск Закавказского фронта. Свыше ста танков расстреляли и подожгли наши артиллеристы-бронебойщики. К вечеру седьмого дня решительной атакой гвардейцев немцы были оттеснены далеко за реку Баксан. В 126-м и.

Истребительная противотанковая часть занимает исходные позиции в предгорьях Кавказа.

128-м мотополках 23-й танковой дивизии потери убитыми и ранеными составили свыше шестидесяти процентов.

Клейст обрушился на фон Макка. Последний бросился чинить суд и расправу в своих побитых полках.

Едва он появился на командном пункте, в станице Ново-Ивановской, как заработала наша артиллерия. Эхо залпов катилось по окрестностям гор. В блиндаж вбежал бледный, с трясущейся челюстью начальник штаба граф Гаген.

— Советская артиллерия...

Граф не успел закончить свой торопливый доклад. Что такое советская артиллерия, фон Макк почувствовал в то же мгновение на собственной шкуре. Советский снаряд угодил прямо в блиндаж. От фон Макка, полковника Мюллера, майора Унгерна, графа Гагена и трех командиров рот осталось только мокрое место...

* * *

Войска Северо-Кавказского фронта под натиском противника отходили к предгорьям Главного Кавказского хребта. На помощь им из Закавказья выдвигались части нашего фронта, которые, наряду с организацией обороны в предгорьях, имели задачу, вместе с отошедшими войсками остановить наступление противника и в конечном итоге разбить немецко-фашистские силы на Кавказе.

Началась продолжавшаяся несколько месяцев ожесточенная и упорная битва за Кавказ. Особенно серьезные бои развернулись на главных направлениях: орджоникидзевско-грозненском, новороссийско-туапсинском и на перевалах Главного Кавказского хребта.

Характерной особенностью битвы за Кавказ является то, что она разыгралась на весьма большом пространстве. Закавказский фронт протянулся от Каспийского до Черного моря, а боевые действия начались одновременно на всех основных операционных направлениях.

Перед началом наступления на Кавказ гитлеровское командование потребовало от турецкого правительства сосредоточения турецких войск на советской границе, на что турецкое правительство через начальника своего генерального штаба генерала Али Фуод Бакшами дало согласие. Такое положение на турецкой границе в тылу Закавказского фронта вынуждало командование фронта держать там значительные силы.

Большая протяженность фронта затрудняла перегруппировку войск для усиления того или иного операционного направления при кризисных положениях, которые, к сожалению, нередко возникали в период битвы за Кавказ.

Ожесточенные бои на рубеже Терек—Баксан начались в первых числах сентября. Им предшествовали арьергардные бои войск Северо-Кавказского фронта, которые отходили на путях главных операционных направлений наступления противника. На орджоникидзевско-грозненском направлении отходила группа войск генерала Малиновского, которая в районе Минеральных Вод неоднократно контратаковала противника и нанесла ему большие потери. Во второй половине августа она отошла в район Пятигорск—Прохладный, где снова контратаковала наступающие немецко-фашистские части, пытавшиеся с хода овладеть оборонительным районом на реке Баксан. После реорганизации этой группы в армейское соединение она заняла оборону на Баксане.

Одновременно с боевыми действиями группы Малиновского на переднем крае обороны по Тереку действовали передовые отряды войск Закавказского фронта под командованием генерала Тимофеева. Эти отряды были выдвинуты в район Буденновска, на рубеж реки Кума и на протяжении трех недель упорно вели бои с авангардными частями противника.

Много успешных воздушных боев провела наша 4-я воздушная армия. Имея в своем составе 160 самолетов, она прикрывала боевые дей-

ствия наших войск на переднем крае и наносила удары по наступающим колоннам противника. За двадцать дней боевой работы 4-я воздушная армия совершила свыше шести тысяч дневных и около двух тысяч ночных самолетовылетов.

Особенно мне запомнились героические действия ночного бомбардировочного авиаполка, командиром которого была сначала Герой Советского Союза М. Раскова, а затем — Бершанская. Полк этот был укомплектован самолетами ПО-2.

Первое время, знакомясь с личным составом авиации фронта, я, признаться, придавал мало значения этому полку. Однако вскоре мне пришлось изменить о нем свое мнение. Первые же боевые вылеты бомбардировочного полка ПО-2 показали, что эти самолеты незаменимы для ночной бомбардировки. ПО-2 парили в ночной тьме, сбрасывая свой смертоносный груз на немецких оккупантов, не давая им покоя, уничтожая десятки и сотни вражеских солдат. Наши бойцы восхищались удачью и бесстрашием советских летчиц.

Помню, однажды солдаты спросили меня:

— Скажите, товарищ генерал, большой ущерб наносят немцам наши «кукурузники»?

— Как вам сказать? У противника я не был, но по показаниям пленных можно судить, что немцы несут большие потери, — ответил я бойцам, и, не ручаясь за точность изложения, привел на память слова одного пленного обер-ефрейтора о наших ночных бомбардировщиках: «Мы, как суслики в норах, лежим в убежищах и высунуться на свет божий не можем, а когда выходим из убежищ, несем потери и опять потери».

* * *

Подводя итог боевых действий на реках Терек и Баксан, следует отметить их большое значение в битве за Кавказ. В этих боях противнику были нанесены большие потери, и темп его наступления значительно снизился. Северная группа войск Закавказского фронта еще больше укрепила оперативную глубину своей обороны, своевременно сосредоточила войска, крепко прикрыла Грозненские нефтяные источники, города Орджоникидзе, Грозный, а этим самым и Баку, который немецко-фашистское командование намечало захватить двадцать пятого сентября.

Однако, несмотря на некоторое замедление темпов вражеского наступления, наше положение в сентябре было более опасным, чем в августе. Битва за Сталинград достигла в эти дни величайшего напряжения, а на Кавказе начались самые ожесточенные бои по всему фронту, особенно кровопролитные — на терском рубеже, под Туапсе и на перевалах Главного Кавказского хребта.

В передовой статье от 20 сентября 1942 года «Правда» писала:

«На полях сражения в районе Сталинграда, в предгорьях Кавказа идут невиданные по своим масштабам и ожесточенности бои. Над советской Родиной нависла серьезнейшая опасность. Враг захватил важные районы нашей страны. Он хочет лишить нас хлеба, нефти. Он поставил перед собой задачу — отрезать от нашей страны Советский Юг...»

Такую же оценку положения мы находим и в передовой статье газеты «Красная Звезда» от 26 сентября 1942 года:

«Три месяца идут ожесточенные бои на юге нашей Родины. Сюда — к Сталинграду и Северному Кавказу — приковано сейчас внимание всей советской страны, всего мира. Здесь завязался важнейший узел событий второго года Отечественной войны. От исхода боев на Юге зависит судьба отечества, свобода и жизнь миллионов советских людей.

На защитниках Советского Юга лежит сейчас важнейшая ответственность за исход летней кампании 1942 года, за судьбу советского государства. Их ответственность можно сравнить лишь с ответственностью защитников Москвы осенью 1941 года...»

Во второй половине августа на Тереке враг начал ожесточенные танковые атаки. Это были дни, когда сводки Совинформбюро упоминали о тяжелых боях в районе Моздока, о сражениях «на одном водном рубеже», о десятках немецких танков, уничтоженных нашими артиллеристами и бронбойщиками.

Фашисты бросали в бой большие группы танков с десантами автоматчиков, но всюду их встречало яростное сопротивление наших бойцов. В садах, на кукурузных полях, на заболоченных берегах Терека — всюду, куда бросался враг, оставались его сожженные танки, подбитые пушки, сотни убитых. Правда, кое-где немцы переправились на южный берег Терека, но продвинуться дальше им не удалось.

Характерны в этом отношении два немецких документа, рисующие обстановку на Тереке в первые дни боев. Один из этих документов — корреспонденция военной газеты Клейста «Панцер форан» — предназначен для широких солдатских кругов и поэтому отличается оптимизмом, второй — секретная штабная бумага 13-й танковой дивизии — в оценке положения более осторожен и сдержан.

«Мы стоим у Терека, берущего начало в Кавказских горах, — писала «Панцер форан» 19 августа, — а за Тереком расстилается широкая равнина. Месяц резко освещает реку. Ничто не колышется, только журчанье воды нарушает полночную тишину. Начинаются подготовительные работы по наведению моста. Инженерные войска подтягивают понтонное оборудование. Пехота готова. Между тем луна скрывается, тихо накрапывает дождь. Первые лодки отталкиваются от берега и бесшумно исчезают в темноте. Прошло несколько минут. Вдруг со стороны противника раздаются первые выстрелы. Им отвечают сотни наших орудий. Над терской долиной бушует адский грохот. Две роты советской пехоты отчаянно защищаются на речном островке. Весь огонь наших пушек направлен на этот островок, охваченный пламенем, но все еще сопротивляющийся».

Автор второго документа, подполковник генерального штаба Кремер, не столь «художественно», но гораздо более определенно извещает 27 августа командование 13-й танковой дивизии:

«Противник заново сформировал отброшенные назад соединения и подтянул свежие силы. Необходимо учесть, что противник упорно обороняет реку Терек и ведет непрерывные контратаки, имеющие целью охранение нефтяных районов Грозный — Баку. Несмотря на превосходство нашей авиации и удобную для танков местность, не следует забывать, что советское командование располагает в Закавказье большими резервами, которые еще не введены в бой, и что город Грозный, объект нашего удара, имеет тройное кольцо укреплений...»

Надежда немецкого командования на то, что танковая армия Клейста молниеносным ударом захватит Грозный и ринется на Баку, рухнула в первые же недели терских боев. Вместо быстрого продвижения, армия Клейста уперлась в терский оборонительный рубеж и втянулась в яростные кровопролитные бои. Так началась битва на правом фланге огромного Закавказского фронта.

В ночь с 1 на 2 сентября противник начал переправу на южный берег Терека.

• • •

Где-то среди вершин Кавказского хребта берет свое начало Терек. Извилистым ручейком низвергается он вниз, сплетается с другими потоками и уже бурной рекой врывается в теснину Дарьяла. Сжатый голыми скалами, он неистово бьется о каменное русло, беснуется, волочит гранитные глыбы, и, наконец, вырвавшись из него, укрощенный, растекается по долине и лениво отдает свои воды Каспию.

Среди зелени садов и виноградников разросся казачий город

Моздок. Вокруг него белеют хутора, совхозы, тянутся пшеничные массивы, хлопковые плантации, бахчи. Чуть подалее, за гребнем Терского хребта нефтяные вышки Малгобека, ближняя дорога на Грозный.

Здесь проходило одно из главных действий битвы за Кавказ. Чтобы мощным таранным ударом сразу прорвать нашу оборону, Клейст бросил сюда три танковые и четыре пехотные дивизии, полтора десятка отдельных батальонов. Впереди других двигалась 23-я танковая дивизия. На каждом ее танке красовался герб города Берлина — лев на желтом фоне. Точно так же, как и в 13-й танковой дивизии, их экипажи комплектовались исключительно активистами союза гитлеровской молодежи. К цветку немецкой армии принадлежала и дивизия СС «Викинг». Она появлялась на советско-германском фронте время от времени, в периоды больших наступлений. Она имела три моторизованных полка, несколько дивизионов полевой, зенитной и противотанковой артиллерии, около 150 танков усиления. Но излюбленный прием немцев — прорвать, расчленить и погнать — желанных результатов уже не давал.

На третьи сутки вражеские танки и мотопехота все еще штурмовали предместные укрепления. В первом эшелоне в атаку устремились до 60—80 танков, приданных пехотным полкам, но по-прежнему безуспешно. В оперативном донесении штаба Северной группы войск за 4 сентября говорилось, что отдельные группы танков и пехоты противника находятся в 8 километрах севернее Вознесенской. В результате 36-часового яростного боя немцы продвинулись всего на один километр.

Обескураженный немецкий генерал, командовавший танковой дивизией, взывал к своим берлинцам: «Я не верю, чтобы танки, носящие герб германской столицы, не могли взять какую-то русскую деревню Вознесенская, до которой осталось всего семь километров».

Надо сказать, что эти семь километров немцы так никогда и не преодолели. Русская деревня Вознесенская оказалась не по зубам захватчикам из фашистской столицы.

Наши части проявляли в этих оборонительных боях большую выдержку. Они подпускали наступающие немецкие войска к своим позициям, а потом с близких дистанций обрушивали на них огонь артиллерии, противотанковых ружей, гвардейских минометов — «катюш». А с неба в это время пикировали на врага наши бомбардировщики. С наблюдательного пункта был виден только высокий, плотный столб дыма и желтые языки пламени. Берлинские танки горели...

С Вознесенской на станицу Терскую и на хутор Предместный контрудар наносили наши стрелковые и танковые бригады, только что сформированные в Баку. Танкисты в своих комбинезонах выглядели мешковатыми, но сколько в них было мужества и отваги, какое геройство проявили они в этом бою!

Один из них — Владимир Петров назвал свой танк «Александр Невский». В этом имени он видел символ русской боевой славы.

Четыре танка под общей командой Петрова стояли в засаде. Впереди километра на полтора расстилалась ровная степь. Местами были разбросаны стога. Слева — казачий хутор. Часам к семи из хутора показались около сорока немецких танков. За ними трусил рысцой батальон автоматчиков.

Танки Петрова оставались на месте. Расстояние все более сокращалось. 200 метров, 150, 140. Пора! Петров красной ракетой подал сигнал. И в тот же миг ударили четыре танковые пушки. Среди гитлеровцев началось замешательство. Наших танков они не видели, откуда летели снаряды — не понимали. Еще несколько залпов — и командирский танк Петрова ринулся вперед — в контратаку. За ним пошли другие машины. Они врезались в боевые порядки врага и заставили его повернуть назад.

В этом бою были ранены Петров, механик-водитель Соколов и радист Полигалин. Но никто из них не покинул поле боя. На завтра об этом узнал командир бригады подполковник Филиппов. Он отдал строжай-

ший приказ: всем троим без промедления отправиться в госпиталь. Но через день Петров снова появился в бригаде и, как ни в чем не бывало, стал командовать ротой.

Его увидел Филиппов.

— Почему вернулись?

— А мне в госпитале делать нечего.

— Осколок извлекли?

— Да не время сейчас этим заниматься.

Подполковник попытался изобразить на своем лице гнев, но Петров спокойно заметил:

— Товарищ командир бригады, кто же не знает, что у вас самого два осколка в спине... После победы вместе в госпиталь ляжем, а сейчас разрешите вести танк в атаку!

— Ведите, — с улыбкой проговорил подполковник...

Немцы приутихли и местами отошли. Слишком велики были их потери в танках и в людях. «В нашей роте осталось не более 25 человек и ни одного офицера», — показал пленный обер-ефрейтор 9-й роты 50-го ганноверского полка Гейнц Лемен. То же засвидетельствовал и другой военнопленный — командир 10-й роты 70-го полка обер-лейтенант Вернер Остхоф: «Штатный состав роты 200 человек. Сейчас рота имеет 48, из них боевого состава — 33 человека. После сентябрьских боев на Тереке такое положение почти во всех ротах».

Продолжение следует

Илья Мухадзе

Перед второй жизнью...

«Веровать в бога не трудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте!».

А. ЧЕХОВ.

Рис. Дж. Лолуа.

Из далеких колоний строгого режима на свободу вышли Лида Оганева,* Эдишер Церадзе, Размик Марикян. Ровесники — все 1933 года рождения. Все с многолетним уголовным прошлым, и с не высказанным еще никому стремлением покончить с ним.

Преступлений и приговоров суда накопилось у них не по возрасту много. Церадзе был осужден на пятнадцать лет. Марикян имел три «срока». Оганева — четыре. Полностью наказания никто ни разу не отбыл.

Итак, они вышли на свободу. Дальше каждый действовал по-разному, пытался, как умел, разобраться в самом себе и в окружающей жизни...

Я иду в Тбилисский университет к студенту третьего курса Эдишеру Церадзе. Иду в пересыльную тюрьму, где в ожидании нового приговора народного суда находится Размик Марикян. Долго брожу по Рустави в поисках Лиды Оганевой...

Победа, поражение, перепутье... Во всех случаях жизнь властно засвидетельствовала, что она бесконечно сложна и бесконечно многообразна. Ее никак нельзя затиснуть в инструкции и правила.

От правды жизни и гуманизма, ос-

нованного на равенстве всех людей, одинаково далеки и те, кто, отказывая в приеме на работу человеку, освобожденному из заключения, бездумно пришептывают: «Черного кобеля не отмоешь добела; уж кто родился преступником, тот и умрет в тюрьме»; и те, кто лицемерно окружают ореолом «романтики», задабривают пряниками опасных рецидивистов, вовсе не испытывающих потребности жить иначе, чем они живут.

Жестокость и всепрощение, при всем различии, несомненно, сотканы из одной и той же ткани — из равнодушия. И ничего общего с гуманизмом, с законом человечности они не имеют.

1. Человек вернулся в жизнь

Сначала Эдишер потерял отца. Он погиб на фронте. Потом ушла мать, создавшая новую семью. С легким сердцем отдала она ему — пятнадцатилетнему! — изолированную комнату в глубине двора на тихой зеленой улочке. При редких случайных встречах щедро одаривала деньгами — купи, что захочешь. Мать зна-

* Имена и фамилии в некоторых случаях автором изменены.

ла — на жизнь Эдишеру вполне хватало пенсии за отца...

Комната с отдельным входом, лишние деньги, неограниченная свобода в большом городе, да еще в первые послевоенные годы, — все сделано для того, чтобы подросток сбился с пути.

...Как-то Эдишера остановил мужчина в военной форме. Погон у него не было, но две нашивки за ранение вполне заменили их в глазах подростка. Незнакомец попросил: сдай мне, парень, половину комнаты. Мне говорили, ты сын погибшего солдата, живешь один. У меня война тоже отняла всех родных, никого не осталось. Сам только из госпиталя вышел — раны залечивал... Давай руку, будем друзьями!

Комнату разделили фанерной перегородкой. Зажили вдвоем, затем втроем — квартирант «женился». Возвращаясь из школы, Эдишер заставал дома шумную пьяную компанию. Мнимый инвалид войны и его дама, покидавшие комнату только в ночные часы, пили с дружками, резались в карты. Страсти особенно разгорались за игрой в зари. Ставкой служило все...

Эдишер, вначале пытавшийся протестовать против превращения его комнаты в воровской притон и за ропот не раз жестоко избитый, смирился. А смирившись, все больше превращался в профессионального преступника. Единственное, что еще связывало его с добрым прошлым, это — школа. Хоть и не каждый день, Эдишер все же ходил на уроки. Способностей хватало для того, чтобы сдать экзамены, перейти в следующий класс.

Первое преступление, совершенное Церадзе, осталось, на его беду, нераскрытым. Сошло и второе, более дерзкое. Чувство тревоги за свою безопасность уступало место чувству превосходства над сверстниками, презрения к ним. Наплевать на все и на всех...

Как ни вьется веревочка, конец приходит. Вооруженное нападение на большой магазин закончилось арестом. Главари банды потребовали, чтобы Эдишер Церадзе взял всю вину на себя. Эдишер быстро получил возможность убедиться, что все легенды о своеобразном благородстве и кодексе морали преступного мира — несусветный вздор. Высший закон

уголовников — тупое, безграничное подчинение силе главарей.

В тюремной камере Эдишер встретил свое совершеннолетие. Наконец, суд. Церадзе сдержанно признал свою вину, но тут же добавил, что, якобы, никого из рецидивистов не опознал.

Исправительно-трудовая колония на Северном Урале. Хочешь — работай, изучай какое-нибудь ремесло, не жалеешь — изнывай от безделья. Без хлеба и горячей пищи все равно не оставят. Но без производительного труда не может возродиться человек. Окончание срока заключения далеко не всегда означает возвращение к человеческому существованию.

За человека — за его душу и достоинство — идет в тюрьмах, в исправительных колониях постоянная, порой незримая и очень многообразная борьба. Одно из двух — или на свободу, в общество вернется обновленный, исправившийся человек, или — ожесточившийся ненавистник труда, еще более опасный преступник, чем прежде.

Раз борьба, то, стало быть, кроме радости победы, приходится испытывать и горечь неудач. А не лучше ли — проще и надежнее — усилить наказание? Создавать для преступников режим, где бы все было средством кары, возмездия, мести?!

«...История и такая наука, как статистика, с исчерпывающей очевидностью доказывают, — писал К. Маркс, — что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утратить наказанием». Марксу принадлежит и совет — даже в правонарушителе нужно видеть человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца.

В книге «Лицом к лицу с Америкой», рассказывающей о поездке Н. С. Хрущева в США, есть такое место:

«Вдруг коммодор Кларк обращает внимание Никиты Сергеевича на небольшой скалистый островок, на котором возвышается угрюмое строение, похожее на древний замок.

— Это наша достопримечательность. Остров Аляктрац, наша знаменитая тюрьма...

— Мне вчера уже показывали эту достопримечательность, — говорит Никита Сергеевич, продолжая глядеть в сторону Золотых Ворот.

— Оттуда открывается наилуч-

ший вид на Золотые Ворота, — не унимается командир корабля, которому, видимо, очень хочется привлечь внимание своего гостя к столь выдающемуся сооружению. — И потом эта тюрьма знаменита тем, что еще никому не удавалось сбежать оттуда. Кое-кто пытался бежать, но безуспешно: здесь слишком холодная вода и сильное течение. Тонут!..

— Да, трудные условия... — задумчиво отзывается Никита Сергеевич. Потом он поворачивается к командиру корабля и вдруг спрашивает его:

— А вы не думаете, что хорошо было бы дожить до того времени, когда в мире совсем не будет полиции и тюрем?»

В основах уголовного законодательства, принятого Второй сессией Верховного Совета СССР, провозглашено: «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденного в духе честного отношения к труду».

Разумеется, не сразу, не в первый день и не в первый месяц Эдишер Церадзе попросился работать. Послали на лесоразработки. Но работать парень не умел. Самое простое дело представлялось чрезвычайно сложным, мучительным. Первая неудача была воспринята как крушение надежд. Но вера в собственные силы уже не могла покинуть его. И тогда, в один из подлинно прекрасных дней, он с изумлением открыл, что так долго не дававшаяся ему норма в сущности совсем не велика.

Эдишер стал медленно подниматься в гору. Записался на курсы, окончил их, стал бракером на лесобирже, принадлежавшей колонии.

На пятый год заключения Эдишера начальник колонии обратился с просьбой о его досрочном освобождении в народный суд одного из районов Северного Урала.

В марте 1955 года Эдишер вернулся в Тбилиси. В кармане — паспорт, характеристика, немного денег — «бумажками» он их уже не называл. Каждый рубль был дорог, нелегким трудом заработан. Начинаясь весна, пора надежд... Два месяца спустя, в изумительные майские дни, Церадзе показал, на что он способен. Он сдал экстерном экзамены за среднюю школу. На вопрос представителя Министерства просвещения: «Вы что, занимались дома с педа-

гогом? У вас солидные знания» Эдишер ответил: «Нет, я готовился сам, на лесоразработках». Секундой позже добавил: — в заключении...

Экзамены сданы, но сколько еще испытаний впереди! Притом не нужных, больно ранящих душу!..

Повестка из милиции. Короткий разговор, собственно, какой же это разговор, когда начальник не желает слушать объяснений. «Дай подписку о выезде в 24 часа... Что, не знаешь, в Тбилиси уголовников не прописывают. Уезжай... Все».

Нет прописки — нет работы, на что же жить? Где-то в Тбилиси благоденствует мать; нет, к ней Эдишер не пойдет, лучше уж около вокзала поднести кому-нибудь вещи. За «конкуренцию» носильщики грозят милицией... В отделении уже четыре раза отбирали подписку о выезде! А куда ехать из родного города? Оставить мечту об университете?!

Накануне вечером в переулке подошли двое. Одного — с расплюснутым носом и метками на правой щеке от ударов бритвой — Церадзе знал по колонии. Разговор недолгий. Эдишеру предложили: «Эй, ты рабочий в рваных штанах, тебе дается последний шанс вернуться к нам...»

Но Эдишер выбрал иной путь. Едва рассвело, он побрел за город. Он слышал, что на карьерах, где добывают камень, отдел кадров не очень придирчив. Работа в карьерах трудная, так что пропиской не очень интересуются, была бы какая-нибудь справка.

На карьерах все обошлось благополучно. Появилась работа, а с ней возможность готовиться в университет. Еще одна радость. Министерство внутренних дел Грузии разрешило прописаться в Тбилиси на время сдачи экзаменов.

Вступительный экзамен Церадзе сдал не очень блестяще, до проходного балла не дотянул. Счастливей оказалась вторая попытка. В январе 1957 года Эдишер снова держал экзамен и был принят на один из факультетов вечернего обучения. Днем он работает, в последние месяцы ему доверены немалые ценности, он, как сказано в приказе, «материально ответственное лицо».

Человек вернулся в общество.

...Для скептиков — для тех, кто сквозь зубы процедит: «Одна ласточ-

ка не делает весны», — хочу продолжить.

...В большом приморском городе экспедитором на холодильнике уже несколько лет безупречно работает бывший главарь крупной банды Гугуна К. Он женат, растит детей.

...На ремонтно-механическом заводе славно трудится Николай Б., в прошлом опасный рецидивист. Он был осужден на пятнадцать лет, еще на десять, еще на пятнадцать. За Николая поручились работники уголовного розыска — и очень довольны. Рада своему выбору и жена Николая, уважаемая женщина — агроном.

...Четвертый год по дорогам: Грузин водит грузовое такси в свое время широко известный в уголовном мире «Бичико» — Алексей М. Недавно на безлюдном шоссе, ночью, Алексей подобрал неизвестно откуда свалившиеся, неизвестно кем потерянные шесть мешков с ценным грузом. Нигде ни одного свидетеля...

На рассвете Алексей разбудил начальника автотранспортной конторы:

— Прошу немедленно принять найденные мною ценности.

Начальник спросонья буркнул: —

— Ты что, до утра подождать не мог? Завез бы к себе домой.

— Не надо так шутить, начальник, — негромко сказал Алексей.

2. Неудача, притом очень досадная

Около полуночи в отделение милиции района имени 26 комиссаров доставили Размика Марикяна. Место

это для него далеко не новое. Только, против обычного, Марикяна ни в чем не обвиняли, более того, он выступал в роли... потерпевшего. В маленьком, плохо освещенном садике возле кино «Исани», кто-то дважды ударил его ножом в спину.

На все вопросы дежурного офицера Марикян твердил: «Не знаю, не видел, было темно».

В комнату вошел старший оперуполномоченный уголовного розыска Карл Мебадури. Сел в сторонке, послушал и совсем неожиданно для дежурного поддержал Марикяна.

— Можете не рассказывать, история слишком обычная. Вы лучше объясните, как собираетесь жить дальше. В колонии работали? Специальность приобрели?

Старший оперуполномоченный энергично занялся устройством Марикяна на работу.

Я не знаю, какие достоинства, быть может и недостатки, отмечены в послужном списке офицера милиции Мебадури. Но все, что он делает, очень человечно.

Чтобы вернуть шоферу такси дневную выручку, отнятую двумя вооруженными грабителями, Карл Константинович далеко за городом в густой темноте ноябрьской ночи вступает в борьбу с бандитами. Он отбирает два пистолета, финский нож, кастет и доставляет обоих преступников в отделение милиции. За самоотверженность и мужество министр внутренних дел Грузии объявил Мебадури благодарность, представил его к правительственной награде.

В Мебадури стреляли не раз и не два. Несколько отпетых рецидивистов поздней ночью подкараулили, когда офицер остался один в комнате. Вошли, накинулись, стали душить. К счастью, и Мебадури наделен немалой силой, знает много приемов борьбы...

Неделю или две спустя один из начальников Мебадури, втайне все еще исповедовавший заповедь — «главное — поймать и посадить», как бы невзначай спросил:

— Надеюсь, наш романтик уже полностью исцелился. Ничто так не убеждает, как необходимость бороться за собственную жизнь.

— Дышать стало намного легче, — в тон ответил Мебадури. — Ро-

мантики берут верх. Им протягивает руку общественность.

Все же Мебадури переоценил возможности «романтиков». С устройством Марикиана на работу ничего не получилось. Рекомендации отдела уголовного розыска оказывали обратный результат: «Не требуется». «Не можем принять — ни одного свободного места... Пожалуста, в будущем будем иметь в виду».

Карл Константинович привлек на помощь секретаря партбюро отделения милиции района им. 26 комиссаром Иосифа Бицадзе. Несколько раз Бицадзе ходил на обувную фабрику, всячески уговаривал начальника отдела кадров т. Шапатава принять Марикиана на работу, хотя бы учеником или чернорабочим.

Прошло еще три месяца, Мебадури и Бицадзе, воспользовавшись присутствием на партийном собрании секретаря райкома партии, снова завели разговор о Марикиане. Было бы слишком наивно думать, — говорили они, — что, будучи без работы, без жилья, Марикиан может долго продержаться. Пока он еще не вернулся к старому, ему обязаны помочь.

После партийного собрания исполком райсовета выписал Размику Марикиану по всем правилам оформленную путевку на обувную фабрику. Начальник отдела кадров заколебался — брат или не брат? По телефону позвонил инструктор райкома партии — обязательно дайте Марикиану работу.

— Хорошо, доложу директору.

Директор не согласился!

Почему? Излишнее усердие? Своеобразное проявление бдительности?

Больше года длились попытки устроить Марикиана на работу. Не берусь утверждать категорически, но, кажется, что самым разумным было просто сказать Марикиану — тебе, Размик, ради твоего счастья, сейчас надо уехать, переменить окружение, заняться наконец-то делом. Когда-то ты окончил ремесленное училище строителей, знаешь специальность штукатура, так поезжай на строительство, поживи в большом коллективе, сроднись с ним. Или вернись в родное село. Наверняка односельчане из уважения к памяти твоего отца, отдавшего много сил для процветания колхоза, помогут тебе стать на ноги.

Не должно быть оскорбительной подозрительности, не должно быть и

беспечности. Решения вопроса, мне кажется, искали не на ^{мне} ~~правильном~~ пути.

Однажды вечером Марикиан зашел в ресторан на станции Навтлуги, выпил, кого-то угостил, потом у своего же собутельника, когда оба были изрядно пьяны, снял часы...

В ожидании суда Марикиан в тюрьме. Вдвоем с Карлом Мебадури мы ездили к нему. Беседа долго не клеилась. По правде говоря, на душе у всех было тяжело.

3. На перепутье

Лиду Оганеву я в конце концов нашел. Она, как и говорили мне ее родные, живет в Рустави почти два года.

Не погрешили против истины и работники адресного стола, решительно утверждавшие: Лида Сергеевна Оганева у нас не значится.

Но это не ошибка. Просто человек долгие месяцы живет не прописанный. Не хочет прописаться? Отнюдь нет! В кабинете начальника управления милиции Руставского городского Совета я и столкнулся с Оганевой, стал свидетелем неприятного объяснения.

Полковник сидел в кресле, за письменным столом. Перед ним стояла Оганева. Оба заметно нервничали.

— Прописать не имею права...

— А вы, гражданин начальник, прочтите хорошенько, что написал председатель горсовета на моем письме, пересланном ему из Москвы.

— Отказано на основе закона, подчиняйтесь.

— Отдайте письмо, пойду снова к председателю горсовета.

Без особого энтузиазма полковник разрешил и мне прочесть письмо и резолюцию. Собственно, их две. Председатель исполкома предложил своему заместителю: «Лично разберитесь и доложите мне». Заместитель, в свою очередь, написал: «Начальнику милиции. Надо прописать, согласно закону».

Начальник милиции усмотрел, что, согласно закону, как раз следует отказать.

В кабинет был вызван начальник паспортного отдела. Затем еще один ответственный сотрудник милиции. Решили, что полковник должен позвонить заместителю председателя:

исполкома. Короткий разговор: Прошу на письме гражданки Оганевой написать в ясной форме — прописать или отказать... Нет, иначе я не напишу... Отвечать будете вы.

Трубка с грохотом брошена на рычаг.

Начальник отдела уголовного розыска, некоторые другие работники руставской милиции могут возразить: Вы готовы усмотреть в наших действиях формализм, бездушие, а разве мы ничего доброго не сделали для Оганевой, разве мы выселяем ее, разве мы привлекали ее к ответственности за проживание без прописки? А должны были, согласно инструкции! Нам самим от души жалко эту женщину...

История более чем грустная. В 1946 году тринадцатилетняя красивая, избалованная девчонка, ученица шестого класса, убежала из дому. И с того времени жизнь ее пошла кувырком. За бродяжничество и воровство суд вынес приговор — на шесть лет в детскую исправительно-трудовую колонию.

Считается, что все исправительные колонии для детей и подростков-правонарушителей — наследники знаменитой колонии имени Горького, колонии Антона Семеновича Макаренко. Наследники далеко не всегда перенимают идеи отцов, не всегда точно следуют их заветам. Макаренко брал подростка, основательно сбившегося с пути, совершившего преступление, на воспитание коллектива. Не на срок, не на год, не на десять — до полной зрелости! В колонии имени Максима Горького никто не отбывал наказания, единственной целью было перевоспитание. Ничто — ни охрана, ни высокий забор — не отделяло маленький коллектив колонии от большого коллектива советских людей.

Сейчас в колонию отправляют из тюрьмы на срок, указанный в приговоре народного суда, всех, кто не достиг совершеннолетия. Поправки в систему Макаренко внесли с благим намерением усилить борьбу с преступностью, усилить наказание, чтобы другим неповадно было. И что же? У Макаренко почти совсем не было рецидивов, теперь же через узкие калитки в высоких заборах, ограживающих колонию, на свободу нередко выходят охотники все повторить сначала.

То же самое было и с Лидой Оганевой...

Было, пока она не попала в Рустави, где живет человек, которого она любит. Из бывших заключенных. Начальник уголовного розыска помог этому человеку устроиться на работу. «Крестник» ведет себя порядочно, трудится. Одна беда: как и у Оганевой, у него нет постоянной прописки. А люди хотят создать прочную семью, наконец-то наладить жизнь.

Жить в городе без прописки, конечно, нельзя. Но, вместе с тем, все, с кем мне приходилось говорить — работники прокуратуры, Министерства внутренних дел, уголовного розыска, — охотно соглашались, что трудоустройство бывших заключенных и людей, являющихся с повинной, слишком уж часто оказывается камнем преткновения.

Будем откровенны. Находящимся в заключении приходится подчиняться строгому режиму, но им совершенно не приходится заботиться о пище, жилье, о своем бюджете. Отсюда — ни малейшего умения распределять свои деньги. Когда же бывший заключенный выходит на свободу, на него наваливаются непривычные заботы, и далеко не каждому удается устоять, преодолеть все первоначальные трудности.

Нужна единая, хотя бы в масштабах республики, организация, — общественная или государственная, которая бы заботилась о трудоустройстве бывших заключенных.

И, думается, начинать это надо задолго до освобождения заключенного. Есть у нас исправительно-трудовые колонии, над которыми шефствуют рабочие коллективы. Лучшие люди заводов обучают заключенных передовым методам труда, участвуют в воспитательной работе. Тех, кто добросовестным трудом в колонии доказал свое желание встать на честный путь, шефы принимают в свой коллектив.

Быть может, трудоустройство следует поручить «Оргнабору». Организация эта весьма разветвленная, существует давно, наделена большими правами. Еще до окончания срока уполномоченные «Оргнабора» могли бы заключать трудовые договоры, вербовать людей, получивших те или иные специальности, в места, где в них нуждаются, где могут предоставить работу и общежитие. А если кто

обманет, использует доверие во вред, то, как советовал известный дореволюционный юрист Урусов, «согните ему голову под железное ярмо закона». После того, как все было дано, все обеспечено, колебаться больше не приходится!

...После известной речи Н. С. Хрущева на съезде писателей Лида Оганева написала ему письмо. Ответ пришел быстро. Председателя исполкома Руставского горсовета просили сделать все возможное для счастливого решения судьбы человека, решившего исправиться. В исполкоме же городского Совета занялись, мягко говоря, маневрированием, игрой в резолюции. Не больше чуткости проявил полковник, начальник милиции. После ухода из его кабинета Оганевой он развел руками: я, мол, не больше, как человек...

А Оганева?!

4. Портрет в краеведческом музее

Наискосок от милиции, в двухэтажном красивом особнячке расположился Руставский краеведческий музей. Большинство экспонатов этого очень своеобразного музея — дары первых строителей, их счастливые находки в котлованах, отрытых под фундаменты мартеновских печей и прокатных станков, домов для металлургов. В последние месяцы в музее стали выставлять и портреты наиболее знатных жителей города. Под одним портретом я прочел: «Бригадир передовой комплексной бригады «Жилстроя» Т. А. Пицхелаури».

Портрет, пожалуй, удался. Только в жизни Тенгиз более улыбчив, жизнерадостен. И жена его — Нина — тоже всегда веселая.

— Счастливая пара, — говорят все, кто их знает.

А ведь всего несколько лет назад родственники, сослуживцы, соседи,

все отговаривали Нину: ради всего святого, не связывайтесь с этим бывшим заключенным.

Предупреждали ее и совсем официально: не забывайте, вы кассир строительного управления, вам доверяют большие суммы, а этот... ну, ваш избранник, извините за прямоту, уголовный преступник. Он пробыл в заключении много лет. Во избежание неприятностей, вы, может быть, заранее подадите заявление?

Характер у Нины оказался твердый, под стать Тенгизу. Заявление об уходе с работы она не подала и любви не изменила. Я спросил прямо:

— Нина Ростиславовна, вам ни разу не пришлось жалеть о своем выборе?

Она широко раскрыла глаза:

— Жалеть? Счастью люди радуются.

Нина торопливо вышла из комнаты (мы разговаривали в управлении) и привела секретаря партийного бюро.

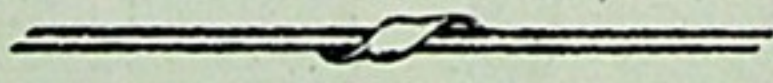
— Вот его спросите, какой мой Тенгиз!

...Еще в колонии Тенгиз Пицхелаури получил специальность штукатура. По строительному делу он и пошел. Старательный и смысленный, Тенгиз быстро сдал на седьмой разряд, стал во главе бригады, и бригада эта неизменно на Доске почета.

Сейчас уже неважно, случайно ли получается, или отдел кадров видит в этом особый смысл, так или иначе, в бригаде Пицхелаури все годы работает, овладевает мастерством много бывших заключенных. Шестеро из них сейчас уже сами стали мастерами, бригадирами, зарабатывают не менее двух тысяч в месяц.

Такого уже не собьешь с пути. Он строитель домов, заводов, своего личного и нашего общего будущего. Он человек. В человека надо уверовать!

ТБИЛИСИ — РУСТАВИ

Георгий Осипов

БОГАТЫРИ МОРЯ

I. НА ЧЕРНЫХ СКАЛАХ

Рис. Д. Нодия.

Осторожно обходя мели и прибрежные скалы, судно ложится на курс. Неожиданно среди морского простора возникают очертания города: нефтяные вышки, крыши домов, трубы электростанции. В гавани снуют баркасы, буксиры, баржи, плавучие краны. Над городом стоит гул стройки.

Это — необычный город. Здесь под домами, улицами, буровыми плещутся волны. Кое-где из воды выступают угрюмые черные скалы, обросшие ракушками и морской тинной. Это и есть легендарные Нефтяные камни.

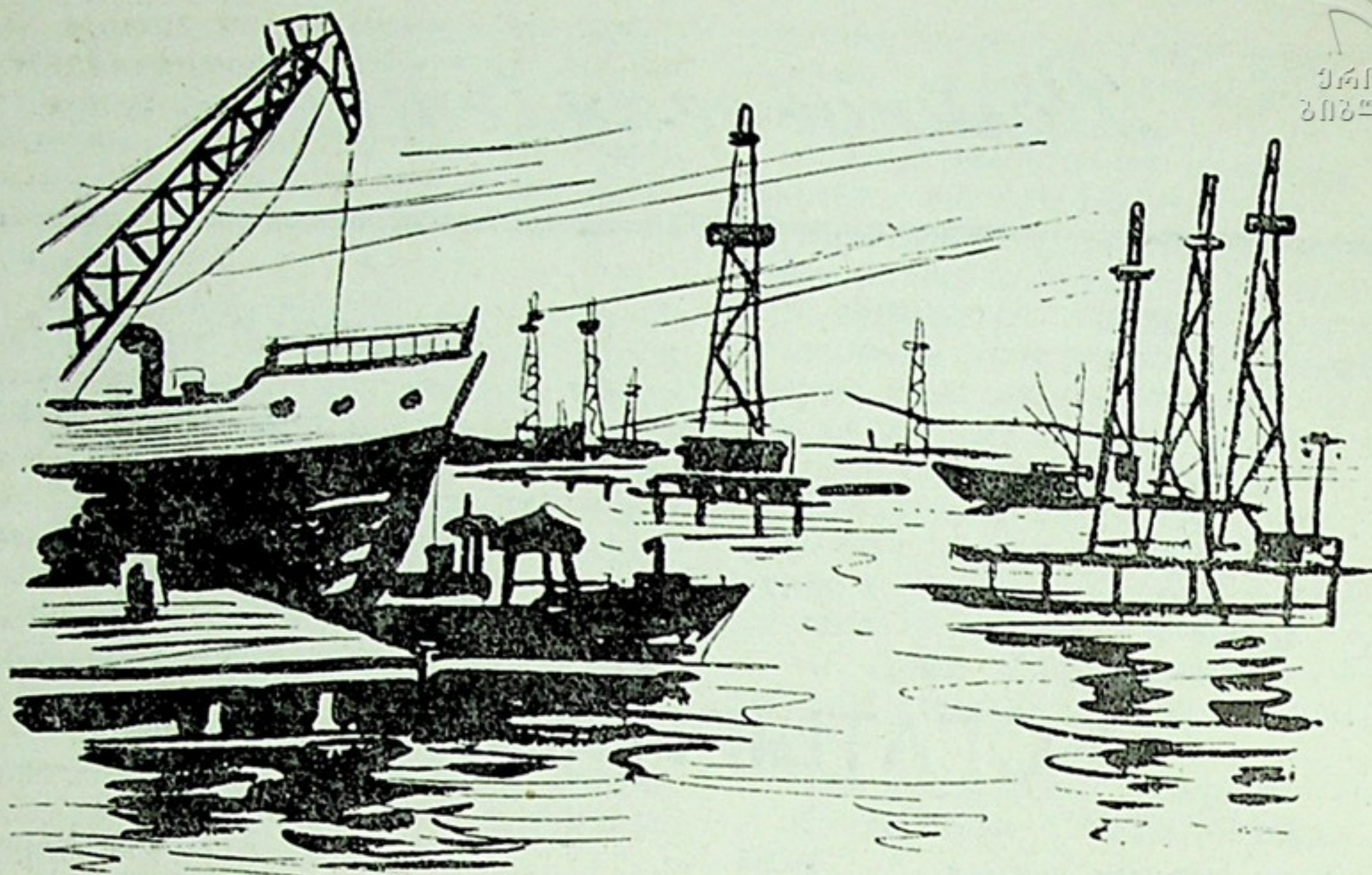
Еще в первые годы Советской власти нефтяники Баку, осуществляя под руководством партийной организации решительную реконструкцию и техническое перевооружение нефтяной промышленности, не раз обращали свои взоры к морю. Однако настоящий размах разведка дна Каспийского моря приобрела лишь после войны. Десять лет назад специальная экспедиция вплотную приступила к исследованию района Нефтяных камней. В невероятно сложных условиях Каспия люди работали, мужественно перенося штормы и бури, ежеминутно рискуя быть смытыми с палубы разведочного судна шальной волной, — Нефтяные камни, грозя мачтами потопленных кораблей, не хотели покоряться человеку.

Два с лишним года геологи, буровые мастера, строители, моряки-штурмовали Каспий. Наконец, в ста километрах от Баку, меж подводных скал, пробурили первую глубокую скважину. В ноябре 1949 года разведочная скважина выдала нефть, спрятанную в глубоко залегающих горизонтах.

Десятки сложнейших проблем поставила перед нефтяниками первая дальняя морская скважина. Как строить в открытом море основания для новых вышек? Как разместить людей среди голых, заливаемых водой, скал? Есть ли возможность организовать регулярное сообщение с материком? Как доставлять строительные материалы и оборудование, если здесь нет не только бухты, но и обыкновенного причала? Можно ли строить резервуары для сбора нефти в открытом море?

Десятки добровольцев — азербайджанцы, русские, грузины, армяне, лезгины, татары, узнав о дальней морской разведке, просили направить их на Нефтяные камни. Люди двадцати национальностей строили город в море. Поселок рос не по дням, а по часам. При помощи мощных механизмов туда доставлялись сборные жилые дома, здания магазинов, готовые основания буровых. Теперь едешь по морю, словно по предместьям Баку; со всех сторон вышки, вышки, вышки. С нетерпением ожидают бурильщики и про-

мысловики появления нефти в каждой новой скважине. Нужны большой опыт и знания, чтобы сохранить режим работы морских скважин, чтобы они вели себя «спокойно», чтобы в случае высокого давления пластов предотвратить прорыв мощного газо-нефтяного выброса, ликвидировать его, если прорыв произойдет, предупредить возможность пожара, уберечь от опасности людей и не «запороть» новую скважину. Здесь могут работать только закаленные, дисциплинированные люди. Конечно, закалка и мужество не приходят сразу. Прибывающая на Нефтяные камни молодежь овладевает искусством обращения с радией, учится плавать, проходит настоящую школу мужества.

За короткий срок морские нефтепромыслы значительно расширились, создана совершенно новая техника и технология эксплуатации нефтяных месторождений в море.

От Нефтяных камней разведчики недр уходят все дальше и дальше. Стальные островки буровых и промысловых вышек шагнули на много километров в море.

II. ГОРОД НА СВЯХ

Зима на Каспии особенно капризна и изменчива. Постоит неделю, другую теплая, солнечная погода, наступит штиль, и вдруг, ни с того ни с

сего, налетит шквал, забурлит, запенится море и пойдет гулять по морским просторам жестокий норд. Яростные десятиметровые волны швыряют корабли, с ревом налетают на стальные островки буровых, поднимают над эстакадой седые буруны, мешая доставлять на промыслы людей, материалы, оборудование.

В такие дни можно прекратить строительные работы на эстакаде, монтаж вышек. Но бурения и вывоза нефти не остановишь. Поэтому в любую погоду, днем и ночью стоит на своей суровой вахте весь пятитысячный коллектив единственного в мире города на сваях и островках дальней морской разведки.

Есть цифры, которые звучат, как песня. По сравнению с 1951 годом добыча горючего на Каспии увеличилась в тридцать с лишним раз. Это миллионы тонн высококачественной морской нефти. И обходится она государству в два раза дешевле обычного.

На одной из обширных площадок свайного города виден целый завод — станция контрольно-исследовательских и промышленных работ. Ее агрегаты нагнетают в пласты по специальным скважинам воду, которая под большим давлением выталкивает горючее наружу. В среднем каждые 2,5 кубометра чистой воды дают возможность дополнительно извлечь из недр тонну нефти.

Проезжая сегодня на автомашине по стокилометровой трассе эстакады, где раскинулись залитые ярким светом современные поселки, я вижу по сторонам угрюмые черные скалы и полузатопленные корабли — первый плацдарм покорителей моря.

Поистине титаническая работа выпала на долю первооткрывателей и основателей города на Нефтяных камнях: геолога Ага Курбана Алиева, буровых мастеров Михаила Каверочкина и Курбана Аббасова, инженеров Энвера Алиханова, Соломона Гробштейна, Сабита Оруджева, Виктора Ногаева, Бахмана Гаджиева, Фуада Самедова, Василия Рощина и их товарищей. Прежде чем удалось поставить первую вышку, возвестив миру о золотом дне Каспия, многие из них неделями жили на голых, заливаемых водой скалах, среди бушующей морской стихии.

Какими далекими и в то же время близкими кажутся пятидесятый или пятьдесят первый годы, когда каждая скважина месяцами бурилась ротором, а маленькие суденышки были единственным средством сообщения между одинокими стальными островками, когда крохотная электростанция тускло освещала приютившийся на скалах первый свайный домик разведчиков.

Истекшие десять лет преобразили облик города на сваях. Поставить стальной островок на глубине 5—10 метров считалось прежде большой удачей. Сейчас основания вышек облегченной конструкции ставятся на глубине 20—30 метров — это открывает широкий простор для освоения нефтяных площадей на дальних морских акваториях. Здесь каждая бригада имеет в своем распоряжении мощные современные турбобуры, смело вгрызающиеся в донные скалы, могучие самоходные краны, снабженные ударными дизель-молотами, забивающие сваи эстакады на любую проектную глубину, прокладывая над открытым морем новые улицы и площади.

Партия потребовала создать здесь для людей условия, приближающиеся к тем, в которых они работали на Большой земле. Поэтому на сотню километров протянулась стальная эстакада, связывающая отдельные островки буровых. По ней, словно по шоссе, стремительно проносятся

автомшины, самоходные краны, вагоны. В удобных домах-общежитиях есть свет, газ, водопровод. В комнатах — мягкие, чистые постели, ковры, телевизоры, радиоприемники. В городке есть почта, сберкасса, книжный магазин. Радостно видеть здесь олеандр, сирень, китайскую розу. На высоких сваях-трубах, под которыми шумит прибой, сооружен красавец-клуб. Находясь на большом расстоянии от материка, нефтяники смотрят фильмы первым экраном, ставят самодеятельные спектакли, устраивают литературные диспуты. Прошлой осенью у них побывал с концертом весь коллектив Большого театра Союза ССР.

Председатель единственного в СССР поселкового Совета в открытом море Федор Гаиров охотно рассказывает о будущих новостройках городка. Сюда вместе с землей будут доставлены сотни декоративных деревьев и кустарников. Со свайным городком имеется постоянная радио- и телефонная связь.

III. СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Море есть море... Я никогда не забуду трагической ночи 21 ноября 1957 года, когда невесть откуда налетевший ураган поднимал на гребень волны наполненные нефтью танкеры, ломал стальные переплетения вышек, валил с ног людей на эстакаде. В ту ночь на дальних островах у так называемой «Грязевой сопки» бурили последние метры новых скважин сменные вахты прославленных мастеров Михаила Каверочкина и Сулеймана Багирова. Небывалой силы шторм не остановил разведчиков, они знали: остановишь бурение — заporешь скважины.

Накануне и Каверочкин и Багиров должны были смениться. Но, узнав из метеорологической сводки о приближении шторма, они, подобно мужественным капитанам терпящих бедствие кораблей, остались вместе со своими людьми на вахте.

В ту промозглую ночь ветер, достигая страшной силы — 44 метра в секунду, поднимал невиданные на Каспии волны высотой в четыре—пять этажей.

Отрывочные сведения, поступающие с аварийных буровых, говорили

о сверхчеловеческой борьбе смельчаков с ураганом. Вынужденные прекратить бурение, они пытались спасти ценное оборудование, запас продуктов. Они делали все, чтобы удержаться на островках, сохранить друг другу жизнь, не поддаваясь унынию и панике.

Волнение на базе достигло высшего накала, когда Каверочкин и Багиров сообщили по радио, что людей смывает волной, а основания вышек раскачиваются. Глубокой скорбью отозвались в сердцах нефтяников последние слова всемирно известного бурового мастера, пионера морской разведки Михаила Павловича Каверочкина:

— Мы будем стоять на вахте до конца. Все будем стоять: коммунисты, комсомольцы, беспартийные. Берегите Нефтяные камни. Опасность велика!

Самые отчаянные попытки послать на выручку спасательные суда, вертолеты успехом не увенчались. Ничто уже не могло спасти смельчаков — море ревело и бесновалось, обрушивая на аварийные островки всю силу своего неукротимого гнева. В последний раз мелькнули и погасли сигнальные огоньки на буровых, поглощенных пучиной...

Имена Михаила Каверочкина, Сулеймана Багирова и их товарищей присвоены судам, улицам. Придет время, и на Нефтяных камнях этим бессмертным богатырям будет воздвигнут мраморный обелиск — памятник.

Несчастный случай на Грязевой сопке не смог остановить трудового порыва разведчиков моря; ведь на дальнем промысле остались ученики и последователи героев: Курбан Аббасов, Юсуф Керимов, Аяз Якубов, Богдан Акопов, Владимир Маркин, Ахмед Таджединов, мастера-скоростники, закаленные в боях со штормами и пожарами, пережившие ураганы и ледовые нашествия...

Люди стали суровее, сдержаннее, бдительнее и дисциплинированнее. Весь коллектив буровиков стал на памятную вахту, чтобы выполнить план и за себя и за своих погибших товарищей.

Бесстрашие, выдержка командиров производства и всего коллектива помогли в ту памятную ночь спасти

сотни людей, отстоять от разрушения эстакаду и десятки буровых, нефтесборные пункты, жилые дома...

IV. РАЗВЕДЧИКИ ШИРИНОВА

Мы стоим с мастером Исмаилом Шириновым на помосте, под которым бушуют волны. Это по инициативе Ширинова в республике развернулось движение за создание фонда сверхплановой нефти.

Ветер рвет на нас плащи, и, чтобы быть услышанным, приходится кричать.

— Скважина, где мы с вами находимся, — говорит он, — пущена досрочно. Ее пришлось осваивать трое суток, днем и ночью. И лишь после этого она стала работать на отличном режиме. И все эти дни, как назло, бесчинствуют дождь и ветер. Сначала отказали штуцера, их забило песком. Пришлось заменить. Потом штормовой волной снесло железный стояк. Вызвали водолазов. Чтобы быстрее проложить под водой новую линию, в работу водолазной команды включились слесари Дадашев и Пашаев, сварщик Хромов. Отчаянные ребята, золотой народ...

Исмаил Ширинов говорит о своих товарищах охотно, с любовью. Но когда я пытаюсь спросить о нем самом, мастер застенчиво умолкает. Вытягиваю слово за словом.

Этот высокий, богатырского сложения красавец с блестящими черными волосами и светло-голубыми глазами — воспитанник детдома. До войны окончил ФЗУ, работал слесарем на старейших промыслах в Сабунчах. Потом попал в морской техникум. Грянула война. Со второго курса был взят на действующий флот. Участвовал в конвоировании из Владивостока и Архангельска английских, американских, канадских караванов. Не раз бывал в Рейкьявике, Ливерпуле, Бостоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Гаване. В трудные дни Сталинградской битвы сражался в отрядах морской пехоты, командуя взводом разведчиков. Потом его часть перебрасывали в Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. В составе роты разведчиков участвовал в освобождении Праги. На его груди боевые ордена Богдана Хмельницкого, Отечественной

войны, Славы, медали. По возвращении в Баку узнал о дальней морской разведке в районе Черных скал. Попросился туда. Исмаил Ширинов, как и многие его товарищи, не отрываясь от производства, закончил с отличием нефтяной институт, стал инженером, ныне он возглавляет партийную организацию промысла.

Именно из таких прирожденных разведчиков, людей сильной воли, светлого разума состоит славный коллектив нефтяников моря. Не случайно именно здесь, впервые в Азербайджане, родилось соревнование за звание бригад коммунистического труда. Мастером первой в республике бригады коммунистического труда стал молодой инженер Акиф Джафаров, в недавнем прошлом простой оператор.

Интересны биографии и многих других обитателей свайного города.

Всех не перечесть. И каждый из них достоин отдельного очерка, отдельной книги.

V. РЕШИТЕЛЬНЫЙ КУРС

По вечерам, когда над притихшей эстакадой умолкает стук дизель-молотов и лязг якорных цепей танкеров, в маленькой дежурке на Нефтяных камнях собираются командиры производства. Среди них я вижу старых знакомых: начальника нефтепромыслового управления Бахтияра Мамедова, главного инженера Бахмана Гаджиева, главного геолога Фуада Самедова, инженеров Фархада Гамзаева, Хозрата Хадикова, мастеров Курбана Аббасова, Алексея Малышева, Адольфа Вишневецкого... Одни пришли в свое время на промысел рядовыми рабочими, другие — из стен вузов. Здесь они закалились, приобрели опыт, выдвинулись. Многие получили образование тут же на эстакаде, в филиале Бакинского нефтяного техникума. Оглядываясь по сторонам, я хочу увидеть и других людей, с которыми познакомился на дальних буровых три—четыре года назад.

Я спрашиваю, где буровой мастер Юсуф Керимов.

— В Египте, обучает скоростному бурению арабских друзей.

— Ильяс Алиев?

— На промыслах Албании.

— Леонид Алянчиков?

— Командирован в Индию...

Я вспоминаю другие знакомые имена и слышу в ответ названия зарубежных стран и городов СССР. Так маленький свайный городок где-то на Каспии, не обозначенный еще на «карте генеральной», стал центром, откуда черпаются квалифицированные кадры в западные и восточные нефтяные районы нашей страны, в государства Европы и Азии.

Непрерывное нарастание нефтедобычи потребует полной автоматизации основных процессов, использования всех новейших достижений науки и техники. Морские промыслы уже получили огромное количество буровых агрегатов с автоматическим регулированием управления, фонтанную арматуру, управляемую на расстоянии; во много раз увеличится закачка воды в глубоководные пласты, скрытые под морской пучиной. Разведчики уйдут за десятки километров от обжитой базы на Нефтяных камнях: **ведь к концу семилетки добыча нефти на море увеличится в два с лишним раза, газа — в четыре.**

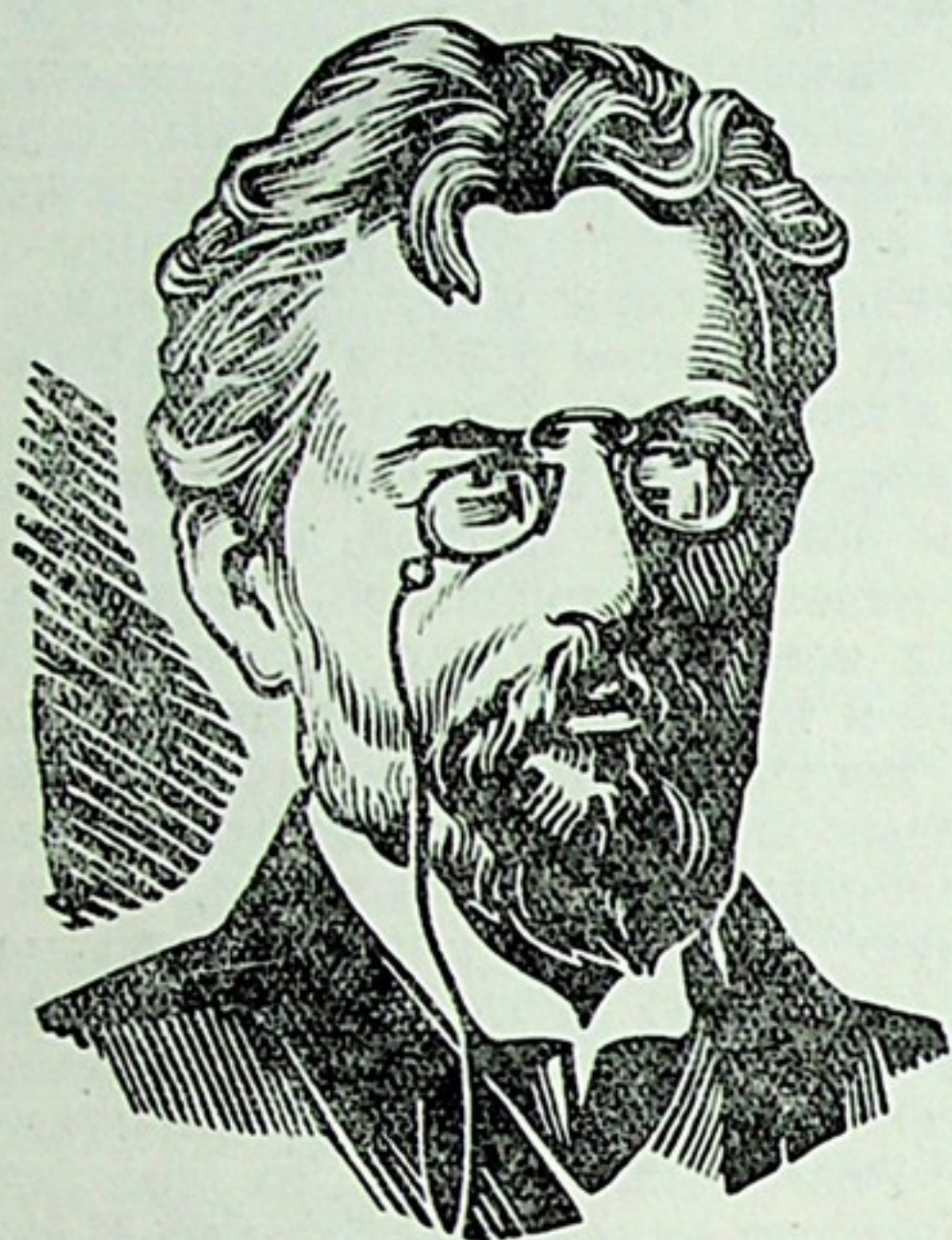
...Рядом с первым свайным домиком воздвигнута мощная электростанция, дающая жизнь промыслам и рабочим поселкам. А в проектах и планах мы уже видим отвоеванные у моря тысячи метров суши, где в самое ближайшее время возникнут многоэтажные дома нового поселка, здания магазинов, столовых, холодильников, новые резервуарные парки и нефтесборные пункты.

Может быть, именно здесь, на искусственном, отвоеванном у стихии «острове», расположится главная база города Нефтеморска, славной столицы богатей моря...

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ.

Демна Шенгелая

Великий художник

В русской литературе Чехов занимает особое место. Обладая редкими качествами новеллиста — умением строить сквозной сюжет, создавать естественные ситуации, избегая сложных коллизий и большого количества персонажей, давать схваченный одним взмахом пера живой рисунок внешнего облика героя, раскрывать его характер в действии, — он покоряет читателя глубиной идей, реалистическим видением действительности, ясным воплощением замысла и неповторимым лиризмом. Если добавить к этому предельно простой язык, сочетание поэтического горения с жестоким сарказмом и изящной иронией,

перед нами предстанет творческое лицо большого мастера и тонкого художника.

«Я писал, как птица поет», — говорил Чехов.

И действительно, его рассказы написаны так, что кажется, будто он на самом деле поет, как птица, естественно, легко, без напряжения. Вспомните повесть «Степь», рассказы «Красавицы», «Дом с мезонином» и многие другие. Разве это не песни?

Однако Чехов не доверялся своему вдохновению слепо. Его художественная свобода и отсутствие усилия над собой шли от глубокого знания человека, его души и сердца.

«Знаете, как нужно писать, чтобы вышла хорошая повесть? — спрашивал Чехов у одного молодого писателя и сам же отвечал: — В ней не должно быть ничего лишнего. Вот, как на военном корабле на палубе: там нет ничего лишнего, — так следует делать и в рассказе...».

Именно так Чехов и писал. Композиция каждого его рассказа очень точна, в ней нет ничего лишнего. Однако это нисколько не стесняло его воображения. Наоборот — давало ему крылья.

Чехов — писатель неистощимой фантазии, большой мастер гротеска и карикатуры. Но его фантазия опирается на глубокое знание жизни. В каждой детали он видит что-то значительное. Под его пером даже маленькое происшествие приобретает глубокий смысл. Писатель умеет так повернуть и осветить любой предмет, что он неожиданно обнаруживает свою скрытую сущность и тесную связь с окружающим.

Однажды Чехов воскликнул во время беседы со знакомым писателем: «Как так сюжетов нет? Да все сюжет, везде сюжет! Вот посмотрите на эту стену. Ничего интересного в ней, кажется, нет. Но вы взгляните в нее, найдите в ней что-нибудь «свое», чего никто еще в ней не на-

ходил. И опишите это. И, уверяю вас, хороший рассказ получится. И о луне можно написать хорошо, а уж на что тема затрепанная. И будет интересно. Только надо все-таки увидеть в ней что-нибудь «свое», а не чужое».

Жалобы на бедность сюжетов искренне удивляли Чехова, потому что сам он везде находил сюжеты, во всем видел что-то «свое».

Чехов — один из величайших знатоков русского языка, мастер построения фразы. Над каждой фразой он тщательно работал, проверял каждое слово. В написанное вносил поправки сначала чернилами, затем, чтобы выправленные места не перепутать, новые поправки делал красным карандашом; потом исправлял снова, на этот раз уже синим карандашом, а далее — карандашом еще другого цвета. Все это Чехов называл рисованием.

«По моему мнению, — писал он своему брату, тоже писателю, — описания природы должны быть весьма краткими и иметь характер а ргорос. В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина».

Так он и писал. Нарисованная им картина действительно явственно встает перед глазами. Но это не просто картина. Она согрета благородством художника, в ней заложена его бессмертная мысль, исключительно человеческая идея, высокая мораль. В каждой чеховской строчке блещет его ум, бьется горячее сердце, слышно его дыхание. Каждый рассказ Чехова полон обаяния его личности.

Как писатель-реалист, он не терпит натурализма, глубоко убежден в высоком назначении искусства. Как-то Чехов присутствовал на репетиции пьесы «Чайка» в Московском художественном театре; один из актеров объяснил ему, что во время представления за сценой раздаются кваканье лягушек, треск сверчков и лай собак.

«— Зачем это? — недовольным голосом спрашивает Антон Павлович».

— Реально, — отвечает актер.

— Реально, — повторяет Антон Павлович, усмехнувшись, и после маленькой паузы говорит: — Сцена — искусство. У Крамского есть одна жанровая картина, на которой великолепно изображены лица. Что, если на одном из лиц вырезать нос и вставить живой? Нос «реальный», а картина-то испорчена».

Есть писатели, которым для вдохновения нужны сильные страсти и сложные коллизии. Чехов, как художник, представляет полную противоположность им. Он — большой мастер воплощения бытовых явлений и деталей. В основу своих рассказов он кладет обычные случаи, а подчас даже банальный анекдот. Его герои — простые люди. Очень часто это ограниченные обыватели и мещане, духовные уроды, люди, потерявшие почву под ногами, утратившие иллюзии, — все те, на ком держалась Россия Александра III и черносотенца Победоносцева. Среди них задыхались три сестры, погибали герои «Скучной истории», «Тоски» и «Горя». В этом душном мирке наводил порядок унтер Пришибеев, а человек в футляре боролся против живой мысли.

Чеховские рассказы часто любят пересказывать. Но после пересказа остается только то, что меньше всего характеризует Чехова как художника и в то же время меньше всего интересует его. Чехов — такой писатель, которого непременно надо читать самому. Иначе трудно проникнуть в его мысль, услышать биение его сердца.

Чехов воспевал человека, его права, человеческое достоинство, человечность. Но когда над ней глумились, когда она унижалась, подавлялась мелкособственническими интересами, у писателя болело сердце. Им овладевала печаль от того, что мечта трех сестер выбраться из житейского болота — была безнадежной, что затхлую жизнь защищали, охраняли Пришибеевы и Беликовы, постоянно пребывавшие в страхе че-

ред тем, как бы чего не вышло... С этим замкнутым кругом примирился Ионыч. В этом болоте тонула нежная Мисюль вместе со своим другом-художником, который звал ее в новый увлекательный мир, куда ушла из душного мещанского уюта героиня рассказа «Невеста».

Чехов был чутким писателем, он ощущал приближение революционной бури, и многие его герои, такие, как студент Трофимов, Аня, ждали ее, радовались ей, с надеждой смотрели в будущее, которое виделось великому художнику-гуманисту светлым и прекрасным.

П. Гудушаури

Чехов в Грузии

Летом 1888 года Антон Павлович Чехов — тогда уже писатель в расцвете творческих сил — впервые посетил Грузию, о которой не мог не иметь представления по произведениям русской классической литературы, в первую очередь, по пушкинскому «Путешествию в Арзрум».

Думается, что большую роль в пробуждении у Чехова интереса к Грузии играло и творчество Лермонтова, так красочно и ярко описавшего наш край: «Роскошной Грузии долины ковром раскинулись вдали; — счастливый, пышный край земли!»

Очевидно, было известно Чехову и восторженное признание Белинского о том, что «с легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний!».

Близким другом Антона Павловича стал Я. П. Полонский, проживший в Грузии около пяти лет и посвятивший ей ряд произведений, в которых чувствуется глубокое знание страны и жизни ее народа, искренняя любовь и уважение к ним. Вполне возможно, что Полонский в личных беседах с Чеховым рассказывал ему много интересного о нашем крае и народе, и тем самым пробудил в нем желание побывать здесь. Антон Павлович решил ехать в Грузию спустя несколько месяцев после знакомства с Полонским.

Представление Чехова о Грузии, сложившееся из прочитанного, а также услышанного от очевидцев, полностью совпало

с тем, что он здесь увидел. Антон Павлович был в восторге от нашей природы. Особенно большое впечатление на него произвели Ахали Афони и Сухуми. «Природа удивительная до бешенства и отчаяния, — писал он А. С. Суворину. — Все ново, сказочно и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедр, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное — горы, горы и горы без конца и краю...»

...Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов».

После Абхазии Чехов посетил Поти, видел реку Риони, с ее «знаменитой Рионской долиной и осетрами». Затем он заехал в Батуми, а отсюда уже отправился в столицу Грузии. «Дорога от Батума до Тифлиса, — писал Чехов А. Н. Лейкину, — с знаменитым Сурамским перевалом оригинальна и поэтична; все время глядишь в окно и ахаешь: горы, туннели, скалы, реки, водопады, водопадики...»

В описании Чеховым горной природы нашего края чувствуется рука большого художника. Вот выдержка из его письма к К. С. Баранцевичу:

«...Пережил я Военно-Грузинскую дорогу. Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре... Вообразите Вы себя на высоте 8.000 футов... Вообрази-

ли? Теперь извольте подойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз; далеко, далеко Вы увидите узкое дно, по которому вьется белая ленточка — это седая ворчливая Арагва; по пути к ней ваш взгляд встречает тучки, лески, овраги, скалы. Теперь поднимите немножко глаза и глядите вперед себя: горы, горы, горы, а на них насекомые — это коровы и люди... Поглядите вверх — там страшно глубокое небо. Дует свежий горный ветерок...»

Писатель сделал даже чертеж того, в каком положении может находиться коляска его друга на огромной высоте. При этом Чехов описывает, каким кажется оттуда Терек и что может чувствовать человек, сидящий в коляске.

По окончании путешествия по Кавказу, Антон Павлович писал: «Отчет будет краток поневоле, ибо те места, где я был, и люди, которых я видел, слишком многочисленны».

А спустя три месяца после возвращения из Грузии, Чехов сообщил Суворину, что начал писать новый рассказ, в котором намерен отобразить Военно-Грузинскую дорогу и Казбек.

К сожалению, этому замыслу не суждено было осуществиться. И лишь Черноморское побережье описано писателем в повести «Дуэль».

* * *

Во второй раз Чехов посетил Грузию в июне 1900 года. На этот раз он приехал сюда не один, а вместе с Горьким и молодым художником Васнецовым. Об этом сообщала газета «Иверия».

Очевидно, инициатором этой поездки являлся А. М. Горький, которому Грузия — его литературная родина — была особенно дорога.

Из воспоминаний Калюжного — друга молодого Горького, мы узнаем, что Чехов во второй свой приезд в Грузию пробыл в Тбилиси около одной недели и ездил во Мцхета для ознакомления с историческими памятниками.

До этой поездки между А. П. Чеховым и известным деятелем русской сцены А. И. Сумбаташвили-Южиным установились самые тесные дружески отношения. Можно предполагать, что Сумбаташвили-Южин многое рассказывал ему о Грузии.

К сожалению, других сведений о пребывании Чехова в Грузии пока не обнаружено. Однако не подлежит сомнению, что великий русский писатель встречался здесь с представителями грузинской литературы и искусства.

Уже в те годы Чехов пользовался в Грузии большой популярностью. Его произведения читали в оригиналах и в переводах. Его благородный облик и творчество прочно вошли в сознание грузинского народа.

Произведения Чехова начали переводить на грузинский язык со второй половины девяностых годов прошлого века. Эти переводы печатались в журналах «Квали», «Моамбе», «Нишадури», в приложениях к ним, в газетах «Иверия», «Цнобис пурцели».

В грузинской прессе в то время было опубликовано 80 переводов произведений Чехова, в том числе «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Человек в футляре» и другие.

В начале века несколько чеховских рассказов перевел глава грузинских революционно-демократических писателей Иродион Эвдошвили. Однако напечатаны они были лишь в 1957 году.

Рано познакомились в Грузии и с драматургией великого писателя. Уже в 1889 году на грузинской сцене был поставлен «Медведь». 30 октября 1890 года в бенефис Васо Абашидзе была сыграна пьеса Чехова «Иванов».

В 1903 году переводчик, подписавшийся псевдонимом «Р. Д. С.», перевел на грузинский язык пьесу «Дядя Ваня». В том же году ее второе действие было включено в экзаменационный спектакль молодых артистов грузинской драматической труппы.

Софии Цицишвили принадлежит сделанный в 1904 году перевод «Вишневого сада», вскоре напечатанный в серии библиотеки газеты «Иверия». В 1908 году эту пьесу показали в Кутаиси, а в следующем — в Тбилиси.

В 1905 году «Предложение» перевел Г. Вольский (Умципаридзе), а затем известный артист И. Зардалишвили.

Спустя пять лет Ладо Месхишвили осуществил перевод и постановку инсценированной новеллы «Черный монах» («Привидение»).

Переводы «Трех сестер» и «Трагика поневоле» появились в 1914—1915 гг.

В те годы нередко допускались вольные переработки чеховских пьес. Так поступил с «Ивановым» драматург М. Насидзе. Он даже назвал пьесу иначе — «Жертва бесхарактерности или Нико Джамбарашвили». Многие изменил при переработке «Предложения» Вольский (Умципаридзе), назвавший пьесу грузинским идиоматическим выражением, которое приблизительно

соответствует русскому: «Да не разлучит вас господь навеки». А артист И. Зардалишвили подыскал еще другое название, которое означает «Речка Хосия». Один из переводов «Вишневого сада», например, был назван «Местом веселья».

Такая переделка чеховских пьес не могла дать грузинскому зрителю истинного представления о драматургии писателя и неизбежно вела к ослаблению ее идейно-художественного звучания. На это тогда же, со всей резкостью, указывала газета «Дрозба», требуя точных и высококачественных переводов.

В постановках пьес Чехова принимали участие такие признанные мастера грузинской сцены, как В. Абашидзе, Е. Черкезишвили, В. Гуния, С. Канчели и другие.

Примечательно, что первой режиссерской работой Котэ Марджанишвили была постановка «Дяди Вани» Чехова на старой сцене Вятского театра. А в 1907 году Марджанишвили изумил киевских зрителей постановкой «Трех сестер».

Следует также отметить, что грузинский зритель проявлял большой интерес к чеховским пьесам, поставленным на русской сцене. В 1901 году Московский художественный театр показал в Тбилиси «Вишневый сад». По этому поводу известная грузинская актриса Нино Чхеидзе вспоминала: «Вторым спектаклем был чеховский «Вишневый сад». Эту пьесу играли так просто, свободно и искренне, что человек забывал, смотрел ли он пьесу или действительное событие, — каждый из артистов являлся естественным воплощением правды».

Наряду с переводами художественных произведений Чехова и постановками его пьес на грузинской сцене, уже в то время в грузинских газетах и журналах печатались статьи о нем, давалась оценка его творчеству, раскрывалась его идейная направленность.

Однако так же, как и в русской критике того времени, в грузинской прессе нередко искажался смысл и значение творчества Чехова. К примеру, в «Грузинском календаре» за 1903 год было сказано: «К какому бы сословию или среде ни принадлежали чеховские действующие лица, они прежде всего несчастны, ибо нет конца человеческому страданию». А между тем именно один из героев Чехова произносит следующие слова: «Вот оно, счастье, вот оно идет, подходит все ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!..»

Высокую оценку грузинская критика того времени давала чеховской драматур-

гии. «Сильное и своеобразное перо Чехова, — писала газета «Дрозба», — знакомо нашему обществу. Его пьесы не нуждаются в разъяснениях. Они с такой художественностью рисуют определенное душевное состояние человека, что весь театральный зал пронизывается единым настроением».

Исключительное внимание уделяла творчеству Чехова газета «Иверия». В номере, посвященном безвременной кончине великого русского писателя, газета отмечала: «Чехов — писатель мирового значения, его смерть — потеря для всей мировой культуры».

* * *

Несравненно возросла популярность Чехова после установления Советской власти в Грузии.

Начиная с 1927 года, его произведения систематически публикуются на грузинском языке отдельными изданиями. Появляется целая плеяда переводчиков чеховского наследия. Это — Ш. Дадияни, Д. Шенгелая, А. Белиашвили, П. Бахтуридзе и другие.

Большинство переводов сохраняют и чеховскую манеру письма, и идейную направленность его произведений.

В связи со 100-летием со дня рождения великого писателя намечено издание трехтомного собрания его сочинений на грузинском языке. Будет также издан сборник детских рассказов Чехова. Печатается монография о его жизни и творчестве.

Неуклонно растет интерес грузинского зрителя к чеховской драматургии. На пьесах Чехова воспитываются молодые кадры грузинских актеров.

Большое внимание уделяет творчеству Чехова грузинское литературоведение.

Статьи, монографии, отдельные главы в книгах посвятили жизни и деятельности А. П. Чехова писатель Демна Шенгелая, профессора С. Данелия, А. Гацерелия, доцент Г. Талиашвили, литературные критики Л. Каландадзе, Г. Карелишвили, Ш. Куридзе, искусствовед С. Герсамия и другие.

Подобно творчеству других великих русских писателей, творчество Чехова помогало грузинским писателям острее осознавать и отображать факты реальной жизни, оказало благотворное влияние на развитие грузинской прозы.

В Грузии высоко чтят имя великого русского писателя Антона Павловича Чехова, творчество которого своим объективно-революционным значением способствовало укреплению нерушимых уз дружбы между русским и грузинским народами.

Софья Гвелесиани

Роман и его притоки

Перед нами роман «Семья Гвиргвилиани» — последнее крупное произведение недавно скончавшегося грузинского писателя Шалвы Дадиани. Русский читатель знает творчество писателя больше всего по пьесе «Из искры...» — она была отмечена Сталинской премией.

Жил писатель долго, интересно, работал много и плодотворно. Всю жизнь свою был тружеником — жизнелюбцем; и написано им немало — повести, рассказы, исторические романы и пьесы; но не только книгами измеряется его вклад в родную культуру — Шалва Дадиани многое сделал для развития грузинского театра, как актер, режиссер и общественный деятель.

Процесс осмысления мира был для Шалвы Дадиани процессом осмысления современности и, непременно, заключенных в ней ростков будущего... В его книгах, если даже они о прошлом, отчетливо различимы голоса сегодняшнего дня. Так и в «Семье Гвиргвилиани». Роман этот писался долго. Первые его главы публиковались еще в тридцатых годах. Последнюю страницу писатель закончил в пятьдесят четвертом году, когда ему исполнилось восемьдесят лет, издал на грузинском языке — в пятьдесят пятом, и вот совсем недавно роман этот вышел и на русском языке, и на полках книжных магазинов появился довольно объемистый том, на переплете которого изо-

бражен мингрельский крестьянин в национальной одежде, и ветка, с которой осыпаются последние листья, — надвигается буря.

Писатель часто прерывал работу. Но было для него в этой, еще не написанной, книге что-то очень притягательное, и он вновь возвращался к ней и уходил в ней к дням своей молодости. Впрочем, «уходил» — это не совсем верно. Роман Дадиани — это не просто воспоминания — это плотно, воссоздающее значительный кусок жизни, эпоху — в истории грузинского, да и всего советского народа — незабываемую. Эта эпоха — канун 1905 года.

В отступление от правил, начнем с формы этого романа. Композиция его проста, незатейлива. Но сюжет — крепок и лишен какой-либо рыхлости. Повествование, разворачиваясь, втягивает в себя новые лица и новые события, драматизм которых ощущается сильнее оттого, что время от времени он словно снимается на смешливой улыбкой автора над теми или иными поступками героев.

Можно, пожалуй, должно, говорить о своеобразии формы этого романа. Роман начинается, перерывается и завершается авторскими отступлениями. Лирическими отступлениями, обращенными к женщине, когда-то нежно любимой. Цибедуль — так зовет эту женщину писатель. А сами отступления он называет притоками и даже нумерует их. Почему

притоками? Может быть, потому, что, написав такую главку, автор черпал в ней новую силу, силу, которую мы называем вдохновением? Дело не в слове, дело в том, что помогает писателю делать главное в его жизни — писать.

Эти «притоки» многие назовут наивными, а, может быть, и старомодными; но, вчитываясь в них, лучше понимаешь, как писался роман, — словно видишь склонившегося над столом писателя и проникаешь в чувства, двигавшие его перо. Впрочем, надо предупредить, на родном языке писателя «притоки» значительно колоритнее, эмоциональнее, чем в переводе.

В «притоках» Дадиани пишет не только о любви. Или нет, он пишет только о любви, но любовь эта обращена не исключительно к женщине. Эта любовь к родине и народу, к родному языку и литературе, к природе, которая «дышит, чувствует», а порой и «плачет живыми слезами».

Очень часто лирическое отступление оборачивается прямой публицистикой — это дает писателю возможность высказать и такие свои взгляды, которые, в противном случае, могли остаться за пределами романа, как неорганичные для его художественной ткани, его образной системы. А писатель торопился, торопился досказать... Это понятно... Впрочем, сам Дадиани объясняет все несколько иначе, — в притоке XVII, примечательном не только тем, что он — один из наиболее публицистичных, но и тем, что писатель очень искренне, мы бы сказали, прямодушно, высказывает по этому поводу свои соображения.

«Мне кажется, что писатель, — говорит он, — на склоне лет... торопится изложить в публицистической форме все, что волнует его, что просится на бумагу».

Обратите внимание на слова: «торопится изложить... все, что просится на бумагу». В основном весь этот отрывок говорит о далеко не случайном стремлении писателя сделать невозможное — высказать все... Отсюда и появились в этом отрывке-исповеди глаголы «торопится», «волнует», «просится»...

Вот почему притоки — это не просто воспоминания, это живые впечат-

ления, это раздумья, мысли о прошлом и будущем, мысли, продиктованные настоящим. Вот почему мы читаем в притоках о том, что за временем, описанным в романе, «начинается эпоха великого исторического восхождения, эпоха решительных схваток народа с самодержавием», которая «неизбежно завершится победой народа», и о том, «что уже нет места князьям Гвиргвилиани», а «всеми делами в Бертеми заправляют» вчерашние бедняки.

Притоки — это мировоззрение. Сливаясь вместе, притоки образуют большое озеро, спокойная поверхность которого скрывает бурное внутреннее течение.

Полвека отделяли писателя от времени, в котором жили его герои, но краски, которыми он их писал, не потускнели. Эти краски, замешанные хоть и старым, но хорошим, испытанным способом, помогли писателю создать большую галерею образов, многие из которых ярко колоритны.

В числе лиц, только мелькнувших на одной из страниц книги, читатель встретит артиста Шалву Дадиани. Вместе с уже тогда знаменитым Ладом Месхишвили они столь темпераментно разыгрывают в одном из спектаклей сцену поединка, что публика начинает опасаться за их жизнь. Этот Шалва Дадиани и есть автор книги, советский писатель. Подчеркиваем мы это потому, что подходим к главному в нашей оценке романа.

Шалва Дадиани действительно хорошо знал людей, чью жизнь описал в «Семье Гвиргвилиани», и не потому, что изучал ее по документам и воспоминаниям, а потому, что жил вместе с этими людьми, не чувствовал себя с ним объектом изучения, а потому и раскрывавшимися перед ним, — еще одно доказательство необходимости для писателя быть в гуще жизни, которую он берет изображать, быть не наблюдателем ее, а участником.

Читая роман, нетрудно убедиться, что жизнь грузинского дворянства и те стороны крестьянского быта, которые писателю были всего доступнее для наблюдения, и есть наиболее сильное в романе, а, скажем, тайные крестьянские сходки показаны, хоть и правдиво, но, если можно так выразиться, менее полнокровно; что

образы дворян — ярче, выпуклее, запоминаются надолго, а образам крестьян и революционеров этих качеств хватает не в полной мере. Наиболее удачные в романе, — конечно, те страницы, где говорится о семье Гвиргвилиани, о таких, связанных с этой семьей, людях, как управляющий Гутати, священник Тэдоре, ростовщик Бандзги; страницы, где описывается межевание земли и то, как в ночной тиши, при свете костров, ловят крестьяне идущую на нерест рыбу. Именно с этих страниц (а их — большинство в книге) встает перед читателем живая жизнь старой Грузии. Эту хорошо знакомую ему жизнь автор берет в один из самых бурных периодов ее истории, с его раскаленной атмосферой борьбы, в которой встают друг против друга безвластное и, в сущности, безземельное крестьянство, руководимое рабочим классом, и пока еще могущественные помещики — опора самодержавия.

В столкновениях этих двух борющихся сторон, воссозданных автором на страницах своего романа, в том, как убедительно показывает автор разложение грузинского дворянства и моральное здоровье крестьян, единых в своей ненависти к эксплуататорам, встает главная идея произведения, идея конечной победы трудового народа над насилием, эксплуатацией, паразитизмом...

Властная красавица княгиня Нектарина видит крах лелеемой ею мечты о создании Гвиргвилиановского майората. Гибнет ее опора — управляющий и любовник Гутати, убитый оскорбленным им хизаном Парной Бжалава. Порывает с семьей, переходит на сторону народа Тайя, в котором Нектарина видела достойного наследника майората; Беги, на которого перенесла было свои честолюбивые надежды Нектарина, арестован за убийство.

Хочется остановить внимание читателей еще на одном представителе семьи Гвиргвилиани, Вамехе, тем более, что обрисован он автором и с уважением, и с любовью.

Впрочем, как известно, любовь и уважение к человеку не обязательно мешают говорить правду о нем...

И симпатия, которую чувствует ав-

тор к Вамеху, его уважение перед умом и знаниями своего героя, его кристальной чистотой, только помогают автору убедительно доказать, что Вамех — это человек, оставшийся на обочине жизни, в стороне от ее главного пути. Его нельзя назвать бесполезным — он полезен людям, но, опять-таки, полезен не в том, что для них является главным. А потому и фигура его представляется временами и малозначительной, а иногда и просто жалкой. Птицеводство, которому отдает Вамех свой энтузиазм, это, конечно, полезно для крестьян, но мелковато для человека его знаний и мыслей в те времена, когда нешуточная, смертная борьба идет между двумя классами — борьба за землю, за честь, за права человеческие. А в этой смертной борьбе Вамех не находит своего места...

Впрочем, если не говорить о Нектарине, наиболее жизнеспособен в этой семье князь Беглар, или, как его называют, — Беги. В этом ограниченном провинциальном дворянине любовь к прекрасной девушке Марине Рябининой не столько раздувает тщеславие (хотя есть и это), сколько желание развивать свой ум, быть полезным обществу, делает его более гордым и самолюбивым. Думается, что не полюби его Марина и не полюби он Марину, он не стал бы стрелять и в Волкова, издевавшегося над его национальным и человеческим достоинством, над его народом. Громко звучит в романе тема национального достоинства, которого, конечно, не дано было унижить ни наглым выходкам Волкова, ни не менее наглой, по существу, речи прокурора Лемлейна. Этим людям автор противопоставляет настоящих русских людей, вместе со своими грузинскими братьями борющихся против царского самодержавия, против всей связанной с ним мерзости. Здесь уместно сказать о тех замечательных людях — простых людях-тружениках, которые населяют роман. Но прежде — несколько слов об инженере Волкове. Этот образ мало убеждает. В поступках Волкова ум его, о котором неоднократно говорит автор, не проявляется, скорее, наоборот, проявляются его глупость и грубость. Думается, что Волков в романе — скорее символ, нежели художественный образ.

В начале статьи мы говорили о том, что в книгах Дадиани, если даже они о прошлом, отчетливо различимы голоса сегодняшнего дня. Можно полагать, что в дни своей юности писатель навряд ли знал столько о людях, творивших революцию, сколько узнал в более зрелые годы. В то время он мог не увидеть в таких женщинах, как Чела, будущую революционерку, в то время он мог и не понимать того, как необходим для победы революции союз рабочего класса и крестьянства. Но теперь неважно, что понимание этого пришло к нему позже. Важно то, что роман «Семья Гвиргвилиани» — это роман нашего современника, написанный с позиции сегодняшнего дня, сегодняшних наших знаний об истории общества.

Мы сказали уже о многих героях романа. Но пока не о тех, к кому влечет нас естественный человеческий интерес, не о героях из народа. А среди них хотелось бы прежде всего сказать о чудесной девушке Челе, путь которой во многом типичен для грузинской женщины из народа.

Сперва она робко помогает брату, но потом превращается в деятельную помощницу революционеров, самостоятельную и гордую. Хочется согласиться с критиком Георгием Цицишвили, написавшим в своем предисловии к книге Дадиани, что Чела — это будущее грузинской женщины. С любовью рисует автор крестьян, вставших на борьбу с помещиками, — таков «разбойник» Манча Джгеренайя, таковы Тада и Микэ, Парна Бжалава, Обишхия, — революционеров Трофима Голубенко, Льва Славского, Петра Батичко и других, и нельзя не сожалеть о том, что фигуры эти не всегда выписаны в полный рост.

В грузинской литературе немного книг о первой русской революции, и хотя есть среди них и такая прекрасная книга, как «Тариэл Голуа» Лео Киачели, хорошо, что на русском языке издан последний роман Шалвы Дадиани, воссоздающий жизнь грузинского народа на этом важном этапе его истории.

Переводчик или автор?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Давно известна большая и плодотворная роль, которую сыграли многие талантливые русские поэты в популяризации лучших достижений грузинской поэзии. Благодаря их неустанному труду, в котором читатели по праву видят одно из великолепнейших проявлений дружбы наших братских литератур, произведения грузинской поэзии обрели поистине многомиллионную аудиторию.

Однако очевидность этого факта, думается, не должна помешать мне поделиться с читателями «Литературной Грузии» некоторыми своими раздумьями, навеянными чтением, особенно в последнее время, ряда сборников стихотворных переводов. Разобраться в этих вопросах, по моему, лучше всего путем обмена мнениями на страницах литературного журнала.

Я остановлюсь лишь на нескольких переводах, помещенных в книге стихов Ш. Амисулашвили. Причем, должна оговориться, что книга эта выбрана мною не потому, что она является чем-то из ряда вон выходящим, не потому, что она особенно удачна или особенно неудачна, — отнюдь нет: примеры из сборника Ш. Амисулашвили взяты лишь по той простой причине, что книга эта, изданная совсем недавно, еще очень свежа в памяти читателей и, вместе с тем, еще не была всесторонне проанализирована нашей критикой.

...Мое подробное знакомство со сборником переводов стихотворений Ш. Амисулашвили — «Баллада о

Редакция приглашает поэтов, прозаиков, критиков и переводчиков высказаться на страницах журнала по существу затронутых в статье вопросов.

любви» началось несколько необычным образом. Случилось так, что, перелистывая сборник, я остановилась на стихотворении «Мама», переведенном талантливым русским поэтом Евг. Евтушенко. Стихотворение настолько мне понравилось, что я решила обязательно прочитать его в подлиннике, услышать, как оно звучит на родном языке. Однако мне не удалось его найти ни в одном из сборников произведений Ш. Амисулашвили. Только внимательно перечитав все его стихотворения, я догадалась, что «оригинал» стихотворения «Мама» — это стихотворение «Дождлся весны». Вот его подстрочник:

Прощаясь на тбилисском вокзале,
не напрасно благословила меня мать.
Ее слова одели меня в сталь,
и до сих пор она (сталь) со мной
неразлучна.
«С тобою крестная сила, сын мой,
навсегда.

Но не теряй в боях самообладания».

И помню, как русской винтовке
и шинели
я доверял свою судьбу.

Кто знает, сколько раз
мне приходилось бывать с мечом,
в руках у смертной пропасти,
сколько раз я пьянел от вражеской
крови,
сколько раз ходил звериной тропой...
Но все кончилось счастливо, я дождался
весны — долгожданной мечты.
Сегодня сердце мое трепещет, как
птица,

и я зову знакомых, чтобы их
расцеловать.

А вот перевод:

«Храни тебя господь», —
Мне мать шептала,
кричали из теплушек нам:
«Скорей!»
Перроны были, словно пьедесталы

Величья и страданья матерей.
Я шел с винтовкой русскою сквозь
вьюгу,

Ослепнувший от вьюги и огня,
И как в пути ни приходилось туго,
Хранила ты, как мой господь, меня.
Но как о нас ты небо не молила,
Какой ты геронней ни была,
Меня в бою ты, мама, сохранила,
А брата сохранить ты не смогла.
Он там лежит, на дальнем бездорожье...
Не плачь, прошу, — душа и так болит...
Ведь, если ты сама господь, то кто же
Тебя на белом свете сохранит?!

Читатель уже заметил, конечно, что общими в подлиннике и переводе являются только две детали — благословение матери и русская винтовка. Более того, вся идейная направленность, философия оригинала и подлинника совершенно различны. Поэтому по стихотворению «Мама» можно судить о поэте Евг. Евтушенко, о его несомненном, щедром таланте, о поэте же Ш. Амисулашвили по этому стихотворению судить нельзя.

Трудно судить о нем и по другому переводу Евг. Евтушенко — стихотворения «Приписка к собственной книге». Содержание его несложно: поэт семь лет (у Евтушенко — пять) писал книгу и выразил в ней самые заветные думы, а его любимая за семь минут холодно и невнимательно перелистала ее и ушла. И все-таки он верит, что дороге ему строки когда-нибудь найдут в ней отклик, что она «войдет под этот кров вторично уже не с ледяной улыбкой, а с сердцем, воспламененным любовью к нему».

Совсем иначе решает тему Евтушенко. Душа любимой закрыта для поэта, «заметены пургою к ней пути», и ему остается единственное утешение, безрадостное, горькое утешение, что когда-нибудь ее ужалит позднее сожаление.

О, как поступки юности жестоки!
Потом, когда года ее пройдут,
Всю жизнь читать, быть может;
будешь строки,
Что написал тебе за пять минут...

Новую ситуацию создает и М. Максимов в «Балладе о тушинской шапке» (в оригинале «Тушинская шапка»). Вот содержание стихотворения:
У дворца царя Ираклия герой

встречает незнакомку — стройную, бледную женщину и чувствует ее холодный, насмешливый взгляд, прикованный к его тушинской шапке, — на что, мол, она ему! Смущенный, он входит во дворец, начинает рассматривать старинное вооружение грузинских воинов и замечает лежащую в шлеме эту маленькую черную шапочку, с которой воин не расставался и в бою. И решает, что нет смешного в том, что он носит эту шапку. Она — символ мужества, воспоминание о героическом прошлом грузинского народа. Оглянувшись, он снова встречается взглядом с незнакомкой. Но она смотрит уже не холодно, взгляд ее потеплел, она поняла, почему герою так дорога его тушинская шапка. Перевод «дополняет» стихотворение. Незнакомая женщина, оказывается, была во время войны медсестрой. Она спасла жизнь героя, а теперь узнала его по этой тушинской шапке. Все это, конечно, вполне возможно, но этого нет у автора.

Быть может, кому-то больше понравится русский вариант стихотворения, а кому-то сам оригинал. Но ведь читатель готовился читать стихи Ш. Амисулашвили, и нельзя поэтому не упрекнуть Ш. Амисулашвили за то, что он согласился включить эти стихи в свою книгу.

Но это, так сказать, случай из практики перевода, в котором, вообще-то говоря, вопросы практические и творческие переплелись особенно тесно. В этой связи позволю себе высказать, вернее, повторить несколько известных мыслей о принципах перевода, а, вместе с тем, и о том, (поскольку речь идет о переводах стихотворений Ш. Амисулашвили), как они, эти принципы, отразились конкретно в сборнике «Баллада о любви».

В многочисленных работах, посвященных теории и истории перевода, непременно говорится о двух школах художественного перевода: школе «точного» и школе «вольного перевода», которые боролись, как известно, издавна. Так как переводчики, придерживавшиеся первого направления, рабски копируя оригинал, создавали, обычно, ремесленные произведения, второе направление

приобрело большую популярность. В пушкинское время считалось, что «переводить поэтов на родимый язык значит или заимствовать основную мысль и украсить оную богатством собственного наречия или, постигая силу поэтических выражений, передать оные с верностью на своем языке».

Блестящим и признанным мастером «вольного перевода» был В. А. Жуковский, прямо заявлявший, что у него «все чужое или по поводу чужого и все, однако, свое» и подчинявший своей творческой личности каждую строчку чужого текста. Но и в те времена многие понимали, что ни на путях «точного перевода», ни на путях «вольного перевода» нельзя найти правильного решения задачи. «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи, старца великого тең чую смущенной душой», — писал А. С. Пушкин о понравившемся ему переводе «Илиады» Гнедичем, подчеркивая, что переводчику удалось уловить дух оригинала. Несколько позднее В. Г. Белинский дал исчерпывающую формулировку задач, стоящих перед переводчиком: «Цель переводов... — заменить по возможности подлинник для тех, которым он не доступен по незнанию языка, и дать им средство и возможность наслаждаться и судить о нем...»

В наше время мысль о том, что если перевод документа — политического, научного, технического, требует математической точности, то для художественного перевода необходимо сочетание точности и творческой свободы, — стала общепризнанной.

Добиться того, чтобы перевод звучал, как оригинальное произведение, и вместе с тем, сохранить национальное своеобразие подлинника и творческое лицо его автора — вот, несомненно, цель переводчика, сложная и вместе с тем благодарная. Великолепное достижение этой цели — сонеты Шекспира в переводах С. Я. Маршака. Являясь, по характеристике А. Фадеева, «фактами русской литературы», они, одновременно, остаются произведениями величайшего из поэтов английского Ренессанса.

Не заслонять собою автора, не

подчинять своей творческой личности переводимый текст — как это трудно для переводчика с яркой индивидуальностью и как это, вместе с тем, необходимо! Не желая быть категоричной, я все же хочу высказать сомнение по поводу перевода М. Максимовым «Баллады о портсигаре и миргородском друге» (в оригинале — «Миргородскому другу»). В стихотворении рассказывается о том, что поэта на его родине навестил старый боевой друг. Поэт бесконечно рад, особенно потому, что видел его в последний раз тяжело раненным, в почти безнадежном состоянии. Тогда на память о друге он взял его окровавленный портсигар. Это упоминание о портсигаре дает переводчику основание для развития совершенно новой, отсутствующей в тексте темы. Стихотворение о миргородском друге перерастает в «Балладу о портсигаре и миргородском друге». Приведем строки, отсутствующие в оригинале:

Если гость у нас в марани,
В дар ему принять велят
Все, к чему он прикоснулся. —
И закон тот будет свят...
Но тебе я дам в подарок
Не кинжал и не коня,
Потому что есть вещь
Всех дороже у меня;
Грош цена ей в день базарный.
Только знаем ты да я:
В этой маленькой вещице
Жизнь моя и честь твоя.
Ты не помнишь, — горьким дымом
Взор тебе заволкло, —
Как склонился над тобою
Я в тот миг, смертям назло,
Из кармана гимнастерки,
Ощувив твой смертный жар,
Я достал вещь эту —
Твой солдатский портсигар.
Стер я кровь с него травую,
И свидетель он сейчас,
Что тебя из боя вывез
Я, мой друг, в тот страшный час.
На седло тебя взвалил я,
Бомбы сыпались в реку
И отбрасывал осколки
Конь копытом на скаку.

«Оттолкнувшись» от грузинского оригинала, М. Максимов создал новое стихотворение, в котором «все... по поводу чужого и все, однако, свое».

Чрезвычайно «вольным» кажется и другой перевод М. Максимова —

«В середине января» (в оригинале «Наша зима». В один из ранних сборников стихотворение вошло под названием «Зимний пейзаж»). Для сопоставления приведем подстрочник и стихотворный перевод.

Вот подстрочник:

Кто сказал: с неба сыплет снег,
Ветер стонет, ветер плачет?
Кто сказал: ударил мороз по деревьям,
Родная земля им стала горька?!
Я не замечаю зимних дней,
Каждое утро слушаю пение соловья.
Горы окрашены синевой,
Солнце сияет, тепло.
Ветви ткемали, как цветы,
Простерлись в небо.
В камине не горит огонь,
Не пенятся сырые дрова,
Мама не сидит рядом со мной
С чесалкой в руках,
И я окошко приоткрыл,
Ни слова не говорю о холоде
Вижу ясно: в грядках мерцают
подснежники.

А вот перевод:

Что вы? Сыплет снегом новым?—
Вы сказали, — ветер плачет?
Что? Мороз трещит? Да что вы!
Все неправда, все иначе
Я зимы не замечаю
Разве горы смутны стали?
Разве это хлопья снега —
Это же цветы ткемали...
Я не жгу огня в камине,
Не кипят поленья в пене?
Где зима? Да и в помине
Нет мороза — день весенний.
Только мать моя с чесалкой
Возится, как в зиму, с шерстью —
Вот ее-то мне и жалко,
А не то бы с песней вместе
Распахнул я окна настежь
К винограду.
Чтоб ответил соловей мне
То, что надо.
Чтоб увидел я весенний беспорядок,
Чтоб подснежники мерцали
Между грядок...
...Что ж все это означает
В середине января?
Что люблю тебя, родная,
За любовь благодаря.

Нетрудно заметить, что в переводе есть и фактические несовпадения (в авторском тексте «мать с чесалкой не сидит рядом», у переводчика, наоборот, — «возится, как в зиму, с шерстью»). Но дело даже не в этих отдельных отклонениях: весь под-

текст в переводе, нашедший выражение в заключительном четверостишии, совсем иной.

Ш. Амисулашвили рисует реалистическую картину — один из обычных для нашей южной зимы теплых дней (кстати, в тексте нигде не сказано, что это — середина января, скорее — это на исходе зимы), М. Максимов же переводит стихотворение в субъективный план. Весь этот «весенний беспорядок» в середине января означает, что поэт любит и благодарит за весну свою возлюбленную...

В стихотворении под названием «Послание к отцу» (перевод Г. Мазурина) поэтический оборот — ქარს მუზარადზე უგალობნია და სუსხიანი ულექვის ფრთები (Ветер пел на шлеме (каска) и мороз ему крылья ломал) — трансформируется следующим образом:

А на каске моей
Там, где пули оставили след,
Ветер шепчет впотьмах
О протоптанных маленьких тропах...

Читатель обратил, конечно, внимание на то, что никаких «протоптанных маленьких троп» в подлиннике нет.

В хорошем переводе стихотворения «Этого довольно, чтобы вспомнить» (М. Луконин) есть такие строчки:

...Жизнь радугой великой нас влечет,
Часть радуги заветной—это взгляд твой.
Что—просто? Удивлен я связью той,
Ведь та, что поклялась мне клятвой
крепкой,
Вдруг оказалась и моей мечтой...

Совершенно очевидно, что эти строчки обращены к женщине. Лирический герой стихотворения радостно удивляется счастливому стечению обстоятельств, сделавших его любовь взаимной. Между тем, соответствующие строчки оригинала обращены не к девушке, а... к юноше, товарищу детских игр. Поэт вспоминает, что они оба «горели любовью», и не простой, а необычайной. Та, которая поклялась поэту крепкой клятвой, была, оказывается, и мечтой его товарища.

В тексте стихотворения «Борьба со словом» читаем: Слово... «в дремучий лес ворвется, как раненный кабан».

В переводе (Л. Магистрова) эти строки звучат так:

«вспугнутой птицей исчезнет в лесу дремучем».

Непонятно, чем руководствовался переводчик Евг. Винокуров, выпускающая из перевода стихотворения «Два обелиска» сдержанно-сильное, энергичное заключительное четверостишие:

ნათქვამია: კარგი მოყმე ლაშქარს კვდება
და ისიც ხომ ლაშქრობაში დაიღუპა.
სადღეგრძელო გამაგონეთ ვაჟკაცებმა
ერუანტელმა დაგვიაროს რაინდულმა.

(Говорят: хороший воин гибнет на поле
брани.

И он ведь тоже .в боях погиб.

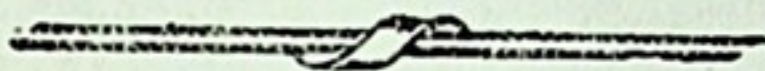
Тост такой, мужи, провозгласите,
Чтобы рыцарский трепет меня охватил)

и заполняя этот пропуск совершенно несоответствующими оригиналу строчками:

И душа моя грустью объята
И не в силах я сдерживать слез...

Каковы же размеры допустимых отклонений, пределы творческой свободы?

Вопрос этот, конечно, очень сложный. Но, думается, каково бы ни было его решение, какие бы не предлагались формулировки, они лишь подчеркнут необходимость при анализе переводов руководствоваться сопоставлением подлинника и перевода. В этом главное. И на это мне хотелось обратить внимание.

На встрече поэтов

Советские поэты впервые приняли участие в конгрессе поэтов мира в 1956 году. На нынешний конгресс, состоявшийся в минувшем году в Кнокке Ле Зут, по приглашению, полученному Союзом писателей СССР, отправилась делегация в составе С. Михалкова, С. Кирсанова и автора этих строк.

Кнокке Ле Зут — курортный городок в Бельгии. Здесь мягкий климат, прекрасный пляж, фешенебельные отели, а значит — обилие богатых туристов и курортников из различных стран мира.

Вместе с другими делегатами мы поселились в отеле «Резиданс Альбер», неподалеку от которого находилось здание Казино, где проводились заседания конгресса.

В первый день мы познакомились с работой организационного комитета, с материалами конгресса, повидались с участниками других делегаций. Мы узнали, что организационный комитет конгресса издает бюллетени, располагает богатым архивом, фильмотекой и фонотекой, имеет постоянный печатный орган — газету «Ле журнал де поэт», регулярно публикующую произведения поэтов различных стран, информации о литературной жизни.

Начиная с 1952 г. комитет издает «Антологию мировой поэзии за половину века».

К открытию конгресса газеты различных стран мира выпустили специальные номера («Ла нувель литерар», «Л'экспресс» — Франция, «Ла Ситэ», «Ла Фландр Либераль» — Бельгия, «Иль джорнале де поэти» — Италия и др.). Хочется привести некоторые выдержки из них, рисующие обстановку, в которой открылся конгресс.

«...Организаторы этой встречи в Кнокке, — писала газета «Л'экспресс», — могут себя поздравить: они собрали в просторном Казино, любопытно декорированном художником-сюрреалистом Магрицом, 400 поэтов, представляющих 42 национальности, более полусотни дипломатов и большое число журналистов...»

«...Здесь были поэты всех рас и всех цветов. Большинство языков мира были представлены в Вавилонской башне, в которую превратился Казино на время конгресса». («Ла Фландр Либераль»).

Последнее утверждение нуждается в уточнении. Не участвовали в конгрессе поэты Народного Китая, Германской Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам.

К открытию конгресса в просторном фойе Казино мы организовали выставку советской книги. Выставку организовали и американские поэты. Но если на их стендах преобладали фото, наши поэты, поэты всех народов Советского Союза, были представлены исключительно книгами, изданными на шестидесяти языках. Надо ли говорить, каким успехом пользовалась эта выставка, и как гордились ею мы, советские делегаты!

После торжественного открытия конгресса были заслушаны доклады президента конгресса Жана Кассу, вице-президента Пьера-Луи Флуке, представителя Сорбоннского университета Мари-Жан Дьюри и представителя ЮНЕСКО — Роже Каиюа. Затем слово было предоставлено советскому поэту С. Кирсанову. Я не излагаю его здесь, так как оно публиковалось в нашей прессе, скажу лишь, что его выступление, бодрое, жизнеутверждающее, пронизанное искренней верой в силу поэзии наших дней и поэзию будущего, произвело большое впечатление на присутствующих и впоследствии оказалось в центре внимания как ораторов, так и прессы. Многие поэты Запада разделили этот наш оптимизм и нашу веру.

Основная проблема, вокруг которой развернулись прения, была сформулирована так: «Поэзия и человек завтрашнего дня».

Очень интересным было выступление президента Жана Кассу:

«Машины, — сказал Жан Кассу, — сами по себе не опасны для человека. Человеческому веку может быть опасен только человек. Невиданное развитие атомистики вместо того, чтобы служить современной цивилизации, может совершенно случайно оказаться губительным для нее. Но разве можно будет обвинить в этом науку? Смешно задавать такой вопрос, ибо совершенно ясно, что виноват будет сам человек...»

«Я не верю, — сказал далее Жан Кассу, — что развитие машин порождает страшный мир, из которого, как из платоновской республики, будут изгнаны поэты; я думаю, что человек всегда будет иметь дело с человеком и ни с чем более, и, таким образом, люди всегда будут иметь возможность обратиться друг к другу с поэтическим словом, выразить в стихах или в прозе свои переживания и стремления, свои надежды... Поэзия всегда будет жить и всегда будет необходима...»

Запомнилось мне и выступление бельгийского поэта, вице-президента конгресса П.-Л. Флуке.

Приведя в своей речи слова Роже Мартена дю Гара — «Ждать возвращения прошлого или молодости — значит терять время. Действительность перед нами. Высшая мудрость — быть представителем своего времени», Флуке развил этот тезис выдающегося французского писателя таким образом: «Поэзия, — заявил он, — стала социальной, космической, религиозной, политической, она более не знает границ, она живет во всех лагерях, на всех дорогах, повсюду, где только поет истинный поэт, светит истинная поэзия».

Флуке считает необходимым, чтобы поэты стояли на уровне научных достижений, так как знание, по его словам, является единственным средством преодоления страха. Он считает ошибочным взгляд, согласно которому наука никогда не вдохновляла поэтов. Флуке напоминает виднейших бельгийских поэтов — Эмиля Верхарна, Марселя Тири и Пьера Буржуа, которые с равным вдохновением воспевали и лаборатории, заводы, электричество, радиоактивность, — и духовный мир человека.

По мысли Флуке, радио, телевидение и грамзапись лишь способствуют широкой популяризации поэзии, но, конечно, «поэзия — не дело механики». Он рассказал об интересном случае, происшедшем в одном из кибернетических учреждений. В электрическом мозге машины что-то испортилось и, вместо математических формул, которые были заданы машине, инженеры услышали рифмы. Повреждение было срочно исправлено, и машина вновь заработала нормально. Итак, машина может «создавать» рифмы. Но ведь рифмы, «созданные» машиной, не были поэзией. Да и не могли быть ею, ибо «жизнь поэзии зависит от действительной жизни, поэтому у робота никогда не будет поэзии... До тех пор, пока будет существовать человек, будет жить и поэзия, так как у человека всегда будет потребность беседовать со своей душой...»

Очень интересным было выступление французского писателя Сезара Сантеля. Выдвигая на первый план революционность, как основную черту истинной поэзии, Сантель в то же время отметил, что «революционность поэта не мирится и никогда не примирится ни с ненавистью, ни с жестокостью. У поэта не может быть грязных и, тем более, — окровавленных рук. Поэт умирает, если он не причастен к свободе...» По мысли Сантеля, свободный человек всегда подчинит машину и, таким образом, достижения науки и техники всегда будут служить человеческому разуму и прогрессу.

Писатель Марсель Хиктер, говоря о достижениях науки и техники, о бурном их развитии, коснулся борьбы против опасности новой войны, стремления всех народов к миру. Он обратился к нам, к советской делегации, со следующими словами: «Мы солидарны, я и вы, вы и мои дети, я и ваши дети. Я думаю, что стоящая перед нами проблема состоит именно в том, что у нас есть дети, и в том, чтобы наше время, наше поколение, наш род не обратили землю в пустыню или хаос. Проблема эта состоит в том, что у наших детей тоже должны быть дети, и у этих детей должен быть воздух, которым они будут дышать...»

При этих словах весь зал поднялся на ноги и громкими аплодисментами выразил свое одобрение оратору.

Глубоким и содержательным было выступление профессора Сорбоннского университета Мари-Жан Дюри, которая говорила о единстве поэзии и гуманизма, о вечности поэзии, как внутреннего голоса человека.

На одном из заседаний П.-Л. Флуке огласил письмо, присланное конгрессу членом французской академии Жаном Ростаном. Жан Ростан, сын известного французского поэта и драматурга прошлого столетия, автора «Шантеклера» и «Сирано де Бержерака» Эдмонда Ростана, является одним из выдающихся ученых Франции и другом французских поэтов. Письмо, в котором он высказал свои взгляды на место поэзии в эру техники, вызвало большой интерес. Приведу отрывок из него: «Мне хочется в нескольких словах сказать о том, что поэзия необходима человеку для удовлетворения своей основной духовной потребности — возвышения человеческих чувств. Поэзия никогда не утратит своего назначения, каковы бы ни были завтрашний день, изменения социальной структуры и развитие техники. Мне думается, что ее роль будет неуклонно расти в эпоху, которая угрожает самому дорогому в жизни человека — его сокровенному духовному миру...»

Широко была представлена на конгрессе негритянская поэзия. В своих выступлениях негритянские поэты, среди которых мы встретили и участников Ташкентской конференции, затрагивали злободневные социальные и политические вопросы.

Волнующей и незабываемой была речь гваделупской поэтессы — Флоретты Моран. Смуглая, красивая, стройная женщина с маленького, затерянного в Атлантическом океане острова Гваделупа принесла с собой слезы и гнев своего народа. На чистейшем французском языке Флоретта Моран рассказывала о колониальном гнете, придавившем ее страну. И когда она назвала колониальный гнет «колониальным каннибализмом» и обратилась к поэтам всего мира с призывом поднять свой голос против этого анахронизма, весь зал, как один человек, поднялся на ноги и устроил ей овацию.

В один из перерывов между заседаниями состоялось собрание поэтов, посвященное негритянской поэзии. Дакарский поэт Зобел на французском языке читал стихи негритянских поэтов, живущих в различных странах мира.

Единогласно принятая на конгрессе резолюция, в которой поэты всего мира призывали правительства стран Европы, Азии, Америки и Африки к мирному сотрудничеству и дружбе, еще раз продемонстрировала их единодушие и взаимопонимание. Такая резолюция говорит о многом. Была ли она возможна до начала эры спутников? Может быть. Но трудно, очень трудно утверждать это категорически.

Перед закрытием конгресса президент предоставил слово мне. Я рассказал о моей родине — Грузии, о ее славном прошлом и настоящем. Рассказал и о древнем Тбилиси, о том, что есть у нас улица имени славного соотечественника наших гостеприимных хозяев — поэта Эмиля Верхарна.

От имени Союза писателей СССР я вручил президенту антологию бельгийской поэзии, изданную в Москве перед нашим отъездом на конгресс. В дар от грузинского народа я передал президенту «Вепхис ткаосани» и антологию грузинской поэзии в переводе на английский язык В. Урушадзе.

Президент в теплых словах поблагодарил нас.

* * *

6 сентября, в воскресенье, в Большом зале состоялся большой поэтический дивертисмент. В сопровождении музыки и танцев участники конгресса читали стихи и поэмы выдающихся поэтов различных народов мира. На следующий день мы слушали электронические и радиофонические поэмы, смотрели короткометражные фильмы, посвященные жизни поэтов или созданные по мотивам их произведений.

Перед закрытием конгресса состоялись выборы лауреата.

По решению жюри под председательством выдающегося итальянского поэта Джузеппе Унгаретти, лауреата прошлого конгресса, премии был удостоен выдающийся французский поэт Сен-Жон Перс, которому, кстати, почти в то же время был присужден Большой Национальный приз Франции.

После закрытия конгресса мы выехали в столицу Бельгии — Брюссель. По просьбе Советского посольства, мы провели там три литературных вечера: для сотрудников Советского посольства и консульства, для членов «Союза советских граждан» и для «Общества советско-бельгийской дружбы».

В день нашего прибытия в Брюссель была запущена советская ракета на Луну.

Это событие стало сенсацией. Бельгийские поэты посвятили запуску ракеты стихи и вручили их нам.

На вечере в «Обществе советско-бельгийской дружбы» присутствовали представители бельгийской интеллигенции, академики, ученые, писатели. Поэт Андрэ Клод сделал большой доклад о советской литературе. Значительное место уделил он грузинской поэзии. Артистка Брюссельского драматического театра читала грузинские стихи в переводе на французский язык, Михалков, Кирсанов и я познакомили собравшихся с лучшими образцами советской русской и грузинской поэзии.

Дорогие друзья! Мы приглашаем вас к нашему новогоднему столу, зовем в гости всех — наших старых друзей и новых читателей, наших многолетних подписчиков и тех, кто все еще раздумывает, прежде чем решиться на этот шаг.

С Новым годом, товарищи!

Не удивляйтесь, пожалуйста, что наше приглашение дойдет до вас с некоторым опозданием. Вы, конечно, слышали о «теории дистанции»: произошло какое-то событие, и писатель начинает выжидать. Ждет месяц, год, пятилетие. Об этом событии напишут в учебнике истории, писатель прочитает и... начнет его описывать. Но не бойтесь — обещаем вам, читатель, что это первый и последний случай проявления «теории дистанции» в нашем журнале.

Итак, пожалуйста к столу! «Литературная Грузия» приглашает вас.

Какая новогодняя встреча может обойтись без Деда-Мороза! Видите, там, у елки, сидит Ираклий Абашидзе. Вы узнали его? Он будет сегодня Дедом-Морозом и раздаст писателям новогодние подарки. Ираклию Абашидзе не впервые приходится выступать в этой роли. Он, так сказать, Дед-Мороз с большим опытом и стажем. Дед-Мороз, функционирующий круглогодично, — этого еще не бывало!

По бокам от него сидят верные соратники и помощники — Бесо Жгенти и Серги Чилая. Два критика в секретариате — сможет ли после этого кто-нибудь сказать, что у нас не любят критику?!

На ком остановить дальше ваше внимание? Дружная и сплоченная группа в левом верхнем углу — это не фрагмент древней фрески, а редакторы наших литературных журналов. Высоко вздымает знамя («Дроша») Григол Абашидзе. Симон Чиковани прижимает к груди свой светоч («Мнато-би»), а Вахтанг Челидзе — утреннюю зарю («Цискари»). Сегодня они заведуют световым оформлением и потому забот у них немало! У стола еще один специалист по световым эффектам — Георгий Шатберашвили, но «Солнце мертвых», как известно, не дает яркого света. Редактор «Литератури газети» Георгий Натрошвили сосредоточенно склонился над машинкой. Он в тяжелом положении — его газета выходит в четыре раза чаще, чем обычный журнал. А ведь в каждом номере надо же что-нибудь печатать.

Совсем недавно Демна Шенгелая (в правом нижнем углу) нашел ценный «Клад» и теперь, ходят слухи, занялся его разработкой. К опытным кладоискателям грузинской речи относится Константинэ Гамсахурдиа. Он по праву занимает почетное место, так как принес к новому столу свою лепту — цветущую лозу, и теперь собирается десницей мастера давить из нее вино, какого не доводилось пить и самому Давиду-Строителю.

Вы, наверное, с удивлением видите, что за праздничным столом перед Акакием Белиашвили нет никакого сосуда. Не мог же он принести мартен из романа «Рустави». (Пока что из выплавленной там стали получилась лишь сабля для героя романа — Вепхиа Халибаури, нашего старого друга).

Особая честь и особое место юбилярам — Георгию Леонидзе и Иосифу Гришашвили. Писать о народе и писать для народа — таков их девиз. И потому почетное звание народных поэтов явилось достойной наградой.

Тут же, за нашим столом — поэты Алио Мирцхулава и Карло Каладзе (с рогом поэтического изобилия в руках). Они совместными усилиями собираются подать Деду-Морозу заявление о том, что в наши дни на Пегасе ни один поэт далеко не уедет — «Волга», конечно, лучше. Александр Кутатели, как всегда «Лицом к лицу» с происходящими событиями.

Старейшина грузинской прозы Лео Киачели сел так, чтобы повнимательней приглядеться к тому углу стола, где собралась литературная

молодежь. За нею нужен глаз да глаз. А он многому может научить ее. Впрочем, наставляя молодых, он и сам молодеет.

Хута Берулава гордо восседает на большой стопке книг, изданных им в «Накадули». Но, судя по прошлому году, издательская деятельность не мешает его поэтическому творчеству.

Обратите внимание на длинный лист бумаги перед Иосифом Нонешвили. Это стихотворение, написанное им по случаю Нового года. В 1960-м году будет еще много праздников. Читатели хотят верить, что каждое его стихотворение тоже будет праздником для любителей поэзии.

Реваз Маргиани взирает на все вокруг с олимпийским спокойствием. Это и не удивительно: совсем недавно в Москве вышла его книга «Восхождение». А куда может восходить поэт, как не на Олимп!

Свое критическое оружие точат наши критики — Лавросий Каландадзе и Георгий Маргвелашвили. Оно понадобится им не только за сегодняшним столом, но и в литературных боях.

Седовласый патриарх в правом верхнем углу — нестареющий Дмитрий Гулиа. Сколько подобных новогодних встреч видел он на своем веку, и сколько новогодних встреч ему еще предстоит увидеть!

Круг завершается, мы возвращаемся к елке. Возле нее порхает Марика Бараташвили. Сегодня, по новогоднему штатному расписанию, она оформлена Снегурочкой. Совсем недавно она вместе со своей «Стрекозой» облетела весь Советский Союз, и даже побывала в Индии (без «Стрекозы»), а читатели и зрители уже в один голос требуют новых произведений.

Ты все пела? — Это дело.
Так поди же, попиши.

И она поехала в Квавилети, откуда, кстати, и привезла нам елку. Но призыв писать относился не только к Марике Бараташвили. Новый, 1960 год наступил. Пишите, товарищи писатели, — те, кого мы уже упомянули сегодня, и те, кто не поместился на журнальной странице. Желаем вам урожайного литературного года.

С Новым годом, товарищи!

Э. ЭДЕЛИ.

Месяц на Луне

ЛУНА, КРАТЕР СПОКОЙСТВИЯ. 7. Сегодня ваш корреспондент прибыл на Луну. В телескопы не ищите. Я попал на невидимую с Земли сторону. Именно здесь, в кратере Спокойствия, обитают крупнейшие писательские таланты селенитов.

История развития лунной литературы, как мне здесь рассказали, богата интересными событиями и фактами. Было время, когда лунные писатели селились в Море кризисов (как известно, настоящих морей на Луне нет, и морями называются глубокие кратеры, более удобные для жилья, чем горные вершины). Именно в этот период одного писателя, который ратовал за теорию дистанции, причем дистанция должна была отделять его от изображаемых событий расстоянием не менее, чем 2.000 световых лет, возмущенные селениты выбросили на Землю. Сделали они это с помощью катапульты, которую оставили им марсиане, останавливавшиеся на Луне перед прыжком на нашу планету. Наверное, тогда и возникла распространенная на Земле поговорка: «Ты что, с Луны свалился?».

Численный состав населения кратера таков: из 10.000 жителей — 5.000 драматургов, 5 прозаиков и 1 поэт. Остальные заняты в народном хозяйстве.

Писатели имеют свои печатные органы — «Лунгазету», журналы «Литературная Луна» и «Лунный мир».

Мне повезло. Именно тот месяц, который я проведу на Луне, считается у писателей организационным. Это один такой месяц в году. За это время проводятся всякого рода совещания, пленумы, обсуждения, распределения, прием новых членов и юбилей старых. В остальное время писатели пишут. Странно...

Руководители творческой организации выполняют свои обязанности в порядке общественной нагрузки, довольствуясь получением причитающегося им гонорара за книги. Странно вдвойне!..

Приняли меня очень хорошо. Я устроился в комфортабельнейшем номере гостиницы «Тбилиси» (не удивляйтесь, после прибытия первых людей с Земли все гостиницы названы в честь крупнейших наших городов. Имеются «Москва», «Ленинград», «Киев», «Ташкент» и другие). Затем устроили банкет. Коньяк «Лунисели» был великолепен. Очень ароматны вина, особенно «Лунандали», которое, как утверждается в популярной здесь песне — «Приезжайте в Лунандали», способствует долголетию.

Вынужден быть лаконичным, так как спешу на заседание секции поэта. В следующей корреспонденции расскажу о ее работе.

Лункорр. «Литературной Грузии»
ПЛУТОН МАРСИЯ.

Корреспонденцию приняла С. Маринашвили.

საქართველოს
ლიტერატურის

Литературные пародии

Как вольно, как весело
дышится легким!
...И воздух уверенно меря
шагами,
Я сам поднимаюсь
куда-то
высь.

(Мухран Мачавариани.
«Иду я по улице»,
перевод К. Церетели).

Задорно,
с присвистом,
дышится легким.

А сердце
готово пуститься в пляс!
Я воздух уверенно мерю
шагами

По добрых
100 кубометров
в час.

Закончилась улица.
Лунной дорожкой
Иду в поднебесье.
Большая луна,
Завидев пришельца,
всплеснула руками,
Таким поведением моим
смущена.

Ветер и ночь, снег и дождь,
Солнце, трава и радуга,
Улыбка, любовь, гордость
и дрожь...

Эту землю поднять бы на
руки!
Ручей и ложбина, колос,
початок,
Колыбель, братишка, крики
земли,
И все, на чем любви
отпечатки,
Что смеется и что горит.

(Джансуг Чарквиани.
«Большая жизнь»,
перевод Н. Тархнишвили).

Бутылка, метро, пара яков
медлительных,
Шарманка, сестренка, дырявый
мешок.

О, сколько на свете еще
существительных!
О, если бы к сердцу прижать все я
мог!

А. ГЕРШТЕНБЛИТ.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 7 февраля 1960 г. 6,5 печ. лист. + 1 вкл.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 1305   Тираж 8.000   УЭ 01423.

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

68 22/13

